

Драко

Winged class hero

ЧУДЕСА ИНОГДА СЛУЧАЮТСЯ.

МИР, КАК И ВСЕ, ЧТО В НЕМ – НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ЦЕПОЧКА СЛУЧАЙНОСТЕЙ.

ГРАНДИОЗНАЯ, НЕОБЪЯТНАЯ, И ВСЕ ЖЕ СПОСОБНАЯ ИЗРЕДКА РВАТЬСЯ.

МОЖНО ЛИ СТО ТЫСЯЧ РАЗ ПОДРЯД ВЫБРОСИТЬ НА КОСТЯХ "ДВЕНАДЦАТЬ"?

НЕЛЬЗЯ, СКАЖЕТ ЛЮБОЙ. И БУДЕТ ПРАВ – СО СВОЕЙ, РАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

ПРОЙДЕТ МИЛЛИОН ЛЕТ, ЗА НИМ ЕЩЕ ОДИН, НО РАЦИОНАЛЬНОСТЬ БУДЕТ ТОРЖЕСТВОВАТЬ,

ИБО ОНА – СУТЬ МИРА.

А ПОТОМ СЛУЧИТСЯ ЧУДО.

ДАРК ТАНАКА

ХОРОШО, ЭТО БЫЛО ЧУДО. ТЕПЕРЬ МЫ МОЖЕМ ИДТИ?

КВЕНТИН ТАРАНТИНО

Пролог

Ясновидящая

Где-то, в ином измерении, купаясь в сиянии, будто в нектаре, живая планета мчалась сквозь пустоту.

Теплое дыхание звезды согревало два огромных континента, один из которых, южный, занимал почти все полушарие. Каждую ночь океаны, отвечая призывам трех лун, яростно атаковали сушу, пытаясь присоединить солнечные равнины к своему сумрачному царству. С рождения планеты минуло уже пять миллиардов лет, но им это так и не удалось.

Повсюду царствовала жизнь. Дремучие джунгли покрывали северные земли, южнее расстилались равнины, хвойные леса и тундра, здесь были холодные острова и уносящиеся за тучи горы, влажные болота и сухие песчанники, сказочно красивые долины соседствовали с безжизненными утесами. Природа ни в чем не скупилась.

Сотни видов животных населяли материки. И не только животных – десятки разумных рас жили бок о бок в этом сказочном заповеднике. Жили, хотя далеко не всегда уживались...

На языке, знакомом большинству обитателей планеты, их мир назывался Кринн, а континенты – Ансалон и Таладас.

Жизнь в Ансалоне никогда не была чрезмерно легкой. Едва ли удалось бы вспомнить год, когда на всей материке царил мир. Редкое существо доживало до глубокой старости, войны косили всех подряд.

Те, кого смерть заставляла на склоне лет, иногда даже радовались ее приходу, ибо в медленном угасании радости меньше, чем в яркой и скоротечной вспышке. Вот

только смерть на возраст не смотрит. И как раз сейчас, далеко на юго– востоке Ансалона, среди скал Ледяного Предела, что высятся южнее города Зериак, одно юное существо боролось за жизнь. Боролось без особой надежды.

...Черной дыры, в которую превратилось сознание, достиг приглушенный вой ветра. Орион долго лежал неподвижно, силясь понять, жив ли он до сих пор, или слышит Вечный Вихрь, бушующий там, куда, по легендам, отправляются души. Постепенно, однако, чувства – а с ними жестокая боль – возвращались в его израненное тело.

Попытавшись открыть глаза, Орион тихо застонал. Молнией вспыхнула страшная догадка: боги, неужели он ослеп? Пожалуйста, только не так... Нет... Это несправедливо! По телу пробежала волна мучительной дрожи. Орион вновь рискнул напрячь веки, но боль едва не лишила его сознания. Так и есть. Он слеп.

Мутный поток отчаяния и горечи захлестнул разум. За что, боги, за что?! Орион помнил лишь, как грелся на скалах, впервые видя солнце после мрачных пещер... Удар в спину, страшная боль, грохот – или крик? Жар, полыхающий вокруг, боль, боль! Краткий миг полета, крылья охвачены пламенем... Удар о камни милосердно бросил Ориона во тьму. На этом и должна была завершиться его недолгая, лишенная всяких событий жизнь, но боги, видимо, решили напоследок поиздеваться.

– За что... – горько прошептал Орион.

– Криста, он очнулся! – звуки ворвались в его мир, мир, состоявший из одной боли. Искалеченный дракон медленно начинал возвращаться с того света.

– Я ослеп, – прошептал Орион. Скорее бы уж его добились... Между тем слух, кажется, пока еще работал нормально. Слева донеслись торопливые шаги.

– Брат , пропусти, – сказал мягкий женский голос.

– Он утратил глаза?

– Это действует заклятие исцеления. Зрение скоро вернется.

"Я буду видеть!!!" – мысленно Орион закричал от счастья. И тут же осекся, сообразив, что лежит неизвестно где, абсолютно беспомощный. Внезапно ему дико, со страшной силой захотелось жить. Переход от полной апатии и ожидания смерти был разительным.

– Где я?.. – прошептал Орион.

– В безопасности, – женский голос приблизился. – Расслабься. Ты едва не погиб.

Чудовищным усилием воли Ориону удалось справиться с головокружением.

– Кто вы? – спросил он тихо.

Рядом засмеялся крупный дракон.

– Радуйся, что не можешь нас видеть, – произнес его могучий голос.

Орион вздрогнул.

– Почему?

– Тебе не понравится.

Раненный слегка повернул голову, захлебнувшись от взрыва боли.

– Вы драконы Света? – прошептал Орион. – Мои враги...

– Мы драконы, но врагов здесь нет, – мягко ответил женский голос. – Как ты себя чувствуешь?

Орион ощутил комок в горле.

– Пожалуйста, – шепнул он, – я не знаю тайн Владычицы, меня не посвящали в ее планы, я совсем недавно вылупился. Пощадите...

Ответ последовал не сразу.

– Мы не причиним тебе вреда, – со странным напряжением произнес большой дракон. – Ничего не бойся. Мы не похожи на тех, кто атаковал тебя в спину.

Орион с трудом перевел дыхание. Сейчас он отдал бы половину хвоста за один взгляд.

– Я не понимаю... – прошептал раненный. – Вы драконы Света?

– Мы ничьи! – резко ответил дракон. – Мы никому не служим. И спасли тебя не для того, чтобы допросить и добить. Знаю, тебе трудно поверить, но когда свободный дракон видит на снегу умирающего сородича, его первая мысль – помочь, а не проверить цвет чешуи!

– Брат, успокойся, – в женском голосе сквозила печаль. – Он пока не понимает. Мне предстоит большая работа...

Орион ощутил прикосновение к шее, и почти мгновенно боль в теле стихла. Следом вернулось обоняние, раненный вдохнул незнакомый, но приятный запах,

пропитывавший воздух. Облегчение было столь велико, что Орион не сдержал счастливого вздоха.

– Так лучше? – спросил женский голос.

Растерянный дракон сглотнул.

– Спасибо... – пробормотал он.

– Я должна усилить заклятие исцеления, это причинит страшную боль. Сейчас ты заснешь.

Орион содрогнулся:

– Я вытерплю...

– Нет, не вытерпишь. Спи, – раненный дракон вновь ощутил прикосновение и моментально провалился в темноту.

Его второе пробуждение слабо напоминало первое. Боль почти пропала, жжение в крыльях полностью утихло. Орион механически потянулся, открыл глаза... И лишь тогда понял, что снова видит.

Его ликующий вопль отразился от сводов небольшой опрятной пещеры, вход в которую закрывала овальная деревянная дверь. Под потолком мягко светилась целая россыпь магических светильников, каменный пол был застлан толстым ковром, на вид сплетенным из проволоки, однако мягким и теплым на ощупь. Орион ни разу за свою короткую жизнь не видел более уютного логова.

Он даже не сразу заметил хозяйку – крупную, удивительно красивую серебряную драконессу, лежавшую у стены. Та с улыбкой ждала, пока ошарашенный юный дракон придет в себя: глаза драконессы были плотно завязаны черным шарфом. Орион содрогнулся, вспомнив краткие мгновения своей слепоты.

– Как здоровье? – внезапно спросила серебряная.

Дракончик, сглотнув, опустил голову и смущенно поджал хвост.

– Благодарю тебя, милосердная...

– Не за что, – мягко ответила драконесса. – Мое имя Кристалл, для друзей Криста. А ты?

Орион встал, качнувшись от слабости.

– Я Орион, сын Келиандроса.

– Сын Ская? – быстро спросила драконесса. – Так ты синий?

Орион моргнул.

– В– вы не знали? – он в ужасе отпрянул. – Вы думали, я дракон Света?!

– Нет, нет, – поспешно отозвалась Криста. – Не волнуйся, мы знаем, что ты хроматовый дракон. Просто я забыла уточнить у брата, какой именно.

Орион понурил голову.

– Спасибо вам, милосердная. Я не ожидал такой доброты...

Криста помолчала.

– Так ты сын Ская, вождя синекрылых? – заметила она после паузы, явно желая сменить тему.

Орион опустил взгляд.

– Имя "Скай" употребляют только люди. Среди своих отца называют Келиандром. Но я никогда его не видел, он... слишком занят.

Криста улыбнулась.

– А как твое человеческое имя?

– Я... – юный дракон смутился. – Меня еще не видели люди. И имени пока не дали.

– Понятно, – Криста тяжело вздохнула. – Очевидно, ты моложе, чем говорил брат...

Она легонько встопорщила гребень:

– Прости, я забыла. Ты голоден. Хочешь жареной зайчатины?

Юный дракон только сейчас осознал, какой дикий голод его терзает, и сумел лишь кивнуть. Мгновением позже он с рычанием вгрызся в аппетитную тушку. Одного зайца ему, конечно, не хватило, но резь в животе прошла, взгляд прояснился. Через некоторое время Орион вновь почувствовал себя живым.

– Где мы? – спросил он, облизывая последние заячьи косточки.

Криста покачала головой.

– Недалеко от места, где ты должен был умереть.

Орион вздрогнул.

– Я... – он поник. – Я даже не видел, кто напал.

– Дракон, – угрюмо ответила Криста. – Золотой. Он и на моего брата напал, когда тот не позволил тебя добить.

Орион вскинул голову:

– Почему не позволил? – спросил тихо.

Криста долго молчала.

– Взгляни на меня, – сказала она внезапно. – Что ты видишь?

Орион неуверенно приподнял лапу.

– А... Драконессу?

– Вот именно, – Криста встопорщила гребень шипов. – Тебя не удивляет, что при виде серебряного дракона ты больше не рычишь от ярости?

Орион отпрянул.

– Но... Но вы же спасли меня! Как я могу испытывать к вам ненависть?

Криста горько улыбнулась.

– Малыш, мне пришлось работать над тобой трое суток, чтобы такой ответ стал возможным.

Орион удивленно встопорщил уши.

– Не понимаю...

Серебряная драконесса вздохнула.

– Конечно, не понимаешь. Ты ведь сейчас как птенец, впервые разбивший скорлупу и удивленно глядящий на солнце.

– Птенец? – переспросил Орион.

– Да, малыш. Сегодня ты вылупился вторично, – грустно сказала Криста. Подняв могучую лапу, она нащупала стену пещеры и быстро начертила когтем символ, тут же засиявший лиловым огнем. Орион невольно подался назад.

– Что это?

– Знак принадлежности, – улыбнулась драконесса. – Взгляни на себя.

Молодой дракон, удивленно насторожив уши, завернул зеркальное крыло и посмотрел на свое отражение в перепонке. Во лбу Ориона, точно между глаз, слабо светилась белая точка.

– Что ты видишь? – спросила серебряная.

Изумленный дракончик сглотнул.

– Огонек во лбу...

– Белый?

– Да, милосердная.

– Тебя обучали основам магии? – спросила Криста.

Смущенный Орион сложил крылья на спине и понурил голову.

– Нет...

– Странно, хотя по нынешним временам легко объяснимо, – Криста неодобрительно дернула хвостом. – Но уж о светлых, темных и нейтральных богах ты знать должен?

– Д– да, милосердная, – с запинкой отозвался юный дракон. – Я знаю...

– Ничего ты не знаешь, – мрачно сказала Криста. – Подлинная история нашего мира сильно отличается от той, что придумали жрецы и лжеисторики. Каждый бог Кринна лишает своих рабов свободы воли, прививая им так называемую склонность, или принадлежность. Скажем, когда я вылупилась, я принадлежала к группе законопослушных добрых существ, такими свойствами Паладайн наделил всех своих рабов. Твой отец, Орион, как раньше и ты сам, принадлежит к группе законопослушных злых...

Юный дракон вскинул голову:

– Почему?!

– Так решили боги, – зло отозвалась Криста. – Это весьма упрощает им жизнь. Долой угрызения совести, зачем искать причины, кого они волнуют? Гляди, вот летит красный дракончик! А раз он красный, то и злой, а раз он злой, его можно без колебаний зарезать. Разве не логично? Три дня назад тебя чуть не сожгли заживо. Это сделал взрослый, вполне нормальный, добрый и благородный золотой дракон, у которого в логове резвятся такие же, как ты, малыши, и он их любит, и не способен даже в кошмаре вообразить, как можно причинить детям вред!

Криста скрипнула зубами.

– Будь твоя чешуя золотой, медной, бронзовой, серебряной или латунной, этот дракон, не задумываясь, бросился бы в бой с тридцатью врагами, защищая тебя от гибели, и возможно отдал бы жизнь, спасая незнакомого малыша. Но ты синий. И в глазах раба Паладайна, достоин лишь смерти!

Пораженный до глубины души, Орион задумался. Слова драконессы звучали ужасно, хотя полностью соответствовали истине. Орион с удивлением спросил себя,

почему же он сам никогда не думал об этом? Но куда сильнее его поразила странная перемена, произошедшая в душе. Раньше Орион, как и большинство хроматовых драконов, молча и без тени сомнения принимал высшую власть Владычицы Тьмы. У него и в мыслях не возник бы вопрос – кто дал Владычице право распоряжаться сотнями тысяч жизней, нести смерть целым народам, губить бесчисленные армии в совершенно бессмысленных войнах?

Орион никогда не считал себя горячо верующим апологетом Владычицы, вроде известного красного Пироса, готового за ее благосклонный взгляд вырвать сердце родному сыну (однажды он так и сделал). Однако ставить под сомнение ее верховную власть? Слушать порочащие Владычицу речи, вместо того чтобы с ревом впиться когтями в горло дерзкой обличительнице? Да не просто слушать, а с ужасом понимать заключенную в них истину!

Шокированный произошедшей с ним переменой, Орион не сразу заметил, что серебряная драконесса давно умолкла и с загадочной улыбкой ждет, пока ее юный собеседник придет в себя. Тому потребовалось немало времени, чтобы привести в порядок мысли.

– Милосердная... – робко спросил Орион, когда слегка опомнился. – Что со мной происходит? Почему... Почему я вижу истину в твоих словах?

– Быть может, потому что я не лгу? – Криста тихо улыбнулась.

– Но раньше я пришел бы в ярость от одной мысли, что кто-то смеет порочить мою госпожу!

Серебряная покачала головой.

– Разве я сказала хоть слово против твоей бывшей госпожи? Ты сам пришел к выводу, сколь ужасны и грязны ее дела.

Орион судорожно кивнул.

– Я понимаю, милосердная, и это пугает еще сильнее! Что со мной происходит?!

– Ничего страшного, – спокойно ответила Криста. – Ты просто начинаешь мыслить, вместо того чтобы слепо верить.

Юный дракон сглотнул.

– Милосердная, но если... Ты сказала, что вылупилась во власти своего бога!

Как же тебе удалось... Понять? – Ориона слегка трясло. – Я даже не задумывался!

– Ты и не мог задумываться, – серьезно отозвалась Криста. – Ты был рабом.

– А ты?

– И я была, – драконесса угрюмо кивнула. – Просто мне повезло чуть больше, чем другим.

Орион от волнения дергал кончиком хвоста.

– Как ты освободилась?

Криста улыбнулась.

– Я нашла Тобрил.

Юный дракон недоуменно моргнул.

– Что это?

– Ты не знаешь? – удивилась серебряная. – Неужто тебя совсем ничему не учили?

Орион стушевался.

– Нас обучали летать строем... Трюкам в воздухе, обманным маневрам... Учили дышать двумя слабыми молниями вместо одной сильной, так легче... Сбить врага... – юный дракон внезапно умолк и, потрясенный, поднял глаза. – Враги! Но если они, как и я, просто не думают?! Тогда они не враги?!

– У всех жителей Кринна, от дракона до овражного гнома, только один враг, – глухо ответила Криста.

Орион вскочил, дрожа от возбуждения.

– Боги!

– Верно, малыш.

Орион вновь опустился на ковер, тяжело дыша и дергая хвостом.

– Но ведь боги, они... Боги, – растерянно произнес молодой дракон. – С ними бесполезно сражаться.

Криста улыбнулась.

– Отчего же? – она лукаво склонила голову набок. – Я их однажды победила.

– Как?!

– С помощью их собственного источника силы, – ответила слепая драконесса.
– Боги Кринна от нас почти не отличаются, малыш. Все они когда-то были

смертными, и лишь Тобрил дал им власть над природой.

– Тобрил... – благоговейно прошептал Орион. – Он высший бог, да?

Криста звонко рассмеялась.

– О, силы света, как же давно я не говорила с детьми... Орион, малыш, Тобрил это книга.

– Книга?! – юный дракон опешил.

– Да, книга, – очень серьезно ответила Криста. – У нас принято верить, что в Тобриле верховный бог записал законы мироздания, и тем самым был создан весь мир. Но в действительности, Орион, не бог создал книгу, а книга – бога.

Драконесса мечтательно подняла слепые глаза к своду пещеры.

– О, Тобрил... Его подлинные авторы – Предтечи, величайшая разумная раса, бесследно исчезнувшая задолго до сотворения Кринна. За миллионы веков Предтечи проникли в самые сокровенные тайны мироздания. В Тобриле они изложили едва ли одну миллиардную долю от крошечной частички своих знаний, и все же ее хватило, чтобы на заре истории, некое существо, чье имя давно забыли, прочло Тобрил и превратилось в бога. Восхищенный водопадом знания, новый бог создал себе ученика – но тот сошел с ума, не выдержав откровений Тобрила, и так в мир пришел Хаос. Для борьбы с ним, бог обратил свой взор в иной материальный План, ибо он уже знал из книги о бесконечности Вселенной. Там бог нашел двух существ – Короля и Королеву Змей, брата и сестру, бывших при том и любовниками. Позже мы назовем их Паладайном и Такхизис, или Бахамутом и Тиамат, или Платиновым Драконом и Всебесцветной Драконицей...

Орион сглотнул.

– А почему они не сошли с ума, открыв Тобрил?

– Потому что бог, наученный горьким опытом, показал им не все, – отозвалась Криста. – Но Паладайн и Такхизис оказались недостойны. Вместо того, чтобы бороться с Хаосом, они стали биться друг с другом, лишь помогая Хаосу расти. Совершив вторую ошибку, верховный бог понял, что Тобрил слишком опасен, и тогда он надежно спрятал книгу, а сам удалился в другой План мироздания, чтобы набраться опыта и, вернувшись, исправить свои ошибки. Он так и не вернулся...

Криста опустила голову.

– Когда Хаос впервые напал на Кринн, у Паладайна и Такхизис все же хватило ума забыть о вражде и совместными усилиями отразить атаку. Однако, по отдельности, они гораздо слабее Хаоса, и никогда не сравнятся с ним, ибо уже достигли пределов своей силы. Если Паладайн и Такхизис вновь откроют Тобрил, великая книга сожжет их разум.

Молодой дракон подался вперед всем телом:

– И ты нашла Тобрил?! Ты его прочитала?!

– Только первую страницу, – тихо призналась Криста. – Глаза сгорели слишком быстро...

Орион вскрикнул от ужаса. Драконесса кивнула ему с глубокой признательностью.

– Я не жалею, малыш. Это того стоило. Пока я читала, с каждым словом мир вокруг менялся. Я начала видеть ауры живых существ, осознала их обреченность. Сегодня я слепа, зато я вижу магию, Орион – вижу, как она течет по твоим жилам, вижу сияние вокруг богов, чувствую ее запах... Тобрил проклял меня ясновидением.

Потрясенный Орион сел на хвост, открыв от изумления пасть.

– Так ты богиня? – спросил он, одолев робость.

Криста улыбнулась.

– Не совсем. Я прочла слишком мало, чтобы стать богом, однако вполне достаточно, чтобы перестать быть смертной. Теперь я вижу будущее, Орион, но будущее зависит от нас, и любой наш поступок меняет всю его картину. Например, твою смерть я увидела за много часов до нападения...

Юный дракон широко раскрыл глаза.

– Мою... СМЕРТЬ?!

– Конечно, – серьезно ответила Криста. – Ты должен был умереть в той расщелине, Орион. Но я вижу иначе, чем смертные – вижу души, а не тела, вот почему я не знала, какого ты цвета и сколько тебе лет.

Она вздохнула.

– Предвидев твою смерть, я сказала об этом брату. Он едва успел тебя спасти. И теперь, поскольку ты не умер, я вижу для тебя совсем иное будущее... – Криста тепло улыбнулась.

Орион вскочил.

– Какое?!

– Нет, – серебряная драконесса покачала головой. – Если я скажу, это будущее уже не наступит, а оно мне нравится. У тебя весьма необычная судьба.

Потрясенный дракончик зажмурился.

– Хоть намекни... – взмолился он.

– Намекну, – Криста усмехнулась. – Не забывай, что наш разговор я тоже предвидела, и знаю, какую часть грядущего тебе можно открыть. Но предсказания будут завтра, Орион. Сегодня я слишком устала, очищая твой разум от грязных следов Владычицы. Их в тебе было даже больше, чем следов Паладайна в моем брате, когда я его освобождала.

Орион попятился и прижался к стене.

– Освобождала? – прошептал он.

Криста рассмеялась.

– А ты полагал, что сам внезапно прозрел и осознал весь ужас магического рабства? Я освободила тебя, Орион. У тебя больше нет "принадлежностей" и "склонностей", огонек твоей души бел, как снег. Отныне ты не обязан подчиняться богам, не обязан испытывать ненависть к "враждебным расам" и бросаться с рычанием на любого, кого назовут врагом. Прислушайся к своим ощущениям.

Потрясенный молодой дракон сел на хвост. Его разум трепетал, сердце судорожно билось.

– Я не понимаю! – вырвалось у него.

– Еще поймешь... – с горечью ответила Криста. – Скоро ты осознаешь, что такое свобода, и будешь дрожать при одной мысли о своем прошлом. Но едва ли когда-нибудь обрадуешься этому подарку...

Орион молчал целую вечность.

– Что же мне теперь делать? – спросил он наконец, и в голосе юного дракона прозвучала такая беспомощность, что серебряная драконесса невольно улыбнулась.

– Как, что делать? – она распахнула сверкающие крылья. – Живи! Отныне ты можешь жить в свое удовольствие, так пользуйся этим!

– Но мне... Нравилась моя жизнь... – неуверенно возразил Орион.

Криста покачала головой:

– У тебя никогда не было жизни. Ты, как и прочие крылатые рабы, лишь играл роль в жестокой игре богов. Такими вас создали...

Серебряная драконесса поникла. Орион с тревогой заметил, как напряглись ее могучие крылья, сверкнули черные когти.

– Я давно не освобождала драконов... – с тоской прошептала Криста. – Последним был изумрудный, три года назад. И всем вам одинаково нравилась ваша судьба – да и как же иначе, ведь такими вас проектировали...

Драконесса подняла слепые глаза на Ориона, и тот буквально ощутил, как ясновидящая вглядывается в его душу сквозь черный шарф и синюю чешую.

– Каждый, кого я освободила от магических уз, вначале терялся, не зная, когда было лучше, в рабстве или сейчас. И каждый, спустя некоторое время, приходил ко мне, падал ниц и благодарил за подаренную свободу, хотя ничего кроме горя и лишних опасностей она не несет.

Криста отвернулась.

– Ненавижу... – процедила она сквозь зубы. – Ненавижу таких "творцов". Если бы ты знал... Если б мог видеть, как со стороны выглядят все эти рабы, созданные с какой-то целью, невластные даже мечтать! – драконесса содрогнулась. – Я никогда не создавала живых, хотя это в моей власти. Какой смысл...

Она опустила голову.

– Какой смысл творить жизнь, если воскрешать я невластна... – с горечью прошептала драконесса. – Смерть нельзя исправить!

Орион ничего не понял, но та его часть, что родилась после ранения, внезапно толкнула юного дракона шагнуть вперед и заботливо накрыть Кристу крылом. Серебряная драконесса грустно улыбнулась.

– Что ты сейчас ощутил? – спросила она.

Орион запнулся.

– Не знаю, – он покачал головой. – Я не могу объяснить. Меня... словно притянуло.захотелось поделиться с тобой теплом. Это бессмысленно.

Криста ласково погладила Ориона по спине.

– Напротив, – шепнула она. – В этом заключен глубочайший смысл. Ты

оживаешь, крылатый, у тебя уже появилось сострадание. Скоро появится и все остальное.

Дракон молчал, размышляя над словами ясновидящей.

– Я не уверен, что хочу страдать, – заметил он.

Криста вскинула голову:

– А по-другому не бывает, – ответила она просто. – Жизнь, настоящая жизнь – это боль. Все остальное – безумная фантазия. Существует только страдание.

– Существует лишь меч... – прошептал Орион.

Драконесса встрепелась:

– Откуда ты знаешь мантру?

– Мать рассказала, – юный дракон зажмурился от боли. – Когда-то, в другом мире, жила сапфировая... Охотники зарезали ее драконят, и она...

– Стала богиней смерти, – тихо закончила Криста.

Они помолчали.

– Ты останешься здесь еще несколько дней, – решила драконесса. – Я должна многому тебя обучить. Но главное, Орион, запомни на всю жизнь: будущее зависит от нас. Предопределенности, судьбы – нет. Я вижу грядущее Кринна, иногда ужасное, иногда – будто ожившую сказку...

Она стиснула лапу юного дракона.

– Бывает, мне грезится мир-тюрьма, где всех, кто не угоден богам, держат в лагерях, используют будто мясной скот. После таких видений я просыпаюсь в слезах. Но чаще я вижу изумительную, прекрасную страну, полную гармонии и жизни, где нет больше войн и богов, нет насилия и жестокости. В одном из этих миров, Орион, драконы вымрут, от нас останутся лишь старые кости да лживая память. Но есть и другой...

Кристалл глубоко вздохнула.

– Мы, здесь, сейчас, решаем, в каком мире станут жить наши дети. Если боги победят, если их вечная война не утихнет – Кринн обратится в кладбище, и немногие выжившие будут проклипать небеса, орошая слезами кровавые тюрьмы.

Орион судорожно впился когтями в ковер.

– Что же нам делать, милосердная? – спросил он в отчаянии.

– Работать, – тихо ответила драконесса. – Работать, не покладая крыльев, чтобы восторжествовало другое будущее. То, где драконы, эльфы, люди и гномы, единороги и кентавры, грифоны и тысячи других рас перестанут ненавидеть друг друга.

Она слабо улыбнулась.

– Я покажу тебе этот мир, малыш... Я научу тебя страстно, неистово мечтать, ибо только мечта нам поможет. Кто знает – вдруг именно тебе суждено сделать выбор?

Орион опустил голову.

– Ты ведь знаешь, правда? – шепнул он.

– Знаю, – улыбнулась драконесса. – Но не скажу.

И она обняла крылом юного сородича, стремясь забрать его боль и тревоги.

Она предвидела, сколько боли еще предстоит.

Книга первая: Век отчаяния – I

Услада очей царя, знающего все вещи, Джа– Анхур– иму,
мать ушей царя, главного херихеба, царского писца Бенанта,

Ти– Тхути, дочь супруги Ти– Атум, говорит:

Все люди, входящие в мою гробницу и выходящие из нее,
узревшие "Вечность" на великой лестнице Служителей Гора,
в славном Эннеаде, на западном горизонте Создателя Неба,

где он почил, как Атум! Во благо! Голова моя при мне,

очищение мое в Некрополе произведено жрецом

Керес– эм– Хетом сердечно. Читайте то, что написано,

слушайте, что я совершила, будучи на земле.

Подвигните сердце ваше, послушайте речь мою,

внемлите словам моим!

(Надпись на гробнице)

– Присаживайтесь, доктор. Спасибо, что уделите нам время.

– Всегда рад помочь.

– Замечательно! Дорогие друзья, как вы знаете, тема сегодняшней программы – удивительная находка в созвездии Дельфина. Я рада представить вам крупнейшего специалиста в области реверсивного прогнозирования, лауреата Гилеановской премии, доктора исторических наук Рейстлина Маджере.

(аплодисменты)

– Право, не стоит...

– Доктор, как вы, конечно, помните, недавнее открытие в Дельфине резко подстегнуло интерес общественности к теории многогранного мира. К сожалению, суть этой гипотезы понимают очень немногие, и я в их число не вхожу. Не могли бы вы в двух словах, популярно, объяснить мне и телезрителям, о чем, собственно, идет речь?

– С удовольствием, Наоми. В основе ОТМ – общей теории многозначности – лежит переосмысленное понятие времени. До недавних пор, даже крупнейшие ученые и философы полагали время лишь дополнительным измерением. Но семь лет назад родилась совершенно новая гипотеза, обретающая с тех пор одно блестящее подтверждение за другим. Говоря с максимальным упрощением, гипотезу можно описать так: время – не измерение континуума, а маршрут наблюдателя вдоль бесконечного древа вероятностей.

– Доктор, боюсь вы слишком высокого мнения о моих аналитических способностях...

– Я поясню. Можно воспользоваться вашим браслетом?

– Бра... браслетом?!

(пауза)

– Спасибо, Наоми. Взгляните: я кладу браслет на стол и медленно перемещаю вправо. Браслет двигается две секунды: этот промежуток времени – ничто иное, как отрезок пути, пройденного нашей Вселенной вдоль временной оси.

– Так ось времени существует?

– Конечно. Наша гипотеза не отрицает предыдущие, а развивает их, перенося в новую плоскость. Разница, примерно, как между двумерным и трехмерным построением графиков.

– Доктор, я совсем запуталась.

(улыбка)

– Ничего странного, ведь мы подошли к самой трудной для понимания концепции ОТМ. Видите ли, согласно новой теории, ось времени – вовсе не ось, а путь по бесконечно ветвящемуся древу вероятностей. Наоми, помните, я сдвинул браслет вправо? Этим я изменил вероятностный баланс Вселенной, и она избрала ту веточку дерева, где ваша драгоценность сместилась вправо. Но я мог передвинуть ее и влево, мог поднять, или вовсе спрятать в карман – в один и тот же промежуток времени! Понимаете, Наоми?

– Ммм...

– Представьте, что я взял лист бумаги и тщательно, подробно, записал в столбик все, что я мог бы сделать с вашим браслетом в течение двух секунд. Я мог вовсе его не двигать, мог подбросить, обмазать краской, вернуть вам, уронить на пол, даже проглотить! Любое из этих событий уместилось бы в две секунды. Однако, разумеется, шансы что я съем ваш браслет – близки к нулю, а сдвинуть его влево и вправо – равноценный выбор, поэтому у каждого события есть коэффициент вероятности, фундаментальное понятие ОТМ. Образно говоря, возможности – это листья на веточке вечного Древа, и я сорвал один из них, когда переместил браслет вправо. Видите, Наоми?

– Вижу.

– Потому-то мы и говорим о многозначности. Согласно ОТМ, существует абсолютное, бесконечное Древо вероятностей, листья на котором – это все возможные исходы всех возможных событий во всех возможных комбинациях. Передвинув браслет, я сорвал один лист, однако, с той же вероятностью я мог сорвать и другой. И вся наша Вселенная двинулась бы вдоль иной ветки Древа.

– Но, доктор, это ведь только размышления, что могло бы быть, если... Могло, но не стало!

– Вы уверены?

– То есть?!

– Дорогая Наоми, многогранный мир не зря так назвали.

(молчание)

– Вы хотите сказать, что, помимо нашей Вселенной, есть и другая? Где браслет передвинули влево?

– Браслет? Наоми, в простой капле воды содержится шесть тысяч миллиардов миллиардов атомов водорода и кислорода. Шесть на десять в двадцать первой степени. Так вот; есть бесконечное число Вселенных, отличающихся друг от друга единственным атомом.

– Доктор, это же нонсенс.

– С точки зрения "здорового смысла", а она часто расходится с истинной.

(пауза)

– Что ж, я начинаю понимать причину ажиотажа вокруг вашей... гипотезы, но по-прежнему не вижу ее связи с открытием в системе Дельфина.

– А никакой связи нет, Наоми. Просто главное следствие ОТМ – наличие мириадом параллельных миров. Сейчас я сдвинул браслет вправо; однако, существует Вселенная, где браслет переместился влево, мир где я великий волшебник, и мир где вы опытная воительница. Любая, повторяю, абсолютно любая Вселенная – не просто "возможна", она есть! Вот сейчас я сижу в студии и беседую с очаровательной алой драконессой Наоми, а в другом мире вас знают лишь под вашим драконьим именем Матафлэр, и там я ваш смертельный враг... Есть мир, где нет ни драконов, ни людей, а интервью у вашего ложа берет стул, на котором я сижу!

– Бррр...

(улыбка)

– Голова кругом?

– Спиралью, доктор. Надеюсь, ваша гипотеза ошибочна!

– Надежда – отрицание реальности, Наоми... Так вот, о находке в Дельфине: там обнаружили одну из самых важных "критических точек" истории, потому и поднялось столько шума.

– Критических точек?

– События не равноценны. Если вы отправитесь в прошлое и перенесете с

места на место некий камешек в пустыне – едва ли наш мир сегодня изменится, однако, если вы взлетите с тем же камешком в стратосферу и уроните его на голову Такхизис...

– Да, да! Мы сильно отвлеклись от темы передачи, а ведь я хотела узнать ваше мнение о находке в Дельфине. Доктор, не могли бы вы кратко проанализировать ситуацию?

(вздых)

– Кратко?.. Боюсь, кратко не выйдет. Открытие в Дельфине лишь подвело черту под многолетними исследованиями моего института, Наоми. Теперь мы знаем совершенно точно: трехступенчатая гипотеза верна.

– Еще одна гипотеза?

– Уже факт. Видите ли, нами доказано, что историю Кринна дважды переписывали с чистого листа.

– А почему гипотеза трехступенчатая?

– Третья ступень – это мы, Наоми. А первую недавно отыскали в созвездии Дельфина...

– Первую ступень чего?!

– Истории, Наоми. Истории. Помните древо вероятностей? Мы лишь поверхностно рассмотрели его структуру, но, в действительности, выбор ветви совершенно не случайный, и крепко связан с коэффициентом вероятности критических точек. Законы ОТМ почти столь же строги, как в математике, и любое их нарушение вызывает пристальный интерес. В истории планеты Кринн таких нарушений было два. Согласно ОТМ, развитию предстояло идти совершенно иной дорогой, и сегодня мы по-прежнему жили бы в бронзовом веке, однако, восемь тысяч лет назад что-то произошло, и этого не случилось.

– Удивительно!

– Более того, новая история Кринна, ставшая результатом того древнейшего катаклизма – тоже не наша с вами история, Наоми. Если бы две с половиной тысячи лет назад не повторилась таинственная катастрофа, сменившая курс развития – вполне возможно, нынешний Кринн был бы выжженной радиоактивной пустыней.

– Доктор, но как вы столько узнали?

- Моделирование и расчеты, Наоми. Десятилетия работы.
- И вам известно, где и когда произошли "нарушения" исторической линии?
- Скажем так, у нас есть весьма правдоподобные теории. Реверсивное прогнозирование – не гадание на кофейной гуще, это точная наука, и результаты ее применения столь наглядны, что я, пожалуй, могу подробно рассказать, как выглядел бы сегодняшний день в каждой из альтернативных ветвей истории Кринна. Даже в самой древней, той, где развитие замерло на уровне бронзового века, а Катаклизма не было вовсе.
- Доктор, расскажите!
- О–ох... Ну, что ж, слушайте...

Ветвь первая

7891 год со дня Отлета (2841 год Эры Катаклизма), юго– запад Таладаса

1

Бронзовые крючья с глухим чмокающим звуком вонзились в бревна. По команде релена, гребцы втащили весла на борт и уложили их между скамьями, штормовые пробки из китовой кожи закрыли уключины. Долгое и утомительное плавание подходило к концу.

Таос Кематеф иш– Седжр утер пот со лба. В гавани Ибхета стояла душающая жара, смрад висел над морем подобно тяжелой невидимой туче. Вода была столь грязной, что маслянистые волны оставляли следы на бортах грациозной фамайской галеры, у берега колыхалась пена. Судя по бледности лиц, торговцы, стоявшие на носу рядом с Таосом, едва сдерживали рвоту.

– Впервые в Ибхете? – иронично спросил тот.

Крупный, дородный лысый купец с обвислыми щеками покачал головой.

– Видит Игрэйн, привыкнуть к этому нелегко.

– Придется, – заметил Таос. – Я семь раз плывал в Ур и всегда возвращался вдвое богаче, чем был до отплытия.

– Трудно поверить, что здесь хорошая торговля, – проворчал другой купец, глядя, как в воде среди мусора покачивается раздутая дохлая крыса.

Таос рассмеялся.

– Зажмите носы, друзья, и подберите хетены. Деньги не пахнут.

– Смотря какие... – пробормотал лысый.

На берегу уже суетились рабы. Приняв с галеры широкие деревянные сходни, они крепили их к причалу. В стороне уже стояли двое лысых жрецов Д'эума в красно– желтых туниках, держа наготове сосуды для пожертвований, у ног их крутились священные шакалы. Жаркое марево искажало очертания прекрасных храмов, которыми славился Ибхет.

Таос сошел на берег одним из первых и огляделся, стараясь дышать только ртом. Он был моложе большинства спутников, ему едва перевалило за тридцать пять, и его густая черная борода оставалась некрашенной. Высокий, широкоплечий, с бронзовой кожей и миндалевидными глазами, Таос уже в юности отличался редкостным деловым чутьем, позволившим ему быстро разбогатеть на торговле благовониями. Свое первое плавание он предпринял в двадцать лет и с тех пор почти не терпел убытков. В отличие от большинства людей его круга, Таос принципиально не признавал азартных игр и весьма умеренно относился к вину, предпочитая оставаться богатым чудачком, нежели бедной душой компании.

На сей раз он прибыл в Ибхет с большими планами. Последнее путешествие Таоса оказалось не таким удачным, как предыдущие и, хотя он все равно не остался в накладе, сильно возросшая конкуренция начинала его беспокоить. Таос понимал, что с каждым годом все больше фамайских торговцев привозят в Ур заморские благовония и, если он по– прежнему желает получать два– три таланта на каждый вложенный талант, ему следует придумать что–то новое.

– Сюда! – Таос махнул ближайшему рикше, коренастому, мускулистому нубису серо– черной масти. Подбежав, тот низко поклонился:

– Я готов, господин.

– Есть ли свободные места в караван– сарае Меренры?

– Утром были, господин.

Таос бросил рикше медную монетку.

– Доставишь меня первым, получишь еще.

Нубис быстро подобрал деньги и, благодарно виляя хвостом, с поклоном указал на синюю тележку, стоявшую в длинном ряду таких же у глиняного дувала, ограждавшего портовую территорию от городских трущоб.

– Поспешим, господин. Многие захотят остановиться у Меренры...

Таос без лишних слов прибавил шаг. Рикша хотел отвести его к проходу в стене, но купец, усмехнувшись, с разбега перемахнул через дувал, достигавший ему до пояса. Нубису ничего не оставалось, как последовать его примеру.

– Двигай, двигай! – нетерпеливо приказал торговец.

Пока другие фамайцы только договаривались с рикшами о своем багаже, Таос уже ехал в сторону города. Усевшись поудобнее, он скрестил руки на груди и позволил себе расслабиться. Тележка мягко катилась по гладкой, как палуба, каменной дороге.

– Два года назад этой дороги не было, – заметил Таос.

– Верно, господин, – отозвался рикша. – Ее построили по приказу сиятельного Аргхара совсем недавно.

– Аргхар? – переспросил Таос. – Верховный жрец? С каких пор он ведает строительством дорог?

Нубис ритмично бежал вперед. Его род славился выносливостью, они часто работали носильщиками и рикшами.

– Сиятельный Аргхар сложил с себя духовный сан в пользу старшего сына, господин. Теперь он номарх.

Удивленный купец откинулся на спинку сидения. Вот так новости...

– А что случилось со старым Ганаусом?

– Он умер, господин, – коротко ответил рикша.

– Своей смертью?

– Да, господин.

– Почему же его сын не стал номархом?

– Он тоже умер, господин.

Таос взрогнул.

– Как? И сын?

– Да, господин.

Купец призадумался.

– Говоришь, смерть обоих была естественной?

– Кто я, господин, чтобы говорить о таких вещах? – не прерывая бега, рикша пожал плечами.

Таос молча вытащил из– за пояса кошель и позвенел монетами. Нубис поспешно кивнул.

– Да, господин?

– Ты слышал.

– Смерть была самая естественная, господин. Слухи о яде распускают враги государства. Вам не следует их слушать, господин.

– Конечно, конечно... – перегнувшись вперед, Таос сунул рикше монету и откинулся на сиденье, глубоко задумавшись. Да– а... Неожиданность.

Ур был очень древней, богатой и необычайно приверженной своим традициям страной. В то время как предки Таоса еще танцевали вокруг костров и делали копья из обтесанных камней, в Уре уже строили дворцы. Испокон веков эта страна делилась на тридцать один ном, по числу спутников великого истребителя богов Д'эума; центральная власть была сосредоточена в городе Менигура– Птах, где жили суровые нзунты.

За бесчисленные века в Уре скопились такие богатства, что все окрестные страны, включая и родину Таоса, могущественную Фамаю, существовали в основном за счет торговли с Уром. Мертвые боги успели отомстить своему убийце, лишив его страну почти всех природных богатств, кроме золота... Сюда даже лес завозили из– за моря, не говоря уж о металлах, зерне и рабах. Кабы не смертоносная каста жрецов, владевших жуткой огненной магией, Ур давным– давно был бы завоеван, уничтожен и превращен в одну огромную золотую шахту. Но из– за жрецов всем соседям Ура приходилось дрожать от страха и благодарить Игрэйна, что беспощадные маги удовлетворяются данью и не препятствуют торговле.

Сопротивляться им было невозможно. Всего лишь три века назад, войско Ура разорило и полностью уничтожило последнюю непокорную страну Таладаса, древнейший Армакхнести, чьим обитателям – бессмертным эльфам – не помогли даже свирепые рабы– минотавры, наводившие ужас на любых солдат. Правда это, или нет, Таос не знал; там, где по слухам раньше находилась страна эльфов, теперь простиралась Дешрет, оплавленная пустыня, вечно затянутая ядовитыми серными тучами. Это был очень наглядный урок для молодых и самоуверенных соседей.

Тем временем рикша уже углубился в город. По угрюмым, хотя и чистым улицам, тележка подпрыгивала гораздо сильнее, чем на гладкой новой дороге, и купцу пришлось прервать размышления, обратив все внимание на попытки удержаться. Наконец, поездка завершилась у дверей громадного одноэтажного здания с наклонными стенами и плоской крышей, где росли цветы и пальмы. Небольшой садик за глиняным дувалом был полон людей, отдыхавших в гамаках или игравших в кости.

– Места есть? – крикнул Таос, не вылезая из тележки.

Пожилой раб, дремавший у порога, подскочил от неожиданности и подслеповато прищурил глаза.

– Мест нет, господин, – ответил он грустно, разглядев богатую одежду гостя.

Таос мысленно выругался.

– Едем к Тктоктепу, – приказал он. Рикша молча продолжил бег.

На сей раз купцу повезло; в караван– сарае Тктоктепа нашлись свободные комнаты. Расплатившись за декаду вперед, Таос послал в порт за своими рабами, которые охраняли товар, пока хозяин устраивался в городе. Для рабов на заднем дворе имелся особый барак.

Разобравшись с неотложными делами, купец потребовал свежую пищу, наложницу и кувшин арана. Получив требуемое, он отдыхал до вечера и, наконец, убедившись что рабы доставили его вещи в целостности и сохранности, погрузился в сон, довольный успешным завершением многодневного плавания.

Утром Таос первым делом посетил купеческую гильдию, где каждый фамайский торговец должен был отметить свое имя. Слегка унинительно, но необходимо. Там он поболтал со знакомыми купцами, узнал новости (ничего интереснее сведений от рикши не нашлось) и, наконец, разобравшись с неотложными делами, отправился на рынок в сопровождении четверых свирепых телохранителей–бакали.

Этот рынок по праву считался одним из чудес света. Ибхет был крупнейшим портовым городом самой богатой в мире страны, здесь заключались миллионные сделки. По занимаемой площади, рынок мог бы поспорить с фамайским городком, а по числу обитателей превосходил большинство известных городов. Он напоминал маленькую страну: здесь имелись собственные номы, номархи и чиновники, многочисленная каста воинов, сотни жителей и тысячи рабов. А также, как любая богатая страна, рынок Ибхета вел двойную жизнь, днем – сверкающую и шумную, ночью – таинственную и доступную лишь избранным. Таос принадлежал к числу этих избранных, но сегодня он собирался просто погулять по рядам, изучая спрос и предложение.

За два года, пролетевших с его последнего визита в Ур, изменилось немного. По–прежнему самыми ходовыми товарами оставались цветные ткани и глиняная посуда, чуть отставали от них изделия медников и дорогие, но очень качественные керамические сосуды. В рядах, где продавали оружие и готовое платье, Таос не задерживался; в Фамае это делали гораздо лучше. А вот ювелирные и каменные украшения надолго привлекали внимание приезжих.

До позднего вечера купец бродил по рынку, но так и не нашел товара, который мог бы стать популярен в Фамае. Все это уже много раз привозили, богачи желали чего–то нового, а "немху" – беднота – Таоса не интересовала. Он уже собирался возвращаться в караван–сарай, когда заметил на самой окраине рынка невзрачную крытую лавку. Вывеска, как и у других лавок, была кричаще–яркой, но рисунок привлек внимание купца. На красной доске был нарисован ибис, окруженный восемью белыми черточками.

– Магическая лавка? – дав знак телохранителям ждать, удивленный торговец подошел к ивовой изгороди и стукнул в позеленевший от старости медный гонг.

Пожилой хозяин, дремавший в тени навеса, подскочил от громкого звука.

– Покажи, что есть, – распорядился Таос.

Бросив взгляд на устрашающих ящеров– бакали, продавец закивал и, нагнувшись, с трудом взгромоздил на прилавок большой плоский сундук. Таос молча ждал.

– Смотрите, господин, – расплывшись в улыбке, хозяин поднял крышку. Купец с трудом подавил вздох разочарования.

– Амулеты? – спросил он мрачно.

– Самые лучшие! Заговоренные!

– Не интересует, – Таос развернулся, но продавец поймал его за рукав хетена.

– Быть может, господин ищет что–то редкое?.. Очень редкое?..

– Все может быть, – купец прищурил глаза.

Хозяин лавки кивнул:

– Я вижу, вы серьезный человек...

– Истинно так.

– Я вижу, вы ищете хороший товар...

– Истинно так.

– Я вижу... – продавец огляделся. – Входите.

Вздыхнув, Таос решил уделить этому старику немного времени, и ступил под навес. Хозяин, захлопнув сундук с амулетами, нырнул под прилавок и вытащил запыленную шкатулку, обтянутую зеленой кожей.

– Это очень дорогая, редкая и страшная вещь, – начал он. – Вы не найдете такую даже в храме Д'эума. Она досталась мне от прадеда, ему – от его прадеда, и история эта...

– ...выдумана от начала до конца, – оборвал купец. – Покажи, что там у тебя.

Старик, сделав торжественное лицо, открыл шкатулку, и Таос невольно отпрянул. Внутри лежал маленький, в пол– шеспа, прозрачный человеческий череп, вырезанный из цельного куска горного хрусталя.

– Это мернептах, – заметил купец, когда немного опомнился. – Знаешь, что с тобой сделают, если его найдут?

Старик, надо сказать, совсем не испугался.

– Ничего со мной не будет, – отозвался он спокойно. – Это копия.

– Копия? – переспросил Таос.

– Да.

– Ложь. Так обрабатывать хрусталь умеют только эльфы.

Старик пожал плечами.

– В Ибхете продавец всегда прав. Если я сказал, что это копия, значит, это копия, а покупать или нет – воля ваша.

Таос улыбнулся.

– Мне хорошо знакомы ваши обычаи.

Они помолчали, глядя друг на друга.

– Сколько хочешь за череп? – спросил наконец Таос.

– Двадцать драхм.

– Даю семнадцать.

– Двадцать.

– Семнадцать.

– Двадцать, и торг окончен.

– Восемнадцать, и ты счастливейший из смертных, ибо у меня хорошее настроение и я не стану звать стражу.

– Девятнадцать, и тебе не придется становиться посмешищем у маджаев.

Таос задумался.

– Послушай... – он отсчитал девятнадцать золотых монет и спрятал череп в мягкий замшевый мешочек, который всегда носил с собой на случай покупки драгоценностей. – Моё имя Таос Кематеф иш– Седжр, я очень богат. Я мог бы и тебя сделать богатым.

Старик встрепенулся:

– Я слушаю.

– Ты можешь достать много таких амулетов? Скажем... – Таос мысленно прикинул, за сколько он продаст череп в Фамае, – ...тысячу штук?

– Тысячу?! – старик поперхнулся. – Я... Я попробую разузнать.

– Ты можешь стать богатым прямо сейчас, – заметил Таос. – Если отведешь меня к тем, кто их делает.

Продавец отпрянул.

– Нет!

– Сто драхм.

– Нет...

– Двести драхм.

Старик нервно перебирал пальцами.

– Господин, это не так просто...

– Двести драхм – большие деньги, – прервал Таос. – За двести драхм можно открыть маленький караван– сарай, или купить десять грамотных рабов.

– Но...

– ...или двух прекрасных, полногрудых наложниц из Гэлии...

Хозяин лавки облизал губы.

– Приходите завтра в это же время, господин. Я посмотрю, что можно сделать.

– Я приду, – обещал Таос. – Вот тебе еще драхма, чтобы развеять сомнения.

– Спасибо... – растерянный старик проводил гостя низким поклоном.

Покинув рынок, купец отпустил телохранителей развлекаться, а сам поспешил в караван– сарай, чтобы как следует рассмотреть новое приобретение. В одном из его сундуков хранилась необычайно редкая хрустальная линза, также сделанная эльфами. В свое время Таос заплатил за нее сто сорок драхм, и считал что ему повезло с покупкой.

Мернептах был подлинным, это не вызывало сомнений даже на первый взгляд. Рассматривая амулет сквозь линзу, Таос чувствовал, как от возбуждения у него начинает быстрее биться сердце. Эти неповторимые сколы хрусталя на зубах, гладкая, полированная поверхность... Ни единого пятнышка внутри! Две сотни драхм – за такую цену череп вырвут у него еще в порту!

Изнывая от нетерпения перед завтрашним днем, он едва смог уснуть. Ни одна ночь не казалась Таосу такой длинной.

Утром купец вызвал наложниц, желая скоротать время. Когда солнце достигло зенита, он поспешил на рынок, захватив с собой лишь одного телохранителя. Бережно обернутый в мягкую замшу, амулет покоился в сундуке.

Лавку удалось найти не сразу. Когда Таос, наконец, ударил в гонг, старый

хозяин появился моментально. Рядом с ним шла девушка лет восемнадцати.

– Это моя внучка, она присмотрит за лавкой, – объяснил старик. – Идемте, господин.

– Куда? – подозрительно спросил Таос.

– В заведение почтенного Мектона, – отозвался хозяин. – Там нас ждут.

Кивнув, Таос и его верный ящер– телохранитель направились следом за стариком.

Заведение Мектона располагалось на окраине рынка, в десятке сенусов от "Магической лавки". На вывеске был нарисован цветок гибискуса и иероглиф "Сехмет"; здесь чтили свирепую львиноголовую царицу пустынь. Воздух наполнял ароматный дымок от жаровни, где готовили шашлык, посетителей было довольно много. Оставив ящера у входа, Таос прошел во внутренний дворик заведения и опустился на ковер в закрытой беседке для частных разговоров. Спустя некоторое время к ним подсел высокий и тощий хетт, замотанный до самых бровей.

– Это он? – спросил кочевник.

Таос прервал ответ старика резким жестом и подался вперед.

– Да, это я, – сказал он коротко. Обернувшись к хозяину "Магической лавки", он протянул ему мешочек с монетами.

– Здесь десять драхм.

– Десять?! – старик отпрянул.

Купец фыркнул.

– Считаешь меня глупцом? Если сделка состоится, заплачу остальное. Теперь уходи.

Старик беспомощно оглянулся на кочевника, но тот хранил гробовое молчание. Сплюнув с досады, хозяин лавки вышел, бормоча под нос угрозы в адрес лживых фамайцев. И Таос, и хетт ждали, пока снаружи не наступила полная тишина.

Затем начался торг.

– Человек, с какой целью ты жаждешь обладать л'тэн?

Купец поднял брови. Очевидно, перед ним сидел настоящий армак, пустынный эльф.

– Чтобы перепродать их в Фамае и заработать много денег, – спокойно

ответил Таос.

Бессмертный смерил торговца внимательным, немигающим взглядом.

- Что ж, цену назови.
- Зависит от товара.
- Товар твоим глазам уже представлен был.
- Тогда ты знаешь цену.
- Цена мала.
- Я куплю много...
- Нет, – эльф покачал головой.

Таос прищурил глаза.

– Умеешь писать?

– Умею.

– Напиши свою цену, – Таос протянул эльфу молоточек, стило и маленькую табличку, накрытую древесным листом. Тот бросил на торговца недоуменный взгляд.

– На листьях пишет ваш народ?

– Это новое изобретение фамайских мудрецов, – небрежно заметил Таос. – Очень хорошо продается. Снимаешь лист... – он снял, – ...а под ним влажная глина. Прежде, чем высохнет, можно записать много полезного.

Удивленный эльф покрутил в руках табличку.

– Как может глина оставаться влажной?

– Наши мастера создали особую, – улыбнулся купец.

Пудобнее усевшись на ковре, он, как бы невзначай, добавил:

– Я могу продать вам целый корабль таких табличек по выгодной цене.

Житель пустыни промолчал. Подняв стило, он сосредоточенно выстукал иероглиф и протянул табличку обратно. Таос некоторое время размышлял.

– Твоя цена реальна, – признал он наконец. – Но слишком высока для меня.

Сделка не окупится.

- Тогда прощай, – эльф поднялся на ноги. Таос досадливо поморщился.
- Сядь.

Бессмертный уселся обратно. Купец помолчал.

– Я хочу купить много изделий ваших мастеров. Очень много. Какова будет

скидка?

– Не будет скидок.

– Ты понимаешь, что сделка должна быть выгодна обеим сторонам? Иначе она не состоится.

– У нас есть то, чего ты жаждешь, – возразил эльф. – Условия ставить будем мы.

– Нет, так дело не пойдет, – теперь встал Таос. – Ты раньше не заключал торговых соглашений. Я хочу говорить с тем, кто умеет торговаться.

– Я умею торговаться.

– Не похоже.

– Торговаться, а не уступать.

Закусив губу, Таос сел обратно.

– Хорошо, – он скрестил на груди руки. – У вас есть то, что нужно мне. Теперь скажи: что из того, что есть у меня, нужно вам?

Эльф подался вперед.

– Оружие.

– Оружие? – Таос удивленно моргнул. – Я не торгую оружием.

– Ты фамайский купец. Страна твоя известна мастерством оружейников.

– Верно, – торговец нахмурился. – Можешь купить их изделия на этом рынке.

Эльф помотал головой.

– За деньги не купить того, что нужно нам.

Таос прищурил глаза.

– Вот как... Железный горшок?

– Да! – эльф даже кулаки стиснул от возбуждения. – Мы видели его у маджаев нзунт. Он пробивает бронзовую колесницу с восемью сенусов!

Таос усмехнулся; волнуясь, его собеседник отбросил витиеватый стиль речи.

– Ты хоть понимаешь, о чем просишь?

– Я не прошу, – немного спокойнее ответил эльф. – Я покупаю.

– Это слишком опасно. Я рискую не только лицензией купца, я рискую жизнью.

– Мы хорошо платим, – заметил эльф.

Таос фыркнул.

– Чем? Хрустальными безделушками? Знаешь, сколько стоит железный горшок с бочонком горючего порошка, набором стрел и формой для отливки наконечников? Два таланта. Ну– ка, посчитай, сколько амулетов вам придется отдать за каждый?

Бессмертный молчал. Купец тяжело вздохнул.

– Послушай, я знаю, эльфам в Уре нелегко. За вами охотятся, как за зверьми. Но пойми, я торговец. Предложи мне что–то ценное, и я подумаю над твоим предложением.

– Нам нужно оружие, – повторил эльф.

– Забудь про железный горшок! – Таос раздраженно передернул плечами. – Чем ты будешь заряжать его в пустыне, когда иссякнет горючий порошок?

Он подался вперед.

– У меня есть предложение получше. Что скажешь, если через пять декад я доставлю в указанное тобою место два корабля с железным оружием?

Эльф замер.

– Железо?

– Черное железо. Вот такое, – молниеносным движением Таос выхватил из– за пояса кинжал, крутанул его вокруг кисти и с силой вогнал в землю. Эльф даже вскрикнул от неожиданности.

– Ты воин? – он отпрянул.

– И воин тоже... – уклончиво отозвался купец. Ему пока не приходилось беседовать с существами, способными отличать ложь от правды, но он успокаивал себя тем, что и в мыслях не планировал обмана.

Нагнувшись, эльф выдернул кинжал и внимательно осмотрел клинок.

– Правду говорят, что оно вдесятеро прочнее бронзы? – спросил он негромко.

– А ты проверь, – усмехнулся Таос.

Житель пустыни вытащил из– за пояса короткий бронзовый стилет и протянул его Таосу. Поднявшись, купец взял оружие на изготовку.

– Бей, – предложил он. Эльф взвесил на ладони кинжал и нанес резкий, короткий удар по стилету. Железо разрубило бронзу, почти не встретив

сопротивления.

Таос вновь уселся на скамью, потирая ладонь.

– Возьми кинжал и отнеси своим, – сказал он. – В Уре еще не знают о черном железе, даже в Фамае оно появилось недавно. Я пробуду здесь шесть дней. Мы встретимся.

Эльф долго смотрел на оружие.

– Из этого металла можно делать наконечники для стрел?

– Можно, – Таос кивнул. – По сотне за один амулет.

– Хорошо! – житель пустыни резко встал. – Приходи на четвертой заре к воротам Гиены. Обещанное старику – заплати.

Купец улыбнулся.

– Только если сделка состоится.

2

За три дня Таос успел распродать почти весь товар, который привез, и заключил несколько выгодных соглашений для следующего плавания. Тем не менее, все это было жалкой мелочью в сравнении со сделкой, которую предложил эльф. В случае успеха, Таос мог учетверить свой капитал, а в будущем торговля с эльфами сулила настоящие золотые горы...

Между тем, он все же отыскал товар, который должен был неплохо пойти в Фамае. Решение пришло случайно, вечером, когда купец возвращался из порта после продажи очередного тюка с красивым порошком. Навстречу ему двое мускулистых рикш тянули большую тележку, нагруженную чем-то высоким, обернутым пальмовыми листьями, и внезапно одно колесо слетело с оси. Тележка опрокинулась.

Прежде, чем хозяин – знакомый Таосу лысый купец с обвислым лицом – успел опомниться, его груз покатился по дороге. Листья разошлись, открыв непрошеным взглядам большую бронзовую клетку, где отчаянно щебетали и бились яркие, как сон, тропические птицы. Испуганные рикши сразу подхватили клетку и вновь закутали ее

листьями, но одного мгновения хватило Таосу, чтобы пустить его мысли в совершенно новом направлении. Действительно, редкие птицы и звери – особенно такие, каких не купишь на рынке – могли бы отлично продаваться в Фамае, охочей до роскоши и необычных развлечений.

Запомнив эту мысль, торговец продолжил свой путь, и весь следующий день осторожно наводил справки о редких и невиданных животных. К вечеру у него имелись сведения о десятке ученых обезьян, безглазой пещерной рыбе, нескольких ленивцах и даже о детеныше саблезубого льва. Все это совершенно не интересовало Таоса.

– Мне нужно такое, чего нет ни у кого, и нужно много, – объяснял он одному из продавцов, пытавшемуся всучить ему ручного гепарда под видом вымершей равнинной пумы.

– Тогда ищи эльфов, – огрызнулся разочарованный лгун.

Таос встрепенулся:

– А что есть у эльфов?

– Много чего... – буркнул незадачливый продавец, уводя своего гепарда. Купец запомнил эти слова.

Наконец, три дня, казавшихся бесконечностью, остались позади. Свое четвертое утро в Ибхете Таос встречал за городскими стенами, у ворот, носивших мрачное имя Гиены. Легенда утверждала, будто в незапамятные времена предок нынешней династии нзунт упал здесь с верблюда, испугавшегося льва, но, прежде чем зверь успел разорвать ошеломленного всадника, откуда-то появилась белая гиена и с такой яростью набросилась на льва, что прогнала его в пустыню. Приняв событие за знак свыше, нзунт приказал заложить в этом месте город.

Таос не очень-то верил легендам, но, на всякий случай, взял с собой всех четверых телохранителей и двух рабов впридачу.

Эльф появился совершенно бесшумно. Словно призрак, он возник у стены и дал Таосу знак подойти. Купец оставил телохранителей в десятке шагов за спиной.

– Мы многое разузнали о тебе, – сказал эльф. – Сделка состоится. Но, чтобы обговорить условия, тебе придется отправиться на границу пустыни, в каньон Дыхания Анаконды. Там с тобой встретятся наши вожди.

Таос пожевал губами.

– Далеко?

– Семь парасангов. День на коне, два на верблюде, пять в повозке.

– А почему бы вашим вождям не приехать на берег? – недовольно спросил купец. – Им все равно придется забирать оружие с кораблей...

Эльф покачал головой:

– Мы не доверяем людям.

Прищурился, Таос скрестил за спиной руки.

– А почему я должен верить тебе?

– Мы в отчаянном положении, – глухо отозвался эльф. – Оружие необходимо нам как воздух. Тебя не обманут, человек.

Купец смерил взглядом своего собеседника.

– Как твое имя?

– Лунный.

– Что "лунный"? – не понял Таос.

– Лунный. Это мое имя.

– Но как твое человеческое имя?

– У меня нет другого! – резко ответил эльф.

Таос в глубокой задумчивости огладил свою пышную бороду. Рискнуть? С одной стороны, сделка была заманчивой и выгодной, но с другой... Если подумать, то он ничего не знал про эльфов. Не знал даже, подлинный ли эльф перед ним или простой разбойник, с которым его свел старик с рынка. Риск велик... Награда тоже...

– Нет, – решил купец. – Я ничего о тебе не знаю. А вдруг ты разбойник, выдающий себя за эльфа? Меня уже не раз пытались похитить, хотели выкуп, – Таос криво усмехнулся. – Их головы теперь украшают мой сад.

Эльф гневно топнул ногой:

– Мы не замысливаем обмана!

– Как докажешь? – спросил купец. – Тебе легко, ты чувствуешь ложь. А я простой человек. Лучше быть богатым и живым, чем сказочно богатым и мертвым.

Бессмертный долго молчал.

– Хорошо, – сказал он наконец. – У тебя нет причин доверять нам.

– Истинно так.

– Мы знаем, ты владеешь собственной галерой... – продолжил эльф.

Таос улыбнулся:

– Двумя.

– Одна сейчас в порту Ибхета, вторая возвращается из Ансалона с грузом белого дерева.

Купец вздрогнул.

– Откуда знаешь?

– Поднимись на борт корабля и выходи в море, – сказал Лунный. – Сегодня, на закате, от нас прилетит гонец и сообщит условия сделки.

Таос недоуменно моргнул.

– Прилетит? Как?

– У всех есть свои тайны, человек, – холодно ответил эльф. – Мы не претендуем на твои.

Развернувшись, он скользнул вдоль стены и словно испарился, ступив в тень.

– Постой! Что за звери есть у эль... – Таос шагнул было следом, да куда там. Сплюнув с досады, купец махнул телохранителям и заторопился в порт.

Свежий попутный ветерок раздувал огромный квадратный парус. Галера Таоса была судном новейшей конструкции, ее "А"-образная двуногая мачта крепилась новым способом – к брусам, "елочкой" уложенным вдоль бортов. Каждый брус попутно служил скамьей для гребца, так что в сильно облегченный корабль можно было загрузить больше товара.

Солнце уже касалось горизонта, и купец нетерпеливо ходил взад–вперед. На корме своей галеры он, по примеру корабля нзунт, приказал устроить высокий настил и небольшую квадратную каюту, украшенную жемчугом и яркой росписью. Там сейчас никого не было: Таос, в отличие от многих собратьев по ремеслу, никогда не брал жен в плаванье.

– Если он не появится до захода солнца, возвращаемся в порт, – приказал купец. Капитан, пожилой свободный моряк с длинными космами седых волос, почтительно склонился.

– Господин, ветер будет мешать гребцам. Не лучше ли переночевать в море? Утром ветер всегда дует к земле...

– Гребцы достаточно отдохнули за три дня, – возразил Таос.

Капитан поклонился.

– Как прикажете.

– Где же этот длинноухий! – гневно воскликнул купец. Обернувшись к кормовой надстройке, он едва не проглотил язык: там, прислонившись к борту, стоял стройный эльф в легких, свободных белых одеждах. Таос недоверчиво протер глаза.

– Три хорошенько, – посоветовал эльф. – И не путай бессмертных с ослами.

– Откуда ты взялся?!

Тонкие губы эльфа тронула улыбка.

– Я думаю, тебя больше заинтересует послание наших вождей.

Опомнившись от изумления, Таос взял себя в руки и кивнул гостю на дверь в каюту. Внутри все было застелено коврами, у стен стояли сундуки. Большой медный сосуд, закрепленный в углу, тускло блестел в последних лучах заходящего солнца.

– Ты прятался в трюме? – спросил купец, усаживаясь на сундук и наливая арана в пиалу. Эльф усмехнулся.

– Умерь любопытство, человек. Быть может, ты увидишь, как я покину этот корабль... А может, и не увидишь. Перейдем к делу?

Пригубив аран, Таос кивнул и протянул эльфу свою пиалу. Тот молча опустил пальцы в напиток и брызнул им на пол. Обычай был исполнен.

– Игрэйн, ниспошли мне удачу, – Таос глубоко вздохнул. – Итак, ты здесь.

– Как видишь.

– Готов ли ты говорить за вождей?

– Да, я готов говорить за них.

– Как твое имя?

– Эльф, – улыбнулся эльф.

Купец сдвинул брови.

– Без доверия, может ли быть успех?

– Увидим. Что ты предлагаешь?

Вздыхнув еще раз, Таос начал излагать своё предложение. Эльф слушал молча и очень внимательно.

– Нам не нужны копья, – сказал он, едва купец умолк. – Вместо них добавь кинжалы и наконечники стрел.

– Хорошо, – Таос закрыл глаза, считая в уме. – Итак, выходит: три сотни мечей, пятьсот кинжалов, тысяча стилетов, десять тысяч простых наконечников, две тысячи злых наконечников. Могу дать бочонок яда из скальных лягушек. Хороший яд, недорогой и быстрый.

– Мы не отравляем оружия, – размеренно ответил эльф.

– Почему? – купец прищурился. – Отравленная стрела сильнее пяти обычных стрел.

Бессмертный помолчал.

– Эльфы быются чтобы побеждать, а не убивать, – сказал он негромко. – Ты не поймешь. Предложение хорошее, мы согласны купить твоё оружие, если цена подойдет.

– Цена... – Таос скрестил руки на животе. – Черное железо редкий товар. Цена моя будет высока, но ниже, чем у любого другого купца.

– Я слушаю.

– Твой сородич, Лунный, согласился считать один мернептах за семьдесят драхм.

– Это так.

– Есть ли у вас хрустальные линзы, приближающие мелкое?

– Есть.

– За сколько считаешь одну?

Эльф на миг призадумался.

– Сто двадцать.

– Сто.

– Я прибыл не торговаться, человек. Я прибыл заключить сделку – или не заключать ее.

Таос с досадой дернул себя за бороду.

– Клянусь волосами Амалкетеп! У вас все такие упрямые?

Эльф улыбнулся.

– Мы очень редко спешим.

– Сто десять, и больше я не дам, клянусь всеми хвостами Игрэйна, а их у него восемнадцать!

– Хорошо, – внезапно согласился эльф.

Поперхнувшись, Таос уставился на собеседника.

– Не будешь спорить?

– Зачем? – бессмертный усмехнулся. – Я вижу, когда ты говоришь правду.

Купец на миг зажмурился, пытаясь успокоиться. Он чуть не забыл.

– Итак, – взяв себя в руки, он вытащил из шкатулки янтарный абак и защелкал бусинами. – Железный меч стоит девяносто драхм, кинжал – сорок, стилет пятнадцать, обычный наконечник – десять за семь, злой наконечник – два за семь.

– Все правильно, только меч стоит восемьдесят, – уточнил эльф. Таос вскинул голову.

– С чего ты взял?

– Ты солгал, когда назвал цену меча.

Таос стиснул зубы.

– Смотри мне в глаза, – приказал он. – Железный меч стоит восемьдесят шесть драхм.

– Правильно, – согласился эльф.

– Четыре драхмы с каждого меча я удерживаю, чтобы оплатить плавание двух кораблей.

– Вот сейчас все верно.

– И в дальнейшем не спеши обвинять партнера во лжи, – гневно заметил купец. – Я и так рискую, продавая вам оружие. Если об этом узнают в Уре, мне придется искать другую страну для торговли.

Эльф покачал головой.

– Поверь, мы гораздо сильнее тебя желаем, чтобы о сделке никто не узнал.

– Тогда мы поняли друг– друга?

– Безусловно.

– Вот и хорошо... – Таос продолжал щелкать абаком. – Сейчас... Итого, без наконечников выходит 62 тысячи драхм, или пять талантов и тысяча сто шестьдесят драхм.

Эльф вздрогнул.

– Так много? – спросил он негромко.

– Я сказал правду, – купец вздохнул. – Черное железо очень дорогой товар. Если пересчитать на мернептах, получится... – снова защелкали бусины, – 885 мернептахов или 563 хрустальные линзы. Добавим наконечники... – он прищурил глаза, – по сотне за один мернептах, десять тысяч штук – выходит еще сто амулетов за обычные, и сто за злые. Итого: два корабля железного оружия обойдутся вам в тысячу восемьдесят пять мернептахов, или в пятьсот шестьдесят три линзы и двести мернептахов.

Бессмертный опустил голову. Его настроение заметно испортилось.

– Потребуется много времени, чтобы изготовить столько хрустальных вещей, – сказал он тихо. – Больше года.

– Можешь покупать по частям, – предложил Таос.

Эльф вздохнул.

– Нам срочно нужно оружие.

– Тогда оплати часть груза иначе, – заметил купец. – Неужели у вас, коренных жителей Ура, так мало золота?

– Мы никогда не понимали, чем этот металл привлекает людей.

Таос с досадой дернул себя за бороду.

– Клянусь девятым хвостом Игрэйна, нельзя так жить! Ведь знали, что люди жаждут золота – почему не копили?

Эльф гневно вскинул голову:

– Люди нас не беспокоили!

– А потом однажды побеспокоили, – сурово сказал Таос. – Так побеспокоили, что у вас даже страны не осталось. В Фамае эльфы прячутся по лесам, словно разбойники, в Уре на вас охотятся, в Ансалоне вовсе истребили. Будь у вас золото, могли бы нанять армию и отбить свои земли, а так... – он вздохнул. – Не люблю

истории с печальным концом.

Бессмертный молчал, сжимая и разжимая кулаки. Купец некоторое время отрешенно щелкал абаком.

– Послушай, – Таос наконец поднял взгляд. – Я ищу хороший товар для Фамаи, Микии и других стран, где мы торгуем. Недавно я услышал, что у эльфов есть какие-то удивительные звери, которых нет больше ни у кого. Это правда?

Эльф покачал головой.

– Нет.

– Совсем никаких нет?

– Нет. Те, о ком тебе сказали, не звери, а наши друзья, – бессмертный кивнул на окно, где алел закат. – Один из них доставил меня по воздуху на твой корабль.

Таос встрепенулся.

– Значит, это правда! – он потер руки. – Я не буду спрашивать, как, и не буду спрашивать, где. Ответ: можешь ли ты достать сотню таких зверей? Лучше детенышей. Самок втрое против самцов. Если они и правда редкие, я буду считать каждого за пять сотен драхм.

Бессмертный отшатнулся.

– Нет! – он резко встал. – Ты не понимаешь, о чем говоришь. Это все равно что продать в рабство верного друга!

– Настоящий друг, – вскользь заметил Таос, – Сам наденет ошейник, лишь бы спасти друзей от смерти.

Эльф стиснул кулаки.

– Нет. Забудь.

– Что ж, – купец вздохнул. – Тогда прости за отнятое время и прощай.

Бессмертный умолк. Довольно долго они с Таосом смотрели друг другу в глаза.

– Я не могу ничего обещать, – сказал наконец эльф. – Мне еще предстоит говорить с вождями. Но есть маленький шанс, что мы сумеем достать других зверей. Еще более редких, и как раз детенышей. Это смертельно опасно, нам придется отбить их у жрецов Д'эума, поэтому, если вожди согласятся, никакой доплаты не будет. Сто зверей в обмен на два корабля оружия.

Таос задумчиво огладил бороду.

– Я должен знать, что это за звери. Смогу ли я выручить хотя бы шесть талантов на их продаже?

Эльф отвернулся.

– Сможешь, – выдавил он, глядя в стену. – Ты выручишь много больше. За живого детеныша дракона дадут любую цену, когда узнают, что именно они являются источником магии урских жрецов.

Таос довольно долго смотрел на эльфа, размышляя, уж не издевается ли тот. Бессмертный молча ждал.

– Драконы? – спросил купец. – Я не ослышался?

– Не ослышался.

– И мне следует верить, что жрецы Ура почти восемь тысяч лет хранили в тайне от всего мира сотни громадных, могущественных зверей, уничтоженных Д'эумом на заре истории вместе с богами?

– Их не хранили. Их доставляют по мере надобности.

– Откуда?!

– Мы не знаем.

Купец надолго задумался. Эльф ждал.

– Зачем жрецам драконы? – спросил наконец Таос.

– Нам известно лишь, что огненная магия без драконов невозможна, – сухо ответил бессмертный.

– Ты сказал, что раздобудешь для меня детенышей. Откуда?

– Со взрослым драконом никто не справится. Жрецы используют маленьких.

– Как используют?

– Мы знаем, что драконы при этом подымают. Больше ничего.

Таос нахмурил брови.

– Ясно... – он помолчал. – Что ж, за сотню драконят и правда можно выручить гору золота. Но в них еще надо поверить.

– Если сделка тебя устраивает, я все расскажу.

Таос медленно кивнул.

– Хорошо. Я доставлю вам два корабля лучшего в мире оружия в обмен на сотню живых и здоровых дракончиков. Самочек втрое против самцов. Каких цветов звери?

– Есть разные, – глухо сказал эльф.

– Такие мне и нужны, – кивнул Таос. – Всех цветов понемножку. Чтобы заказать оружие и доставить его в Таладас, мне потребуется пять декад. Сколько времени у вас займет добыча драконов?

– Я же сказал, что ничего не могу обещать. Решение примут вожди.

– Тогда какой смысл в нашей беседе? – Таос прищурил глаза.

Эльф помолчал.

– Если вожди дадут согласие, нам потребуется железное оружие, чтобы пробиться сквозь охрану нзунт.

Купец фыркнул.

– И вы, получив товар, отправитесь рисковать жизнями ради меня?

– Нет, – бессмертный поднял взгляд. – Мы атакуем дворец не только, чтобы с тобой расплатиться. Нзунта нам сильно задолжали!

Таос задумался. Корабль мирно покачивался на волнах, с берега дул теплый ветерок. В каюте было жарко.

– Искушение велико, – признал купец. – Но риск еще больше.

– Без риска нет жизни.

– Есть, есть... – Таос усмехнулся. – Итак, ты предлагаешь мне вооружить эльфов клинками стоимостью в пять талантов, чтобы те атаковали дворец самого могущественного в мире правителя и выкрали сотню громадных, тяжелых, умных и опасных магических зверей, каждого из которых затем надо будет поместить в клетку размером с дом, провезти на большой арбе сквозь растревоженный город, поднять на борт галеры и отправить за море, где их все равно не удастся продать, поскольку мстительные жрецы выследят похитителя где угодно. Я ничего не упустил?

Эльф сжимал и разжимал кулаки. Таос задумчиво огладил бороду:

– Пожалуй, я соглашусь.

– согласишься?! – переспросил бессмертный.

– Возможно, – Таос откинулся на стену каюты и заложил ногу за ногу. – Тебе, конечно, известно, что кое– кто из моих братьев– купцов тайно финансирует гэльских пиратов, чтобы те нападали на торговые корабли Ура?

Эльф прищурил глаза.

– Да, нам знакома такая стратегия.

– Что скажешь, если я стану финансировать эльфов, а вы взамен будете исполнять кое– какие несложные поручения?

Житель пустыни надолго замолчал.

– Мы станем твоей боевой группой, – сказал он наконец. – Для грязной работы.

Таос поморщился.

– Ну, зачем так грубо...

– Зато точно!

– Э– э, дорогой, напомни, чей народ на грани гибели? – купец развел руками. – Пойми, Ур, будто перец в открытой ране, жжет не только эльфов. Если чья–то добрая душа, и щедрая рука, – многозначительно добавил Таос, – избавит мир от жрецов, благодарность других стран будет велика.

Он помолчал, размышляя над новыми возможностями.

– Если лишить Ур огненной магии... – медленно начал Таос, раздумывая вслух. – Допустим, я... Ну, конечно, не я сам... Допустим, кто–то наймет полсотни пиратских кораблей, и даже подарит им несколько железных горшков...

Эльф сидел совершенно неподвижно, как статуя.

– Предположим, пираты высадутся в порту Ибхета и с воплями примутся резать жителей... – продолжал Таос. Он уже все просчитал, и на губах купца играла торжествующая улыбка. – Безумцев ждет страшная смерть в огне, не так ли?

– Да, – белыми от напряжения губами прошептал эльф.

– Во– от... А что, если жрецы не смогут истребить пиратов магией? Что, если нзунты будут вынуждены послать на бой с головорезами маджаев и простых солдат?

– Пиратов все равно перебьют, войско Ура многочисленно, – тихо сказал эльф. Таос усмехнулся.

– Ключ не в пиратах, друг мой. Ключ в том, что весь мир увидит – жрецы потеряли силу. Бьюсь об заклад: спустя две декады, многотысячное войско Фамаи разрушит Ур до основания, а наши верные союзники– эльфы получат свои исконные земли обратно.

Они посмотрели друг другу в глаза.

– Скажи лишь одно, – негромко произнес Таос. – Дашь ли ты голову на отсечение, что без драконов жрецы не сумеют обратить против нас огненную магию?

– Клянусь! – моментально ответил бессмертный.

– Я о голове не зря спросил. Ты останешься со мной до конца операции, и, если все рухнет, голову тебе отрублю я сам. Согласен? – Таос прищурил глаза.

– Согласен, – эльф твердо кивнул. – Я должен поговорить с вождями, но почти уверен: твой план примут. Не возвращайся в порт. Я прилечу утром, и вместе мы отправимся к пиратам.

– Не к пиратам, а в Фамаю, – уточнил Таос. – Султан мой хороший друг, изложим ему план. Посмотрим, что он ответит.

Эльф вздрогнул.

– Зачем?!

– Я, конечно, весьма богат, – купец пожал плечами. – Но в одиночку финансировать войну не смогу. Кроме того, разве не лучше заранее иметь за пазухой договор о возврате эльфам их родины? – он подмигнул. – Кому как не тебе проверять искренность султана...

И, чуть ли не впервые за весь разговор, тонкие губы эльфа тронула улыбка.

3

Столица Фамаи, красивый город Нушка, был построен всего семнадцать лет назад, по указу отца нынешнего султана. Кое где в городе до сих пор велись работы, а дороги к другим важным объектам страны предстояло строить еще много лет. Впрочем, одна дорога была завершена даже раньше дворца султана – путь в порт,

откуда на стройку гнали рабов и везли тысячи талантов груза.

Поток людей не иссякал ни на мгновение. Всадники, торговцы, солдаты, воры и оборванцы, аферисты и лицедеи, барды и охотники, жирные безработные евнухи, выброшенные на улицу старики и бездомные дети, чернокожие наемники из Ансалона, богачи в закрытых носилках под охраной свирепых ящеров– бакали, женщины с кувшинами на головах, сотни, тысячи людей стремились в столицу за счастьем, или – кому как повезет – горем, а бывало и смертью. Путь от порта до города занимал почти сутки.

Таос, двое сопровождавших его эльфов и четверо телохранителей– бакали ехали в огромной крытой арбе, влекомой тридцатью волами. Такой транспорт могли себе позволить лишь самые богатые купцы, и экономный Таос обычно довольствовался простым конем, но перед эльфами решил не мелочиться. Те и так смотрели на него с опаской, не до конца веря сказочным обещаниям.

Впрочем, даже украшенная золотом и черным железом арба в два человеческих роста не привлекла бы особого внимания искушенных фамайцев, и не она была причиной удивленного гула и страха, сопровождавших Таоса на всем пути до столицы. Просто за арбой, на длинной привязи, бросая свирепые взгляды на людей и грозно щелкая клювами, шагали два могучих зверя, напоминавших помесь льва с орлом, но при этом грациознее, красивее и величавее обоих прародителей.

Грифоны, как эльфы называли своих крылатых коней, были разумны и умели говорить, однако лишь на родном языке. По словам старшего эльфа, разум пернатых заметно отличался от человеческого и изучение других языков давалось грифонам с огромным трудом. Поэтому всем, кто желал стать грифоньим всадником, вначале предстояло научиться их странному, гортанно– рычащему наречию.

– Султан отнимет ваших зверей, – сразу предупредил Таос, когда впервые, еще на галере, увидел грифонов. – Он молод, тщеславен и смел, крылатый конь станет для него пределом мечтаний.

– Мы это предвидели, – спокойно ответил старший эльф.

– И..?

Бессмертный помолчал.

– Нам стоило чудовищных усилий сохранить последнее, что осталось у эльфов

от времен расцвета, – сказал он после долгой паузы. – Грифоны и единороги – самые благородные существа Кринна, наше главное и единственное сокровище. Дружба с грифоном меняет душу, очищает ее, придает жизни новые краски. Ты начинаешь видеть мир глазами орла, а сердце бьется уверенней, когда оно львиное... Вашему султану пойдет на пользу такой союз, и потому мой лучший друг, Небесный Знаменосец, и его сын Грозовой Щит добровольно вызвались отправиться с нами в Фамаю и стать ручными зверьками.

Таос приподнял левую бровь.

– А заодно преподнести султану сказочный подарок?

– Именно, – тихо сказал эльф. Таос рассмеялся.

– Клянусь девятым хвостом Игрэйна, ваш народ быстро усваивает уроки!

Эльф промолчал. За всю дорогу из Ура до Фамаи ни он, ни его более молодой спутник, так и не назвали Таосу своих имен, поэтому купцу приходилось называть их "старшим" и "младшим". Делиться причинами такой скрытности они также не спешили.

Издали город Нушка производил впечатление новенькой, только что изготовленной вазы. Ярко– белые покатые стены, украшенные израсцами и ослепительно блестящим синим орнаментом, вздымались на сорок локтей от земли. Вокруг города на много сенусов простирались молодые сады, пока еще не способные соперничать с чудесами старой столицы, но обещавшие через десяток– другой лет превзойти все существующее в мире. Эльфы, привыкшие к пустыне, смотрели по сторонам с удивлением.

У внешних ворот их арбу ненадолго задержали, но стражники знали Таоса и вскоре, оставив позади рабочие кварталы, купец и его спутники углубились во внутреннюю, закрытую от простых смертных часть города, метко прозванную "Чалмой" за идеально круглую форму и белизну стен. Эльфы и грифоны шагали по камням султанской дороги, телохранителей Таос отпустил проведать родных – семейные узы ящеров– бакали отличались прочностью. У внутренних ворот города богатому гостю выдали эскорт из десяти стражников, а заодно послали быстрого раба– нубиса во дворец, доложить султану о возвращении друга.

Лишь здесь, за стенами "Чалмы", стало заметно главное отличие Нушки от

всех других городов: указом султана, в пределах внутренней крепости было строжайше запрещено использовать любых животных, от коней и верблюдов до слонов. Все конюшни, зверинцы, птичники и прочие источники неприятных запахов находились в рабочих кварталах. Так султан добился просто невероятной чистоты за стенами своей крепости: целая армия рабов по ночам отскребала каждое пятнышко, и наутро город выглядел мытым и свежим, будто кожа красавицы.

– Карим молод и еще не успел погубить здоровье излишествами, – вполголоса рассказывал эльфам Таос. – У него есть несколько странностей, например эта безумная страсть к чистоте, но, в целом, он хороший и умный султан, в народе его любят.

– Странности? – старший эльф поднял брови. – А точнее?

Таос пожевал губами.

– Ну– у... Он верующий.

– Что значит верующий?

– Он поклоняется древним богам. Тем самым, что истребил Дэум восемь тысяч лет назад.

Эльфы быстро переглянулись.

– Кому из богов? – спросил старший.

– Одной богине, кажется ее имя Мишакаль. У нее своя луна.

Эльфы разом вздрогнули.

– Удивительно, – тихо сказал младший. – Мы не знали, что люди еще помнят Госпожу.

– Помнят и как, – усмехнулся Таос. – Я не столь близок Кариму, чтобы знать его личные тайны, но, ходят слухи, к вере его приучила кормилица. Мать Карима умерла родами, а она была любимой женой, и отец возненавидел младенца...

Старший эльф сурово сжал губы.

– У нас подобное невозможно.

– Уверен? – купец прищурил глаза. – А я слышал, вы бросаете полукровок гиенам. Это правда?

Эльфы переглянулись.

– Полукровки? – переспросил младший. – То есть, наполовину люди?

– Полуэльфы, – бросил Таос. – У них еще борода растет.

Старший некоторое время молча шагал по дороге, не глядя на человека.

– Да, мы убиваем их, – сказал он наконец. – Разумеется, без боли. Диких зверей придумали люди, мы... менее кровожадны.

Таос нехорошо улыбнулся.

– О чистоте крови печетесь?

– Вы были бы не менее щепитильны, сохранись во всем мире не более ста тысяч человек! – огрызнулся эльф. – Наше племя просто не может себе позволить кровосмешение. К счастью, на моей памяти подобное случалось только дважды...

– Веселые вы парни, – вскользь заметил Таос. – Так или иначе, а судьба или ваша мертвая богиня лишила старого султана других сыновей, и пришлось ему назвать Карима наследником. Случилось это шестнадцать лет назад, и скоро уже четырнадцать как принц сел на трон. Ему сейчас двадцать три.

Старший эльф прищурил глаза.

– Быть может, в таком случае нам стоит вначале поговорить с главным везирем?

Таос усмехнулся.

– Не выйдет. Пять лет назад, едва Карима торжественно назвали мужчиной, он заявил, что, прежде чем сесть на трон, хочет провести шестьдесят дней в молитвах и раздумьях. Забрав лишь две сотни верных всадников– каракатов, принц отправился в заброшенный горный дворец Итнат. Запершись там, он послал тайную весточку своим людям в столице и, на шестую ночь после праздника, те беспощадно перебили придворных старого султана, включая и везирей, правивших страной, пока Карим был ребенком. Вся Фамая завывала от ужаса! Спустя день после бойни, в город вернулся Карим и объявил траур по усопшим... – Таос рассмеялся.

– С тех пор у султана советников нет, – закончил купец. – Он назначил ханов– каракатов на главные посты в государстве, разорвал лошадьми старого ом– кади и бросил в зиндан тех уламов, кто не успел вовремя поцеловать его пятки. Все каракаты теперь за него горой, а это три четверти нашей армии...

– Но везири нужны любому правителю, – удивленно заметил младший эльф.

Таос пожал плечами.

– Карим говорит, что найдет новых везирей, когда станет слишком стар и немощен, чтобы самому править Фамаей.

Эльф промолчал. Купец довольно огладил бороду.

– Юноша оказался куда умнее и опаснее, чем о нем думали. В невинном ребенке скрывался холодный и расчетливый человек. Несколько лет, в глубокой тайне Карим собирал верных людей, чтобы день совершеннолетия не стал его последним днем. Сегодня он – истинный и единственный правитель Фамаи, и трон его куда крепче, чем был у старого султана. А скоро, если план с драконами удастся, Карим Бекир–сах сможет впервые в истории нашей страны назвать себя падишахом.

Младший эльф метнул на Таоса странный взгляд.

– А ты не боишься, став приближенным такого султана, однажды утром проснуться без головы?

Купец рассмеялся.

– Я происхожу из знатного каракатского рода, эльф, и пять лет назад я был одним из тех, кто возвел юношу на трон. Мы с Каримом очень похожи, бессмертный. И хорошо понимаем друг друга.

Он жестом указал на длиннейшую мраморную лестницу, полого поднимавшуюся к позолоченным воротам дворца. Эльфы, грифоны и сопровождавшие их солдаты начали долгий путь наверх.

Карим–ибн–Секим иш–Даман аз Бекир–сах, султан Фамаи, был красивым и стройным мужчиной с аккуратной черной бородой и умными, живыми глазами. Он слегка уступал Таосу ростом и заметно – шириной плеч, но выглядел гораздо изящнее, собраннее, а в движениях проскальзывала грация, присущая лишь танцорам и воинам. Молодость Карима проявлялась во всем – даже в том, как просто, без торжественных церемоний и длительной подготовки, он принял гостей.

Когда Таос и эльфы вошли в тронный зал, Карим возлежал за достарханом. Он сразу встал и сделал три шага навстречу купцу; они крепко обнялись и весело, в один

голос, рассмеялись. Так и не сказав ни слова, султан жестом указал эльфам на подушки, а сам помог Таосу снять тяжелый дорожный халат и брезгливо отбросил его рабу. Купец опустился на мутаку справа от султана, со вздохом облегчения погрузил руки в чашу с розовой водой, которую поспешно поднес другой раб. Такие же немедленно появились перед эльфами.

– Отдохнем и поедем, – сказал Карим. – О делах позже.

Таос провел руками по лицу и сложил перед грудью ладони в жесте одобрения.

– Глубокая мысль, – купец поднял огромную, сочную гроздь винограда и отправил в рот сразу два десятка ягод. Старший эльф коснулся груди.

– Благодарю, мудрый правитель.

Карим едва заметно улынулся уголком рта и обвел рукой достархан.

– Вина и арана здесь нет. Угощайтесь.

Эльф склонил голову, показывая, что ценит заботу хозяина о трезвости гостей. Некоторое время все молча ели, причем Таос уплетал за двоих.

Где-то тихо, едва слышно играла музыка, у стен черными статуями вздымались могучие ящеры– охранники. В центре зала из небольшого бассейна торчала декоративная скала, по которой бесшумно стекало ароматное розовое масло. Невесомые занавески из тончайшего фамайского шелка слабо колыхались от малейшего движения воздуха. Там и тут мелькали золотистые тела полуобнаженных рабов, готовых к любым приказам султана, но без шумной толпы нарядных придворных дворец казался пустым. Тихая музыка лишь подчеркивала царившее в зале безмолвие.

Прошло более получаса, прежде чем тишину разорвал удовлетворенный голос купца:

– Я отдохнул.

– Мы тоже, – сразу сказал старший эльф. Султан, с подобающей ему неторопливостью, какое-то время еще продолжал аккуратно и с достоинством есть персики, но, наконец, отложил серебряную вилку и хлопнул в ладоши. Четверо сильных рабов тут же, совершенно беззвучно, подняли достархан со всей снедью и быстро скрылись в проходе. Другие невольники, столь же тихо и расторопно

принесли три одинаковых, уже разоженных кальяна и поставили подле каждого гостя; сам султан не курил.

Эльфы, разумеется, проигнорировали столь человеческую забаву, но Таос с наслаждением затянулся ароматным дымком.

– Поговорим, – негромко сказал он. – Карим, позволь представить двух вождей эльфийского народа, почти стертого с лица Кринна жрецами из страны Ур. Они проделали долгий путь, чтобы встретиться с тобой и обсудить весьма интересные вещи... – купец начал рассказ. Еще на корабле он условился с эльфами, что те должны молчать пока султан сам с ними не заговорит.

Карим слушал Таоса с вниманием, и чем яснее становился план купца, тем ярче в его голубых глазах загорался огонь. Когда Таос закончил и с уважением коснулся лба сложенными пальцами, султан очень долго молчал, размышляя над заманчивым предложением.

– Риск велик, – сказал он наконец.

– Велик, – согласился Таос. – Но его можно свести к нулю.

– Как?

– Пусть пиратов наймут люди из Гэлии или Бушрута. Едва последний корабль уйдет в море, всем нанимателям перережут глотки, и даже если план провалится, гнев жрецов никогда не падет на Фамаю.

– Они не глупы, Таос, – заметил Карим. – Они догадуются.

– В таком деле догадок мало, – усмехнулся купец. – Если план рухнет, пираты не успеют причинить никакого вреда, и пусть даже жрецы поймут, кто за ними стоял: мелкое нападение на порт не стоит полномасштабной войны с Фамаей. В худшем случае, от нас потребуют выдать преступников, посмевших напасть на Ур вопреки воли султана... Мы выдадим... – Таос подмигнул. – Карим, рейд пиратов, по существу, это еще не война – скорее, разведка боем. С их помощью мы получим уже реальную, а не обещанную, гарантию бессилия жрецов, и уж тогда... – купец развел руками. Губы султана тронула улыбка.

– Ты опасный человек, – заметил он.

– Я твой верный раб, – весело отозвался Таос, и оба рассмелись. Глубокие глаза Карима обратились к эльфам.

– Ваше предложение очень заманчиво, – сказал султан. – Думаю, вы знаете это и сами. Ур подобен огромной язве, терзающей плоть единорога. Но вы также должны сознавать – речь идет о мировой войне.

– Мы понимаем, мудрый правитель, – почтительно отозвался старший эльф.

– Я мог бы сказать, что должен провести в раздумьях и совещаниях с полководцами много дней... – заметил Карим. – Но это будет ложью, поскольку все мы прекрасно знаем, что я уже согласен.

Губы обоих эльфов тронула одинаковая тонкая улыбка.

– Мы надеялись на вас, государь, – тихо сказал младший. – Наш народ гибнет.

– Да... – султан помрачнел. – Мне это ведомо. В своей стране я пытаюсь, как могу, оградить другие народы от жестокости людей. Но я ведь не бог... – с горечью добавил Карим.

– Эльфам нужна их страна, мне нужно избавить от угрозы свою, – продолжил он после небольшой паузы. – Я клянусь именем святой для меня богини, что верну ваши земли и навеки огражу их от алчных соседей. Вы знаете, я говорю правду, – султан развел руками. – Однако вы должны понимать, сколь щекотливое и опасное нам предстоит дело. Я могу как угодно рисковать сам, но не имею права подвергать риску Фамаю. Поэтому, увы, я не смогу подтвердить свое обещание приказом до тех пор, пока сохраняется хоть малейший шанс, что план потерпит неудачу. Если жрецы сэберегут свою магию, и в руки им попадет такой приказ... – Карим провел ладонью поперек горла.

Старший эльф наклонил голову.

– Мы все понимаем, государь. Нам достаточно вашего слова. Это первый проблеск надежды за долгие, долгие годы.

Султан улыбнулся.

– Я могу сказать то же самое. Угроза огненной смерти уже много веков висит над моей страной, как занесенный меч.

Таос кашлянул:

– Карим, позволь мне заняться этим делом.

– Ну а кому же еще, друг мой? – рассмеялся султан. – Я сегодня же прикажу ом– кади выдать тебе знак сулкара. Бери золото из казны, сколько потребуется, бери

людей и оружие, но помни: ни одна ниточка не должна вести к Фамае.

– Я кто, желтопузый крокодил? – фыркнул купец. – Все будет хорошо. Я и раньше работал с пиратами... Хотя те об этом и не подозревали, – добавил он, подмигнув удивленным эльфам.

Карим заложил руки за голову и сладко потянулся.

– Хорошо начинается день, – сказал он весело. – Я хочу, чтобы сегодня и завтра все вы отдыхали и вкусили моего гостеприимства. Спешка в таких делах смерти подобна. Таос, зайди ко мне вечером... – в глазах султана на короткое, едва уловимое мгновение мелькнула странная искорка. – А теперь, если дорогие гости не против, – он встал, за ним поспешили остальные – ...я хочу осмотреть крылатых коней.

Младший эльф учтиво поклонился.

– Они будут счастливы познакомиться с вами, государь.

– Даже так? – улыбнулся Карим. – Что ж, знакомиться так знакомиться! – он первым направился к выходу.

4

Обжигающий ветер сушил глаза, вынуждая Таоса постоянно моргать. Купец не раз и не два бывал в пустынях, но Дешрет в сравнении с ними выглядела как прах мумии, десять тысяч лет пылавшей в жерле вулкана. Ее кошмарный черный песок и в самом деле напоминал прах; Таоса передернуло, когда он вспомнил, сколько миллионов живых существ мгновенно обратилось в пыль, когда жрецы ударили всей своей мощью по цветущей, лесистой стране эльфов Армакхнести.

Парадоксально, но огненная магия Ура, в отличие от любого другого огня, не сжигала своих жертв. О да, их не сжигали – чудовищное оружие испепеляло все на своем пути с такой скоростью, что пламя просто не успевало возникнуть. Миг – и огромный живой город обращался в жуткий призрак самого себя. Очевидцы рассказывали, что первые секунды после удара все остается как было – люди и звери, дома и деревья, все стоит, где стояло, и лишь обретает насыщенный черный цвет. А затем, неощутимое кожей движение воздуха нарушает хрупкое равновесие, и город

рассыпается сводящим с ума перевернутым морем.

Таос не видел, как это происходит, но хорошо представлял себе призрачные волны, растекавшиеся по озеру горячего праха, куда немислимо, неестественно плавно погружались мертвые тела.

Купец украдкой оглянулся на спутников. Уж если таково было людям на черных песках Дешрет, то как должны ощущать себя бессмертные эльфы, каждый из которых потерял в этой пустыне родных, дом и надежду? Ведь все живущие сегодня эльфы Ура выжили лишь потому, что в момент атаки находились за пределами Армакхнести...

Встряхнувшись, Таос хлестнул верблюда и направил его к голове колонны, где верхом на грязном, измученном и растрепанном грифоне ехал проводник – уже знакомый купцу эльф со странным именем Лунный.

– Далеко еще? – крикнул Таос, поравнявшись с грифоном. Эльф тяжело покачал головой.

– Мы почти добрались. Ударный отряд ожидает среди тех скал, – он указал на группу мрачных утесов, торчавших из пустыни словно гребень закопанного по самую холку чудовища.

Таос задумчиво огладил бороду.

– Я вижу скалы, я верю, что нас там ждут. Но, клянусь волосами Амалкетеп, я не вижу, куда мы должны направиться после встречи. Здесь же голая пустыня на парасанг в любую сторону!

– Пути бывают разными, – заметил Лунный.

Купец крякнул с досады.

– Мать Игрэйна и все ее жеребцы! Слушай, длинноухий, мы теперь в одной лодке и равно рискуем. Так что либо прекращай свои эльфийские иносказания, либо пришли мне другого эльфа, умеющего отвечать на прямые вопросы без уверток!

Лунный с легким удивлением обернул голову к человеку.

– Я вовсе не уворачиваюсь, Таос, – ответил он после небольшой паузы. – Пути и в самом деле бывают разными. Наша цель находится в предместьях города Менигура– Птах, на другом конце страны, за много сотен парасангов отсюда. Если б нам пришлось ехать туда обычным образом, мы не добрались бы и за шесть месяцев.

Таос прищурил глаза.

– Так... Это уже интересно.

– Мой народ гибнет, но не дичает, – с затаенной гордостью сказал эльф. – Мы до сих пор умеем находить складки флогистона и моментально путешествовать на любые расстояния.

Купец моргнул.

– Но... Зачем же мы тогда тащимся по этой проклятой земле?!

– Путешествовать сквозь флогистон можно лишь в местах, где имеются складки, – мрачно отозвался Лунный. – Одна из самых больших скрыта рядом с этими скалами. Она перенесет нас прямо к стенам Менигура–Птах.

– В лапы нзунтам, – уточнил Таос.

– Нет, – Лунный вздохнул. – Как же вы нетерпеливы, смертные.

Купец нахмурил брови.

– Я полагал, все детали операции давно обговорены, еще в Фамае!

Грифон Лунного что-то сказал своему всаднику на гортанном наречье. Эльф ответил на том же языке, успокаивающе погладил зверя по шее.

– Мы не можем рисковать, – произнес Лунный, обернув голову к Таосу. – Во дворце вашего султана есть шпионы нзунт, если они разузнали о плане, нам подготовят ловушку.

– План составил я сам, султан ничего не знает, – возразил Таос.

– А вдруг шпионы есть и среди твоих людей? – спросил эльф. – Не волнуйся, Таос. План не менялся, мы просто обошли его рискованные места.

– Да? – купец иронично приподнял левую бровь. – Так будь добр, просвети жалкого смертного, что же ему предстоит делать?

Лунный тяжело вздохнул.

– Таос, – сказал он сухо. – Речь идет о жизни и смерти моего народа. Ты рискуешь богатством, мы – будущим. Прошу, позволь нам обеспечить хоть какой-то шанс на успех.

– Я уже давно рискую жизнью, а не только деньгами, – резко ответил купец. – И хочу знать, во что вы превратили мой план, даже не сообщив мне об этом!

Эльф пожал плечами.

– До заката осталась всего пара часов. Трудно подождать?

– Трудно!

– Что ж, тогда слушай, – губы Лунного тронула слабая улыбка. – Мы должны были предусмотреть шанс, что нзунты знают об атаке и подготовили встречу. Поэтому, с самого первого дня, в плане фигурировала ложная цель. Мы вовсе не собирались атаковать дворец, Таос.

Купец невольно дернул себя за бороду, однако прерывать эльфа не стал. Тот невозмутимо продолжал:

– Нзунта убедили весь мир, что источник их магии – жрецы, обитающие во внутреннем святилище дворца. Мы тоже поддались на этот трюк, и около двух веков назад уже пытались отомстить. Ударная группа проникла во дворец и была перебита до последнего эльфа, не спасся никто. Нзунта гордо раструбили о "победе"...

Лунный умолк и некоторое время ехал молча.

– В тот день не вернулись двое моих сыновей, – сказал он тихо. – Однако, в действительности победили мы, а не нзунта. Несколько израненных грифонов успели передать нам слова последних воинов, так мы узнали главную тайну нзунта, узнали о драконах. Еще мы разведали, что подлинное святилище огненной магии скрыто под землей в паре сенусов от стен Менигура– Пгах. Его много лет строили рабы, минотавтры и гномы, строили прямо в земле, начав рыть из города. На поверхности все это время находился оживленный рынок, и никто даже не подозревал, что под их ногами, в толще скал, готовится жуткая крепость.

Эльф опустил голову.

– Когда строительство завершилось, всех рабов, кто был еще жив, согнали в медный дворец Гуранаш и сожгли живьем. Их прах затем рассыпали по всему святилищу. Погибли тысячи, Таос. Десятки тысяч. Прах устилает святилище слоем толщиной в локоть. Мы не знаем точно, однако думаем, что именно эта чудовищная жертва позволила жрецам призвать из небытия душу мервого бога.

– Мертвый бог? – переспросил Таос.

– Да, – мрачно ответил эльф. – Нам неведомо его имя, но мы знаем, что это один из богов, уничтоженных Д'эумом на заре времен. Судя по жертве, мы скорее всего найдем бога смерти Нутари, хозяина Черной Луны, а может и саму Эретрем,

она же Такхизис, она же Тиамат, мать драконов и повелительницу Бездны. Восемь тысяч лет назад, когда Д'эум вернулся из созвездия Дельфина, чудовищное оружие его корабля развоплотило богов, разметало отшметки их душ по Вселенной. Однако Д'эум, очевидно, был гораздо умнее, чем рассказывают мифы. Мы полагаем, он либо пощадил одного из богов, сделав его рабом, либо предусмотрел для своих верных нзунт способ воскресить нужного бога из небытия и контролировать его силы.

Таос сузил зрачки.

– Так, значит, нет никаких драконов? И все ваши рассказы – ложь?

– Отнюдь, – возразил Лунный. – Пленный бог – всего лишь оружие, как лук. Он бесполезен без стрел. Мы знаем слишком мало, Таос, однако нам точно известно, что драконов приносят в жертву этому богу, и лишь тогда у него появляются силы на огненную магию. В день, когда моя страна... – он запнулся, но нашел силы продолжать, – ...в наш самый черный день, жрецам потребовалось несколько десятков драконов, чтобы высвободить мощь, достаточную для уничтожения Армакхнести. Обычно хватает одного– двух.

– Для чего хватает? – с подозрением спросил купец.

– Для истребления отрядов вроде нашего, – спокойно ответил эльф.

Он погладил грифона по шее.

– Есть кое– что, что ты должен знать, человек, – тихо сказал Лунный. – Никто, кроме эльфов, единорогов и серебряных драконов, не способен открывать пути сквозь флогистон, и потому враги не смогут преследовать нас, когда операция завершится. Однако складки флогистона ведут лишь в одном направлении. Вернуться той же дорогой мы не сумеем, Таос. Отряду придется с боем пробиваться к ближайшей складке, в пяти– шести парасангах от города.

– И что же? – нетерпеливо спросил купец. – Мы так и планировали изначально, просто речь шла о кораблях, а не о каком–то "флогистоне". Нзунта, уверенные, что атака – дело рук эльфов, попытаются отрезать наш отряд от пустыни. Им и в голову не придет, что мы бросимся к порту! Представляю их лица, когда одновременно с атакой дворца в гавань ворвется целый флот гэльских пиратов, вооруженных железными горшками!

Эльф опустил голову.

– Ты не слушаешь, Таос. За нами бросят все, чем располагает Ур. Соотношение сил будет пятьсот к одному, мы просто не успеем добраться ни до складки, ни до кораблей. Шансов, что хоть кто-то вернется живым, почти нет. Когда мы окажемся под стенами Менигура– Птах, обратного пути не будет, человек. Ты уверен, что не хочешь остаться?

Купец запнулся и молчал долго. Скалистые отроги близились, раскаленный воздух жег легкие. Таос обвел взглядом пустыню, пытаясь вообразить, как выглядела эта земля раньше, когда о ее красоте пели менестрели по всему миру.

– Остаться... – медленно произнес купец, и Лунный даже вздрогнул, до того необычно прозвучал его голос. Таос с силой провел ладонью по лбу, широкой черной полосой размазав пепел.

– Остаться, чтобы до конца своих дней просыпаться в поту, каждое утро ожидая найти такую пустыню на месте родного дома? – негромко спросил купец. – Прости, бессмертный, я не так храбр.

Хлестнув верблюда, он обогнал притихшего эльфа и первым въехал в ущелье. Глаза Таоса сверкали недобрым огнем.

Войско готовилось к броску. Друиды – мрачные эльфы с татуировками по всему лицу, закутанные в серые балахоны – ходили по скалистому плато, расставляли метки на камнях, тянули тончайшие зеленые нити, готовясь вскрыть ткань самого пространства и переместить воинов в другой конец материка. В отряде насчитывалось менее полутора тысяч солдат; достаточно для молниеносного набега, смехотворно мало для битвы с любым серьезным войском.

Главную ударную силу составляли пять сотен минотавров в тяжелых латах из черного железа, вооруженных двойными секирами того же металла. Перед выходом на марш Таос их честно предупредил, что шансы выжить у них наименьшие. Но минотавров, натерпевшихся от нзунт даже больших страданий, чем их бывшие хозяева– эльфы, очевидно, это не пугало.

Двести кочевников, набранных в степях Ансалона чтобы отвести от Фамаи всякие подозрения, составляли конницу. От них в городе ожидалось мало толку, и основной задачей всадников было как можно быстрее доставить за стены четыре сотни отборных эльфийских стрелков. Еще сто двадцать эльфов получили наиболее прочные латы, какие только сумели изготовить фамайские кузнецы. Этим воинам предстояло самое важное и опасное задание – верхом на грифонах, по трое на каждом, десантироваться за стены города и удержать ворота открытыми, пока туда не доберутся всадники и минотавры. Сами грифоны, в отряде их насчитывалось сорок, были слишком уязвимы для дротиков маджаев, и потому не могли участвовать в схватке. Пернатым отвели роли связных и разведчиков.

Помимо воинов, войско Таоса включало также пять десятков больших двухколесных повозок, снабженных цепями для удержания диких зверей и запряженных особо отобранными верблюдами. Как раз сейчас погонщики– нубисы надевали на морды животным тряпки, смоченные в пахучем растворе, чтобы верблюды не взбесились, ощутив запах драконов.

Купец медленно шел вдоль угрюмой вертикальной скалы, наблюдая, как солдаты строятся тесными ромбами и кладут руки (и лапы) друг другу на плечи. Друиды кричали, указывали громоздким минотаврам их места, всадники боролись с храпящими конями. Не верилось, что всего через час, когда солнечный диск коснется горизонта, вся эта масса людей, нелюдей и животных в мгновение ока перенесется за сотни парасангов отсюда, в плодородную, никогда не знавшую вражеских нашествий дельту великой реки Пта...

– Человек, – тихий голос сзади заставил купца резко обернуться. В отвесной скале зияла трещина, куда едва бы протиснулся кулак.

– Кто здесь? – с подозрением спросил Таос.

– Человек, слушай внимательно, – еще тише произнес голос. Теперь купец был уверен: говорили из трещины. – Семьдесят лет назад жрецы перенесли вход в святилище. Тайная дверь находится в двух сенусах левее главных внутренних ворот цитадели, на заднем дворе казарм, она выглядит как глиняный купол бани, украшенный синей мозаичной звездой. Разбей купол; внутри найдешь винтовую лестницу.

Таос ощутил, как волосы поднимаются дыбом.

– Кто ты? – хрипло спросил купец.

– В центре святилища увидишь белый алтарь, – произнес голос. – Не касайся его и не позволяй никому из солдат его трогать. Прикажи лучникам издали разбить алтарь стрелами. Только так ты сумеешь положить конец власти нзунт.

– Кто ты?! – купец приник к трещине, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в кромешной тьме. Ему померещилось быстрое движение, будто кто-то огромный поспешно отпрыгнул назад.

– Исполни то, что я сказал, иначе все вы погибнете напрасно, – совсем тихо произнес голос. – Оставь здесь повозки, в них не будет нужды. Передай Ааказаргнести, после вашей победы я разверну поток флогистона, и вы сможете вернуться той же дорогой.

– Открой свое имя! – рявкнул Таос. – Откуда мне знать, что ты говоришь правду?!

Голос не ответил, но купец еще долго старался уловить хоть какой-нибудь звук из трещины. За этим занятием его и застал Лунный.

– Таос? – удивленно спросил эльф. Купец судорожно дернулся и повернул голову. Некоторое время они с Лунным молча смотрели друг на друга.

– Я слышал голос из скал, – произнес наконец Таос. – Он велел передать Ааказаргнести, что поток флогистона будет развернут, и мы сможем вернуться той же дорогой.

Эльф отпрянул всем телом.

– Где ты узнал ЭТО имя?! – хрипло спросил Лунный после длительного молчания.

Таос с силой перевел дыхание.

– Слушай, – он пересказал эльфу содержание беседы. Лунный с изумлением внимал, чуть ли не открыв рот. Затем надолго умолк.

– Это мог быть только он, – сказал наконец эльф. – Больше никому.

– Кто? – подозрительно спросил Таос.

– Бог. Тот самый, плененный нзунта, – Лунный утер со лба пот. – Вероятно, он сохранил частичку своей силы, и сейчас пытается вырваться на свободу с нашей

помощью.

– Плененный бог? – недоверчиво переспросил купец. – Божество, убитое восемь тысяч лет назад, сидит в трещине посреди пустыни и подсказывает нам, как его спасти?

Лунный молчал. Таос глубоко вздохнул.

– Кто такой Ааказаргнести?

– Тебе нельзя знать.

– Но я уже знаю.

– Ты просто слышал имя, – эльф отвернулся. – Теперь для собственной безопасности постарайся его забыть.

Таос прищурил глаза.

– У меня идея получше. Эй, парень! – купец махнул погонщику– нубису, стоявшему неподалеку. – Бегом сюда!

– Человек, не играй с огнем, – предупредил Лунный. – Поверь, имя, что тебе назвали, само по себе доказывает искренность таинственного оракула. Никто не может знать это имя. Лишь бог...

– Вот сейчас и проверим, – усмехнулся Таос. Обернувшись к нубису, он резко указал на трещину.

– Нюхай. Я хочу знать, кто или что недавно было внутри.

Погонщик учтиво поклонился и припал к скале. Напряженный эльф и купец молча ждали. Нубис некоторое время принюхивался, затем, глубоко вздохнув, обернулся и приложил лапу к груди.

– Господин, я готов.

– Говори! – резко приказал Таос.

– Пахнет рептилией. Я бы сказал, "пахнет бакали", но запах другой. Я никогда не встречал подобного.

– Рептилия? – Таос моргнул. – Ты уверен? Там было живое существо?

Нубис оскалил клыки в слабой улыбке.

– Мой род не зря славится нюхом, господин. Там, – он кивнул на скалу, – только что находилась рептилия– самец, довольно крупная и хищная, поскольку обедала сегодня мясом аргхара. Это существо чистоплотно, с горячей кровью и очень

жарким дыханием, оно не носит одежды и недавно гуляло по свежей траве. Еще могу сказать, в пещере был зрелый самец и, скорее всего, он очень давно не встречал самку.

– Игрейн... – пробормотал купец. – Это ты тоже по запаху определил?

– Да, господин, – улыбнулся нубис. – Все проще, чем вы думаете. Запах семени легко ощутим, но аромата самки нет вовсе, значит существо вынуждено удовлетворять само себя. Едва ли оно занималось бы этим, имейся самка его в логове.

Погонщик верблюдов на миг задумался.

– В остальном я не уверен, но... За трещиной находится крупная пещера, и воздух там все еще движется, холодные потоки опускаются вниз. Чтобы так взвихрить воздух в одно мгновение, существо либо должно быть очень большим, но тогда оно не поместилось бы в пещере, либо... – нубис вздохнул, – ...либо оно должно обладать крыльями, господин.

Пораженный купец переглянулся с эльфом.

– Хочешь сказать, в пещере сидел дракон? – недоверчиво спросил Лунный.

Нубис кивнул.

– Больше некому, господин. Взрослый и очень одинокий дракон.

– Взрослый одинокий дракон... – медленно повторил купец. – Значит, он сбежал от нзунт достаточно давно и успел подрасти.

– Таос, кем бы он ни был, любой дракон смертельный враг нзунт, – заметил Лунный.

Купец нехотя кивнул.

– Да.

– Его слова не должны быть ложью.

– Я понимаю, эльф, – Таос яростно дернул себя за бороду.

Лунный чуть прищурил миндалевидные глаза.

– В чем дело?

– Откуда здесь взяться дракону?! – взорвался купец. – Восемь тысяч лет никто о них не слыхал, а теперь за пару месяцев я узнаю сначала о целой сотне детенышей, а затем их взрослый сородич выдает себя за оракула и советует, как правильно вести бой! Откуда он знает о нашей операции?! Кто сообщил про место встречи?!

– Я уже говорил тебе, кто, – невозмутимо ответил эльф.

Таос сжал зубы.

– Все не уймешься?

– Человек, – терпеливо сказал Лунный. – Боги существовали. Можешь верить в них, можешь нет, однако они были реальны и управляли всем Кринном.

Эльф указал на трещину.

– Мы знаем совершенно точно, что один из древних богов не был убит, либо его воскресили, и сейчас он в плену нзунт. Как и всякий пленник, он мечтает о свободе. Боги создали драконов и были тесно связаны с ними; я не вижу ничего странного, если последний из богов, не имея сил говорить с нами прямо, посылает дракона исполнить свою волю.

– То есть, на управление драконом сил хватает, а шепнуть несколько слов – уже нет? – язвительно уточнил Таос. – А откуда он взял дракона, можно узнать?

– Ты сам сказал, откуда, – коротко ответил эльф. – Это был один из детенышей. Видимо, много лет назад богу удалось спрятать драконенка от жрецов, и с тех пор он держал его в пустыне, как последнее средство. Потому–то дракон и одинок. Возможно, как раз после его побега нзунта перенесли вход в святилище...

Купец восхищенно покачал головой.

– Тебе бы сказки сочинять, эльф. Величайшим сказителем станешь. Я так и вижу: сидит в пещере бедный, одинокий дракончик, удовлетворяет сам себя с горя, и тут–то мертвый бог ему и говорит: "Лети, мой дракон, в пустыню, найди скалу, спрячься в трещине и научи Ааказаргнести, как меня воскресить!". Несчастный ящер, видать, свое дело и кончить не успел...

– Я верю голосу из скал, – сухо произнес Лунный. – У тебя есть причины ему не верить?

– Миллион и одна.

– Тогда оставайся и жди нашего возвращения. Мы поступим, как велит бог.

Таос так дернул себя за бороду, что весь скривился от боли.

– Клянусь каждой колючкой, приставшей к восемнадцати хвостам Игрейна! Эльф, если ты еще хоть раз забудешь, кто командует операцией, клянусь – в пустыне останешься ты!

Купец властно вскинул руку, предупреждая ответ:

– Я говорю: мы ничего не меняем в плане. Ни– че– го. Можешь отправить своих эльфов искать глиняный купол со звездой, найдете – тем лучше, сэкономим время. Все остальное не меняется!

– А если дракона подослали нзунта? – тихо спросил погонщик– нубис. Все обернулись.

– Повтори? – Таос нахмурил брови.

Нубис вздохнул.

– Господин, нзунта единственные, у кого есть драконы. Что, если много лет назад они пощадили одного детеныша и сделали своим верным псом? Что, если его послали завлечь нас в ловушку?

Из трещины раздалось рычание. Таос, Лунный и нубис, как ужаленные, повернулись к скале.

– Я не служу нзунта! – яростно произнес голос дракона.

Таос с громадным трудом взял себя в руки и подошел к скале.

– Мы не легковверные дикари, – твердо сказал купец. – Если желаешь помочь нам, откройся.

Было слышно, как дракон в трещине с шумом выдохнул.

– Я не могу. Мне не дозволено.

– Кто приказал предупредить нас? – с волнением спросил Лунный.

– Не спрашивайте об этом. Заговорив с вами, я уже нарушил приказ.

– Чей приказ?! – рявкнул Таос.

Дракон ответил не сразу.

– Я друг, – произнес он наконец. – Верьте, я на вашей стороне.

Лунный шагнул вперед.

– Где ты узнал о готовящейся атаке? Как нашел это место?

– Все было предсказано... – тихо ответил дракон.

Таос и эльф переглянулись. Купец потер лоб.

– Тебе известно, чем закончится операция?

– Зависит от вас, – сказал дракон. – Послушайтесь моего совета, и нзунты падут.

– Кто ты? Один из пленников нзунта?

– Нет.

– Зачем нам помогаешь? – с подозрением спросил купец.

– Я хочу спасти детей! – прорычал дракон. От мощи его голоса со скалы посыпались мелкие камешки.

Лунный положил руку на плечо Таосу и сжал пальцы, призывая к тишине. Эльф спросил сам:

– Если ты не бывший пленник нзунта, то кто ты? Неужели драконы еще живут на Кринне?

– Я не отвечу больше ни на один вопрос, – глухо сказал дракон. – Вы не понимаете. Пророчество может сбыться, только если о нем не знать. Каждое мое слово увеличивает шансы вашего поражения.

– Почему же ты заговорил со мной? – спросил Таос.

– Чтобы спасти! – рявкнул крылатый. – Прощайте!

Скалы дрогнули, и внезапно воздух со свистом рванулся в трещину, словно из пещеры моментально пропало чье-то огромное тело. Погонщик– нубис поспешно припал ухом к камням.

– Тишина, – сообщил нубис спустя пару мгновений. – Дракон исчез.

Некоторое время все молча размышляли над происшествием. Наконец, Таос глубоко вздохнул и покачал головой.

– План не меняется.

– Это безумие, господин! – воскликнул нубис. – Враги знают о нас, они подготовят ловушку!

Купец криво усмехнулся.

– Если б нзунта о нас знали, они бы не стали посылать дракона с нелепыми предупреждениями. Ребенку понятно, подобное лишь насторожит нас и помешает ловушке захлопнуться.

– Уверен? – коротко спросил Лунный.

– Нет. Но менять план уже поздно, – Таос дернул себя за бороду. – Гэльский флот приближается к гавани Менигура– Птах, если мы не похитим драконов, нзунта испепелят корабли раньше, чем первый пират успеет сойти на берег. А затем атакуют Фамаю, поскольку, если вы правы и наш чешуйчатый оракул подослан, им все известно.

Купец решительно тряхнул головой.

– Пора. Операция началась! По местам, двигай, двигай, двигай! – подавая пример, он быстрым шагом направился к группе телохранителей– бакали, с ног до головы закованных в черное железо. Лунный, вздохнув, побежал к своим грифонам.

По плану, купец должен был все время оставаться в окружении двух десятков свирепых ящеров, каждого из которых для этой операции он отобрал лично. Необычайно сильные, выносливые и быстрые, бакали отличались поразительной живучестью и, в отличие от всех других существ на Кринне, умели по желанию отключать чувство боли, становясь почти неуязвимой для врага машиной смерти. Подавляющее большинство ящеров служило телохранителями богачей и султанов, многие состояли в тайных обществах ассасинов, имевшихся в любом уважающем себе городе.

Для атаки крепости нзунт, Таос отобрал лучших мастеров меча, мудро предвидя что в лучниках у командира эльфийской армии недостатка не будет. Каждому ящеру, как и самому купцу, знаменитые фамайские кузнецы изготовили особую пластинчатую броню из закаленного черного железа, проложенного вареной кожей в шесть слоев, и полностью закрытые шлемы с шипами на гребнях. Таос не подозревал, что тем самым на много веков опередил появление тяжелых рыцарских доспехов; его заботила лишь собственная безопасность и, конечно, охрана драгоценных драконов.

Задача бронированных ящеров была проста: охранять Таоса и всех драконов, которых эльфы успеют вытащить из подземелья, пока минотавры, неуязвимые в своих доспехах из черного железа, будут рубить в капусту отборных маджаев врага. Купец не собирался даже приближаться к стенам города; на случай полного провала, рядом с ним находился сильный молодой грифон, которого всю дорогу везли на арбе,

чтобы зверь не растратил силы до срока. Операция была отработана до мелочей. Таос очень хотел в это верить.

5

Прохода сквозь флогистон человек не ощутил. Мгновением раньше он стоял на каменистой равнине в тени утеса; мелькнул свет, порыв ветра взвихрил его черные волосы – и место угрюмых скал впереди заняли грязные, желто– серые стены великого и ужасного города нзунта, прославленного и проклинаемого Менигура– Птах. До них оставалось примерно десять сенусов.

Купец судорожно сглотнул. Он до последнего мгновения сомневался, что эльфийская затея сработает, теперь же времени на осмысление случившегося уже не осталось: атака началась. Минотавры, наименее чувствительные из всех, опомнились первыми и с ревом, беспорядочной массой металла и плоти, медленно набирая скорость, страшно двинулись вперед, заставив землю под ногами ощутимо дрогнуть. Люди на полях вокруг города и рабы, черпавшие воду огромными деревянными "журавлями", немногочисленные желтокожие маджаи– надсмотрщики, все кто имел несчастье оказаться поблизости с изумлением поворачивались в сторону возникшей из пустоты армии. Женщины роняли кувшины с драгоценной водой, никто еще не успел ничего понять и жуткий, привычный любому захватчику крик ужаса только зарождался. Атакующим потребовалось совсем немного времени, чтобы оценить обстановку.

Четыре десятка грифонов с шумом сорвались в небо, на их спинах сидело сразу по трое закованных в броню лучников – лететь было недалеко, задача передового отряда состояла только в удержании ворот открытыми, пока к ним доскачут остальные. Следом и кочевники, пришпорив коней, с дикими воплями рванулись к городу, каждая лошадь вместе с человеком несла двоих эльфов. На холме, куда отряд перенесла магия друидов, остались лишь повозки с погонщиками, охранявшие их полсотни минотавров, да ящеры– бакали. И Таос.

– Птица! – купец подбежал к отданному в его распоряжение молодому

грифону. – Подними меня в небо, хочу видеть!

Грифон недоуменно склонил голову набок и что-то спросил на своем гортанном языке. Таос стиснул зубы.

– Ты! – он указал на грифона, затем на себя, потом в небо и покрутил рукой, объясняя задание. Птица согласно кивнула и повернулась к человеку боком, приглашая в седло. Таос подозвал командира бакали.

– Помоги застегнуть ремни!

– Господин, это опасно, зверя могут сбить стрелой... – попытался возразить ящер.

– Я не стану приближаться к городу. Ну же!

Бакали, поклонившись, помог купцу пристегнуться к седлу и тщательно проверил крепления.

– Остаешься за старшего, – распорядился Таос. – Ни шагу с холма, охранять обоз! Я скоро... – он хлопнул грифона по шее и выкрикнул команду, которой его загодя научил Лунный:

– Эххан!

Небо рванулось навстречу. За два месяца, пока шла подготовка к операции, Таос уже налетал много часов, так что сейчас быстро освоился и с восхищением оглядел сказочный пейзаж. Дельта реки Пта считалась самой плодородной землей в мире.

Впрочем, роскошные сады, белокаменные дворцы богачей, густые леса и луга, покрытые цветами будто фамайским ковром, сейчас занимали купца меньше всего на свете. Ибо битва уже началась.

Все воины отряда были вооружены новыми железными клинками, и только сейчас, глядя с высоты на кипящую у ворот схватку, Таос до конца осознал, что за оружие он дал своей армии. Стрелы эльфов с наконечниками из черного железа легко пробивали бронзовые нагрудники маджаев и выходили из спин, покрытые дымящейся кровью. Кривые сабли кочевников разрубали любые доспехи, с хрустом сокрушали кости, ликующие вопли победителей иногда перекрывали даже страшные крики гибнущих солдат. Но самыми смертоносными и ужасными оказались тяжелые двойные секиры минотавров.

Подобного не ждали даже они сами. Громадные, обладавшие чудовищной силой и закованные в почти непробиваемую броню, полубыки мчались к городу, как сметающая все на своем пути волна смерти. Любой удар страшных секир рассекал противника надвое, а иногда и нескольких разом. Сражаться с минотаврами в рукопашной было просто невозможно, их удары резали бронзовые клинки как масло, разбивали щиты в клочья, превращая человека, державшего щит, в хлюпающее, стекающее с черного лезвия месиво. С начала схватки не прошло и получаса, как сопротивление ошеломленных защитников ворот было сломлено, и ревущие от ярости бойцы прорвались за стены.

Таос видел все это, сидя на спине грифона, кругами летавшего на большой высоте. Он видел черную волну своих солдат, подобно ручейкам крови растекавшихся по узеньким улочкам трущоб. Успех операции целиком зависел от быстроты, поэтому воинам приходилось быть необычайно жестокими, расправляться с любым, кто вставал – или просто попадался на пути. Многие, впрочем, и раньше испытывали к Уру ненависть.

Большинство маджаев и простых солдат скопилось у ворот второй внутренней стены, защищавшей дворец нзунт. Там, купец хорошо видел с высоты, из загонов уже выводили боевых слонов, на главной площади перед храмом поспешно собирался крупный отряд всадников. Первоначальный шок от нападения уже проходил, солдаты нзунт начинали сознавать, что, несмотря на все потери, их по–прежнему в три–четыре десятка раз больше, чем нападавших.

Когда это поймут ошарашенные сейчас командиры, все будет кончено, и отряд Таоса просто задавят числом. Но до того мига еще оставалось время, и весь успех операции держался на этом мизерном промежутке, едва достаточном чтобы найти тайный вход в подземелье и прорубить себе путь сквозь лучших маджаев противника. Таос и эльфы справедливо полагали, что нзунта сосредоточат все силы у дворца, ожидая главной атаки именно там; ведь жрецы даже не подозревали, что их ужасная тайна больше не тайна...

И хотя такое бывает нечасто, удача все же улыбнулась тем, кто в ней нуждался: план сработал. Купец вздрогнул, заметив как в отдаленной части города, по левую руку от ворот, внезапно поднялось большое облако странной оранжевой пыли. Туда

немедленно ринулись все сорок грифонов отряда, оглашая небеса дикими криками.

Врагам, должно быть, казалось, что птицы орут в упоении боем, но это был сигнал всем сражавшимся – "нашли!". Первыми среагировали лучники эльфов; Таос видел с высоты, как их серые фигурки бегут по улицам к тайному ходу. Менее дисциплинированные кочевники отозвались не сразу, некоторое время они еще рублились с последними живыми солдатами нзунт, но вскоре развернули коней и также помчались к подземелью. Минотавры, как им и приказали заранее, не обратили на сигнал внимания и продолжили свое смертоносное наступление. Они должны были выиграть для остальных еще немного драгоценного времени, прежде чем нзунта поймут, КУДА пропали большинство нападавших.

– Миххе! Миххе, эрр'гра! – крикнул купец своему грифону. Кивнув, тот сложил крылья и спикировал к группе ящеров, оставленных Таосом на холме за городом. Командир бакали помог купцу расстегнуть ремни, которыми тот был привязан к грифоньему седлу.

– Как там дела, господин? – спросил он, нервно помахивая мощным хвостом.

– Все идет по плану, – Таос довольно потер ладони. – Уже скоро.

– Господин... – ящер оглянулся на сородичей. – Мы хотим помочь. Мы пригодимся там, в крепости...

– Здесь вы нужнее, – резко оборвал купец.

Он отвернулся и скрестил на груди руки. Вдали над городом висел стон, то и дело доносились страшные крики людей, разрубаемых черными секирами. Облако оранжевой пыли медленно таяло, над входом в подземелье кругами летали четыре связанных грифона без всадников. Вот к одному из них с земли взмыл сородич, что-то крикнул и вновь нырнул в облако; второй грифон резко ударил крыльями и помчался к стоявшему на холме Таосу. Купец стиснул зубы.

– Крокодилы желтопузые... – вырвалось у него. – Я ж языка не знаю, тупицы!

Грифон, похоже, об этом забыл. Рухнув на холм, он подбежал к Таосу и что-то крикнул на своем языке. Удивленно склонил голову набок, повторил. Купец яростно топнул ногой.

– Клянись волосами Амалкетеп! Доставь сюда эльфа! Ты – лететь – брать – эльф – возвращаться!

Грифон его, разумеется, не понял, но догадался о чем идет речь. Замотав орлиной головой, он повернулся к купцу боком и повелительно указал когтем себе на спину. Таос стиснул зубы.

– Я не могу показаться в городе, ты, петух несчастный!

Грифон, в бешенстве приоткрыв клюв и хлестнув себя хвостом, повторил жест. Таос с лязгом ударил кулаком в железной перчатке о ладонь.

– Ну, хорошо же... – он жестом подозвал командира бакали. – Летишь со мной.

Ящер смерил грифона сомнительным взглядом.

– Господин, птица не поднимет нас в броне.

– Я полечу на втором! – отозвался Таос, подбегая к своему молодому грифону, который с тревогой следил за происходящим. Пока командир бакали устраивался в седле посланника, другой ящер помог купцу пристегнуть ремни.

– Ну, погнали... – сквозь зубы выдохнул Таос.

Оба грифона с натугой забили крыльями.

Как и говорил дракон в пустыне, вход в подземное святилище таился на заднем дворе главных городских казарм. Трупы защитников лежали здесь сплошным ковром, земля почернела от крови. Там и тут виднелись погибшие эльфы и минотавры. Несколько умирающих лошадей бились в агонии, расшвыривая копытами мертвые тела.

От запаха крови и расчлененных тел, Таоса замутило. Он с трудом удерживал рвоту, пока бакали помогал ему снять ремни, но, когда спрыгнул на землю и сразу же раздавил ногой чей-то выбитый глаз, желудок сам рванулся наружу. Едва успев откинуть забрало шлема, Таос согнулся в жестоком приступе тошноты.

– Господин... – ящер помог купцу отойти к стене. Таос с хрипом перевел дыхание и утер рукавом бороду.

– Сейчас пройдет, – он зажмурился и несколько раз с силой выдохнул, стараясь не замечать тошнотворного запаха. – Все, я в порядке. Кто меня вызвал?

– Я, – из темного провала в земле, окруженного обломками глиняного купола, где еще угадывались лучи синей мозаичной звезды, показался окровавленный эльф. Купец с трудом узнал Лунного; кровь, своя и чужая, грязь и рыжая пыль покрывали воина таким слоем, что сквозь корку виднелись только яркие глаза.

– Что случилось? – резко спросил купец. – Ты же знаешь, мне нельзя показываться в городе!

– Драконов нет, – мертвым голосом ответил Лунный. – Нас опередили.

Таос застыл.

– Как опередили?!

– Все жрецы убиты, – Лунный мотнул головой на черный вход в подземелье. – Даже не убиты, растерзаны. Это случилось прямо перед нашим приходом, тела еще теплые. Святилище уничтожено, Таос!

Купец зажмурился, отказываясь верить словам.

– Невозможно.... Невозможно!!!

– Ты говоришь это нам?! – яростно спросил эльф. – Это мы проливали тут кровь, человек!

– Но кто?! Кто мог опередить нас?!

– Нзунта! – крикнул Лунный. – Ты так и не понял?! Ящер в пустыне был подослан ими! Нас подставили, чтобы мы растратили время и силы на поиски святилища, а в действительности нзунта давно перепрятали драконов и сейчас, наверно, уже сжигают корабли гэльцев!

У Таоса помутилось в глазах. Схватив эльфа за горло, он словно щенка вздернул щуплого бессмертного в воздух.

– Ты лжешь, – тихо, с чудовищным напряжением произнес купец. – Ты лжешь или ничего не знаешь. Нападения не могли ждать. А даже если ждали, зачем предупреждать нас?! Зачем убивать жрецов, громить святилище?! Ты лжешь!!!

– Нзунта убили жрецов, чтобы те не достались нам, – с горечью произнес другой эльф, подойдя сзади. – Мы могли выпытать у них, где на самом деле прячут драконов...

Таос отшвырнул Лунного как игрушку и обернулся, судорожно дыша. Его ноздри раздувались от гнева.

– Нет. Это чепуха. Мы разгромили самый богатый город Ура, перебили тысячи маджаев. Ради чего нзунтам идти на такие жертвы? Ради чего?! Если они знали об атаке, нас встретила бы огненная магия еще за стенами города!

Эльфы переглянулись.

– Кто мог проникнуть в святилище кроме нзунт? – хрипло спросил Лунный. – Кто мог бесшумно и не подняв тревоги украсть сотню драконов из центра самого защищенного города в мире?

– А кто час назад переместил целую армию на тысячу парасангов за долю мгновения?! – воскликнул купец. – Вспомни, что сказал дракон! Он обещал развернуть потоки флогистона, значит, он умеет ими управлять!

Таос свирепо топнул ногой.

– Дракон исполнил все, что хотел, – прорычал купец. – Под шумок нашей атаки он выкрал детенышей, чтобы отомстить нзунтам за родную кровь. Раньше он не мог этого сделать, так как знал, что нзунта сразу добудут других дракончиков и отомстят похитителю огненной магией, но теперь, когда Ур будет разрушен фамайской армией, настал удобный момент!

Лунный стиснул кулаки.

– Человек! У нас нет времени придумывать сказки! Надо спасти всех, кого еще можем и отступить! Мы рассеемся в пустыне, скроем следы...

– Не раньше, чем разрушим алтарь, о котором предупреждал дракон, – резко ответил купец. – Или, ты хочешь, чтобы завтра, отогнав наш отряд, нзунта доставили новую партию драконов и вновь получили бы власть над миром? – не дожидаясь ответа, Таос дал знак своему ящеру и быстрым шагом двинулся к пролому. Эльфы за ним не пошли.

Скользкая от крови винтовая лестница вела в высокий и на удивление чистый подземный ход. Свет истекал от множества маленьких светильников, специально для них в стенах имелись желобки, по которым постоянно текло жидкое масло. Там и тут на каменном полу валялись утыканные стрелами тела. Навстречу Таосу несколько раз попадались окровавленные, израненные минотавры и люди, купец стремительно огибал их и все больше убыстрял шаг. Вскоре он уже бежал, рядом – нога в ногу – бесшумно скользил телохранитель. Дистанция между светильниками непрерывно

сокращалась.

Вскоре на полу начали попадаться первые следы серо– рыжей вековой пыли, в которой Таос моментально признал прах сожженных рабов. Теперь светильники на стенах шли непрерывными полосами, заливая подземелье ярким желтым огнем, а в стенах начались ряды больших ниш, забранных частыми бронзовыми решетками. Все решетки были жестоко разбиты, искорежены, вырваны из стен и свирепо отброшены в стороны; пахло сладковатым запахом крови, как в султанском зверинце после кормежки львов.

Таос стиснул зубы. Драгоценных драконят вырвали прямо у него из рук; вся выгода, которую купец надеялся получить от операции, моментально обратилась в прах. Но времени сожалеть об утраченных талантах уже не осталось, впереди коридор исчезал под большой аркой из плоских каменных плит. Купец замедлил шаг и осторожно прошел под арку; подземный ход здесь расширился в большой круглый зал, сферический потолок которого спиралями обвивали ряды масляных факелов. Было светло как днем, пол устилал толстый слой праха. А в центре зала, глазам потрясенного Таоса предстал Алтарь.

Он даже не сразу обратил внимание на разорванные в клочья, растерзанные трупы людей в бело– золотых жреческих одеяниях. Останки тринадцати жрецов были раскиданы по всему святилищу, стены забрызганы кровью на высоту двойного человеческого роста. Но купец не видел этого. Он смотрел на Алтарь.

Белый. Это поражало сильнее всего – Алтарь был совершенно белым. Не желтоватым, как слоновая кость, не серо– белым, как лучший мрамор Алькарастана, и даже не блестяще– белым, как израсцы на стенах города Нушка. Он был **СОВСЕМ** белым. Таос машинально подумал, что так мог бы выглядеть снежок, брошенный ребенком в мрачную, темную картину, изображавшую некое подземелье.

В желтом свете факелов Алтарь просто не мог сохранить идеальную белизну, однако сохранял – и более того, он не отбрасывал тени. Ни сам на себя, ни на пол. Его поверхность в каждой точке выглядела совершенно одинаково, хотя свет падал сверху. И каким–то шестым чувством Таос понял – Алтарь попросту **НЕ ПРЕДМЕТ**. Его видно со всех сторон, да, но его не существует, и если бросить его в воду, поверхность не шелохнется.

Формой Алтарь напоминал застывшую в падении каплю молока. Его сферическое, идеальное основание опиралось на тонкую, как игла, вершину маленькой черной пирамидки, которая – так же, как и Алтарь – была абсолютно, бесконечно черной и не отбрасывала тени.

Все, больше ничего. Никаких украшений, или цепей, или окровавленных жертвенных ножей – просто пирамидка и парящая над ней капля абсолютной белизны. И это пугало гораздо сильнее, чем все мыслимые и немыслимые орудия пыток. Потому что с первого взгляда, МОМЕНТАЛЬНО, становилось ясно: Алтарь не принадлежит этому миру.

Не просто "создан" в другом мире – нет, он и сейчас находился НЕ ЗДЕСЬ. То, что было ЗДЕСЬ – могло оказаться какой-то частичкой, маленьким фрагментом целого, но оно простиралось в Иное. Настолько иное, что реальность вокруг словно оплывала, стекала каплями воска с умирающей свечи.

Некоторое время Таос молча смотрел на Алтарь. Ему потребовалась вся его воля, чтобы оторвать взгляд и заставить себя вновь думать о чем-то ином, кроме Алтаря.

– Что ты видишь? – хрипло спросил купец у телохранителя. Ящер с тревогой озирался.

– Кровь Хаоса, господин.

– Что? – Таос, как ужаленный, обернулся.

– Кровь Хаоса, – повторил бакали.

Купец сглотнул.

– Ты про... него? – он указал на Алтарь. – Тебе знакомо... это?

– Да, господин, – смиренно отозвался телохранитель. – Это капля крови самого древнего из богов, Хаоса. Очень старая, очень злая, – ящер вздыбил гребень на голове. – Мои предки уничтожили много таких капель.

Таос судорожно вздохнул.

– Так значит, вот кому приносили в жертву драконов...

– Конечно, господин, – бакали удивленно моргнул внешними веками и обвел лапой святилище. – Драконы главные враги Хаоса, их создали на борьбу с ним. Такая жертва самая желанная.

Купец скрипнул зубами.

– Но как же тот ящер проник сюда и убил жрецов? Чтобы разбить все решетки в коридоре, собрать перепуганных детенышей вместе и перенести их магией, требуется полдня, не меньше! И почему он сам не разбил алтарь?! Зачем просить об этом нас?!

Ящер развел лапами:

– Это же очевидно, господин. Алтарь требовался самому дракону, чтобы покинуть святилище вместе с птенцами. А жрецов он рвал зубами. Я в этом разбираюсь, – бакали улыбнулся, оскалив три ряда сверкающих клыков.

– Зубами? – переспросил Таос.

– Да, господин. Думаю, тут побывал довольно молодой дракон, – заметил ящер. – Взрослый бы не поместился, а детеныш не успел бы растерзать сразу всех. К тому же, большой дракон использовал бы огненное дыхание, а не когти. И еще... – он указал на несколько глубоких борозд, прочертивших одну из стен наискось. – Это след от удара хвостом, господин. Чудовищного удара, настолько сильного, что шипы разодрали камень. Я думаю, дракон был неопытным бойцом. Чтобы убить человека, вовсе не нужна такая сила, зато можно поранить хвост, а это очень больно, господин, поверьте, – ящер невольно дернул собственным хвостом, который украшали многочисленные шрамы.

– Драконы, драконы... – прошептал Таос. – Они же взрослеют столетиями, а живут многие десятки веков! Откуда их брали жрецы? Откуда взялся этот неопытный освободитель? И главное, куда все они делись?!

Бакали покачал головой в тяжелом шлеме.

– Господин, дракон не мог проникнуть в святилище сквозь подземный ход. Дверь, там, в казармах, была слишком узкой. Я думаю, он пришел так же, как жрецы воровали детенышей, – ящер кивнул на Алтарь.

Купец встрепенулся:

– Кровь Хаоса можно так использовать?

– Я не знаю, господин, – вздохнул ящер. – Я не маг. Но мне известно, что любая частичка Хаоса связана с любой другой частичкой, и все ведут в его царство, где нет ни света, ни тьмы, ни рождения, ни смерти, ни времени, ни движения.

Купец застыл.

– Царство Хаоса...

– Драконы там не живут, господин, – покачал головой бакали. – Хаос их главный враг.

– Царство Хаоса! – прошептал потрясенный купец. – Их доставляют по мере надобности!

Ящер встрепенулся.

– Драконов, господин?

– Клянусь всеми хвостами Игрэйна... – Таос содрогнулся. С ужасом посмотрел на Алтарь. – По мере надобности!

Ящер с сомнением склонил голову на бок.

– Господин, это врата в мир Хаоса. Там нет драконов.

– По мере надобности... – прошептал купец. И покачнулся, когда понял все до конца. – Жрецы. Царство Хаоса. Место, где не существует времени. Достаточно лишь позвать...

– Кого позвать? – хрипло спросил Лунный. Вместе с несколькими сородичами и минотаврами, он стоял у арки и смотрел на Алтарь с плохо скрытой ненавистью.

Таос резко обернулся.

– Чудовище, – сказал он с неожиданным спокойствием. – Самое беспощадное из чудовищ.

Повисла мрачная тишина. Лунный молча смотрел на человека, тот тяжело дышал. Ящер, ощутив в воздухе напряжение, на всякий случай встал рядом с хозяином, положив лапу на рукоять меча.

– Чудовище? – медленно переспросил эльф.

– Да.

– Призвать чудовище?

– У тебя есть другое объяснение? – хрипло спросил Таос.

Лунный стиснул кулаки.

– Я уже говорил. Нзунта пленили одного из древних богов и приносят ему в жертву драконов!

Купец покачал головой.

– Где же бог? – он обвел подземелье рукой. – Мы в центре святилища, эльф, отсюда была уничтожена твоя страна! И я, кажется, даже знаю, как, – мрачно добавил Таос.

Лунный тяжело дышал.

– Как? – спросил он резко.

– Так же, как восемь тысяч лет назад были истреблены боги, – холодно ответил купец. – Вспомни, чем заканчивается любой миф о Д'эуме. Он обещает вечно присматривать за своими верными нзунта, приходя им на помощь по первому зову.

Лунный, все эльфы и минотавры, даже ящер буквально отпрыгнули. Лицо Лунного, едва различимое под коркой крови и грязи, смертельно побледнело.

– Д'эум?! – спросил он одними губами.

– Мы должны были догадаться сразу, – прорычал Таос. – О, слепцы! Нам ведь дали все ключи к разгадке! Огненная магия! Жрецы, эльф! ЖРЕЦЫ! Кому они служат, ведь богов больше нет?!

Все переглянулись. Лунный бессильно прислонился к стене.

– Ты прав, – тихо сказал эльф. – Ты прав, а мы жалкие глупцы.

– Господин, я не понимаю... – нерешительно заметил ящер. – Убийца Д'эум жив? И все это время где-то прятался?

Таос через силу улыбнулся.

– Нет, мой друг. Он не прятался все это время. Для него вообще не прошло времени.

Купец кивнул на Алтарь.

– Конечно, он мог с чистой совестью обещать своим нзунта, что никогда их не покинет. Им достаточно позвать, из любого времени, даже спустя восемь тысяч лет – и чудовищный звездный корабль Д'эума возникнет в небе, готовый испепелить любую страну за долю мгновения и вернуться обратно, в царство Хаоса, откуда Д'эум продолжает вечно хранить покой своих потомков. Вот почему его корабль так никогда

и не нашли! Да какой бог может мечтать о такой власти?! – Таос топнул ногой. – Я знаю, ЧТО привез Д'эум из созвездия Дельфина. Не оружие, не страшную магию, как все думали, о нет! Всего лишь каплю Хаоса... – купец обернулся к Алтарю. – Этого хватило.

Лунный с хрипом перевел дыхание и поднял голову.

– Мы уничтожим Алтарь.

– Думаешь, он такой один? – с горечью спросил Таос. – Можешь не сомневаться, Д'эум предвидел атаки вроде нашей. Я на его месте просто посещал бы нзунт каждый год, и оставлял бы им новый Алтарь взамен уничтоженного.

Он стиснул зубы.

– Теперь–то я понимаю, почему Кринн за столько веков ничуть не изменился. Даже странно, что Фамае позволили изобрести черное железо. Видимо, Д'эум иногда расслабляется или устает...

– Или умирает, – тихо сказал ящер.

Все вздрогнули. Таос обернулся к бакали.

– Повтори? – медленно произнес купец.

Ящер прижал гребень.

– Д'эум, наверно, умер, господин, – негромко ответил он. – Алтарь ведет в его корабль. Оглянитесь. Жрецов растерзал молодой дракон. Откуда взяться молодому дракону в корабле самого страшного врага драконов?

Таос дернулся и совсем по– другому оглядел святилище. К нему подошли эльфы и минотавры, Лунный положил руку на плечо человеку.

– Дракон, – тихо сказал эльф. – Сегодня здесь действительно побывал дракон, Таос.

– Это ничего не значит, – нервно ответил купец.

– Подумай, зачем жрецам были нужны детеныши? – Лунный стиснул кулаки. – Ведь они собирали их для Д'эума. Его звездный корабль каким–то образом использует магическую энергию драконов, пожирает их, чтобы питать свое чудовищное оружие. Драконье огненное дыхание обращает в пар даже алмазы – ничего не напоминает, человек?

Купец содрогнулся всем телом.

– Клянусь волосами Амалкетеп...

– Вот и весь секрет Ура, – с презрением бросил Лунный. – Пожирать драконов и высвободить их огненную силу в едином всплеске!

– Но где они берут драконов?! – яростно спросил другой эльф.

Ему неожиданно ответил Таос:

– Доставляют по мере надобности... – прошептал купец. – Оттуда, где их тысячи!

Он посмотрел на Лунного:

– Догадываешься?

– Нет, – сухо ответил эльф.

– Где обитают драконы?

– Нигде. Они исчезли восемь тысяч... – эльф задохнулся и широко раскрыл глаза.

Таос кивнул.

– Вот именно. Исчезли. Интересно, куда?

– Но где держать столько драконов?! – в ужасе спросил ящер. – Их же кормить надо! Даже в корабле размером с город не хватит припасов на восемь тысяч лет!

– Кормить и стеречь надо лишь живых драконов, – мрачно ответил Лунный. – Куда проще хранить в корабле тысячи драконьих яиц...

– И раз в столетие выдавать их жрецам, чтобы всегда иметь про запас несколько вылупившихся птенцов! – подхватил Таос. – Ведь драконы взрослеют веками, их можно очень– очень долго держать в клетках, прежде, чем они станут опасны. Это не святилище, эльф – это питомник!

Все умолкли и с ужасом оглядели нависшие стены, залитые желтым светом факелов.

– О, Мишакаль... – прошептал Лунный. – Так значит, все эти годы, восемь тысяч лет нзунта разводили здесь драконов, давали им подрасти достаточно, чтобы получить новую партию яиц, а затем отправляли на бойню, в корабль Д'эума!

– Удивлен? – с горечью спросил Таос. – Еще не привык?

Эльф покачнулся. Его лицо исказилось от ненависти.

– Чудовища... – прорычал он глухим, страшным голосом. – Чудовища!!!

– О, да... – купец скрипнул зубами. – Но всему настает конец...

Внезапно ящер– бакали встряхнулся и резко вскинул голову. Быстро, отточенными движениями расстегнул крепления на боках и сбросил пластинчатую броню, снял шлем, наручи, поножи. Оставшись обнаженным, воин поднял меч, посмотрел на него и медленно, от рукояти до кончика клинка, провел по лезвию длинным раздвоенным языком.

– Прощайте, – сказал он тихо. – Там, на корабле, я нужнее.

Прежде, чем Таос успел помешать, бакали шагнул к Алтарю и положил на него лапу. Мелькнула белая вспышка – и ящер исчез.

Все переглянулись.

– Даже не думай, – предупредил Таос. Но Лунный уже не смотрел на человека.

– Царство Хаоса, – прошептал он. – Место без времени. Оттуда можно вернуться в любое время. Предотвратить... – он задохнулся и судорожно стиснул кулаки.

Купец решительно шагнул вперед и стал на пути эльфа.

– Опомнись, – очень серьезно сказал Таос. – Ты погибнешь.

Лунный бросил на человека взгляд, полный такого презрения, что купец вздрогнул.

– Если существует хоть мизерный, хоть какой–то шанс ПРЕДОТВРАТИТЬ, и я им не воспользуюсь, – размеренно сказал эльф, – То все, кто сгорел в тот день, умрут вторично, и уже по моей вине.

Он обошел купца и потянулся к Алтарю, однако Таос схватил его за руку.

– Не спеши! – разъяренный купец хрипло дышал. – Мы ничего не знаем об Алтаре. Все, что я говорил – лишь догадки. Надо изучить Алтарь, подготовить боевую команду, отобрать лучших воинов!

– Оставайся и отбирай, – спокойно ответил эльф и коснулся белой поверхности второй рукой.

В тот же миг они с Таосом беззвучно испарились. На сей раз вспышка была гораздо ярче и, когда свет погас, изумленные воины увидели на полу горстку белого порошка вместо Алтаря.

Куда бы ни отправились человек, эльф и безвестный, даже не назвавший

своего имени ящер, последовать за ними больше не смог бы никто.

Даже боги.

Так заканчивается первая ветвь истории Кринна

Книга первая: Век отчаяния – II

– Скаг Ваграт бааз'Тгарра. Это полное имя. Оно не переводится.

– Я могу называть тебя Скаг?

– Можешь, – безразличный кивок.

– Как тебе здесь? Нравится?

– У нас все хорошо. Мы всем довольны.

– Я спрашиваю не о племени...

– У меня все хорошо.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать пять.

– Это много?

Приоткрытая пасть, некое подобие улыбки.

– Нет, если верить в будущее. Да, если помнить о прошлом.

Пауза.

– Мне не встречались похожие на тебя. Цвет... Морда...

– Лицо.

– Что?

– Лицо. У меня лицо, а не морда.

Молчание.

– Ты прав. Так как насчет твоего цвета?

– Я полукровка.

– Разве это возможно?

– Наверно.

Длительная пауза.

– Чем ты занимаешься в резервации, Скаг?

– Я бард.

– Бард?

– К нам часто заезжают туристы. Я пою и танцую. У нас небольшая группа.

– Тебе нравится это занятие, Скаг?

Чуть заметная клыкастая усмешка.

– Да, если закрыты глаза.

Молчание.

– А ты мог бы станцевать для нас? Я не знал, что у ящ... У вашего народа уже есть фольклор.

Долгая тишина.

– Я должен подготовиться.

– Что ж, отложим до другого раза, время в эфире ограничено. Ты интересный собеседник, Скаг.

– Мы едва начали беседу.

– Поверь моему опыту... – ослепительная улыбка. – Скажи, а ты хотел бы покинуть резервацию? Жить в городе, вместе с людьми?

– Нет.

Пауза.

– Почему?

– Потому, что этого не хочется людям.

– Если бы люди не желали видеть вас рядом, разве они прислали бы сюда комиссию? Что мы здесь делаем?

Широкая улыбка, полная блестящих клыков.

– Красите реальность в розовый цвет.

Молчание.

– Остановите запись.

Щелчок.

– Вистан, кажется, вы клялись, что он самый спокойный и покладистый из всех.

– Сэр, он единственный, у кого за весь год не было приводов к шерифу.

– Это значит лишь, что он умен! Вистан, уже семь часов. Солнце скоро сядет и, если мы не успеем закончить – клянусь Паладайном, я найду другого оператора.

Брезгливый взгляд.

– Убери эту тварь и приведи нормальную!

– Да, сэр. Простите...

Ветвь вторая

2841 год Эры Катаклизма, север Ансалона

1

Сегодня в клубе было особенно душно. Сквозь сигаретный дым едва пробивался свет стилизованных под женские груди настольных ламп. Горячий запах пота и дешевой выпивки смешивался с вонью от давно не мытых мужских тел, в углу пианист уныло наигрывал избитый мотив. Китиару передернуло от мысли, что сейчас придется идти на сцену.

– ...двукратная чемпионка мира, непревзойденная никем и нигде, единственная в Палантасе... – гнусавый голос ведущего бесил. Сколько раз она просила его не лгать о чемпионских титулах?

– ...встречайте женщину–скалу, женщину из эпохи легенд – Китиару

Сокрушительную!

Сглотнув, девушка на миг закрыла глаза. Каждый вечер она клялась себе, что – все, это был последний раз... А позже, получая жалкую горстку банкнот у задней двери, шла домой, успокаивая себя мыслями, что уж завтра точно покончит с унижительной работой. Но дома, в тишине и покое, сомнения вновь побеждали гордость. Заколдованный круг.

Помост жалобно скрипнул, когда Китиара вышла из– за кулис. Облитое маслом, ее семифутовое тело блестело в свете прожектора, будто статуя чистой бронзы. Публика даже притихла на миг; видимо, сегодня в зале преобладали новички, еще не видевшие выступления. Завсегдатаи, как обычно, приветствовали Китиару пошлыми шуточками.

Людей было относительно мало – свой отпечаток накладывало тревожное время, выходить из дому после захода солнца стало опасно. Некоторые ночные заведения уже закрылись, другие активно увольняли сотрудников. Однако номер Китиары еще пользовался популярностью, и потому девушка, вздохнув, расправила плечи и напряглась, приняв первую стойку из девяти классических. Чудовищные мышцы взбурлились бильярдными шарами.

Люди в зале разом выдохнули, на многих лицах отразилось изумление. Кое– кто с отвращением скривил губы; но к этому Китиара давно привыкла. Женщин– атлетов понимали немногие из мужчин, и вовсе не понимали "обычные" женщины.

Выдох, натянутая улыбка. Следующая стойка. Пропитанный дымом воздух. Чья–то потная рожа вблизи помоста, протянутая рука с мятой банкнотой... Заставить себя присесть, улыбнуться, погрозить пошляку пальцем. Нет, нет, ломать ему кости не стоит... Помни, ради чего ты приехала в этот проклятый богами город...

Помощник выкатил из– за кулис штангу. Китиара привычно взяла вес, вознесла на вытянутых руках, толкнула. Перехватила у середины, отпустила правую руку. Зал восхищенно вздохнул. Теперь предстояло самое трудное.

Китиара понимала, что вовсе не обязана так выкладываться. Но она давно решила, что даже подобные выступления следует использовать с максимальной пользой. Лишняя подготовка не мешает.

Публика в полной тишине следила, как девушка неторопливо вращает

тяжеленную штангу над головой. Китиара дважды обошла помост и, воодушевленная отсутствием пошлых криков, решила закончить номер своим "фирменным" трюком. Вновь перебросив штангу вправо и подхватив второй рукой, она опустила снаряд на плечи, за голову. Постояла несколько секунд, собираясь с силами. Зрители боялись дышать. Наконец, ощутив, что готова, Китиара напрягла всю свою чудовищную мощь и, с яростным криком, рывком согнула штангу подковой вокруг шеи, так что стальные блины со звоном ударились друг о друга. Все в зале отшатнулись.

Молча уронив искореженную штангу на помост – тот чуть не треснул – Китиара скрестила руки на груди и коротко кивнула, как бы разрешая зрителям дышать. Публика разом опомнилась. Послышались хлопки, крики, свист и одобрительные возгласы.

Занавес. Деловитые, видевшие – все – на – свете лица рабочих за сценой. Грязная, пропахшая потом душевая кабинка... Вода, к счастью, здесь была свежей, с сильным привкусом хлора. Девушка жмурилась, подставляя лицо под горячий поток.

Еще немного, думала она. Совсем немного осталось. Пара месяцев, и зловонный Палантас останется в прошлом, будто одинокая черная клякса на... На сплошь заляпанном такими же кляксами листе ее жизни...

Смыв золотистое масло, мокрая девушка вышла из душа и оделась. Китиара обычно носила широкие мешковатые сорочки цвета хаки, столь же просторные спортивные брюки и – всегда – пятнистый, усыпанный карманами военный жилет. Жизнь давно приучила ее избегать лишнего внимания. С той же целью – не выделяться – она коротко стригла волосы ежиком, на военный манер, и предпочитала женской обуви опять – таки военные высокие ботинки на "липучках". В таком наряде Китиару даже вблизи было нетрудно принять за мужчину.

У задних дверей клуба ее поджидал бухгалтер. Привычно пересчитав деньги – сегодня ей заплатили сто сорок талеров, на пять больше, чем обычно – девушка устало кивнула и направилась к автобусной остановке. Она снимала комнату в Старом городе, в районе трущоб, где ютились лачуги хобгоблинов.

По небу неторопливо катилась первая из трех лун. В это время года, серебряный свет Солиари отличался особенной яркостью, в ее мертвенном блеске кожа приобретала зеленоватый оттенок, лужи казались каплями жидкого металла.

Китиара шла по пустынной улице, мечтая оказаться где угодно, только не здесь. Ее тошнило от Палантаса. Хотелось вскочить, бежать в горы, наполнить легкие чистым воздухом... Если б она знала, на что обрекает себя...

Тень появилась внезапно. Только что в узком переулке справа никого не было, а спустя миг, из тьмы беззвучно материализовался высокий худой человек. Китиара остановилась; тень скользнула ей наперез и тихий, мелодичный голос произнес:

– Каннакас йостэ.

Девушка, кивнув, свернула в мрачный переулок, где царилa крошечная тьма, и прошла несколько шагов вперед. Ночной гость шагнул следом.

– Хорошие новости, – шепнул он.

Китиара ощутила, как в груди гулко ударило сердце и – внезапно – застыло, болезненно сжавшись.

– Где? – спросила она одними губами.

– Район Ут'векент. Дом номер сорок на улице Зенке, белый, трехэтажный, окружен бетонной стеной, на крыше бассейн. Серьезная охрана.

Девушка напряглась.

– Насколько серьезная?

– Достаточно, чтобы остановить даже тебя, – тихо ответил ночной гость. – Придется работать издали. Я принес кое-что... – он поставил на асфальт массивный черный кейс. – Снимки и все данные внутри. Ближайшая точка на крыше отеля, примерно четверть мили к западу, отмечена на карте. И еще одно...

Китиара глубоко вздохнула.

– Что?

– Это последний.

Сердце девушки судорожно забилося.

– Их же оставалось двое...

Человек холодно улыбнулся.

– Вчера в Тарсисе нам сопутствовал успех. Это последний.

Китиара стиснула могучие кулаки.

– Наконец!

– Чистого леса... – прошептал неизвестный и беззвучно пропал в темноте.

Девушка перевела дыхание.

Молча шагнув вперед, она подняла кейс и отступила поглубже в тень. Пальцы автоматически нащупали кармашек на боковой грани кейса, вытащили лист золотой фольги. В полной темноте Китиара провела пальцами по фольге, нащупывая строки выштампованного текста. Провела дважды, чтобы убедиться.

– Нашли... – прошептала она еле слышно. – Наконец...

Скомкав фольгу, Китиара сунула ее в карман и вышла из переулка. На улице так никто и не появился. В полной тишине, под серебряным оком луны, взволнованная девушка продолжила путь к остановке автобуса.

Пока автобус продирался сквозь пробки и дребезжал на разбитых дорогах, Китиара сидела с закрытыми глазами. Кроме нее в салоне был лишь один пассажир, широкоплечий, громадного роста человек в строительной каске. Закутанный в плащ с высоким воротником, он сидел, устало опустив голову и, казалось, даже не заметил, когда в автобус поднялась Китиара.

Кейс приятно охлаждал бедро. Неужели все близится к концу? Девушке с трудом в это верилось. Пять лет охоты, десятки городов, бесчисленные встречи, подкупы, ночные клубы, грязь и кровь. Погони. Смерти. Неужто этому настанет конец?

И что ей делать, когда все кончится?

Додумать мысль она не успела, кто-то сел рядом. Китиара вздрогнула и открыла глаза. Повернув голову, она смерила мрачным взглядом пожилую гномиху в зеленом, изъеденном молью платье.

– Автобус почти пуст, – неприветливо буркнула девушка.

Гномиха обратила к соседке уродливое, широкое и плоское лицо. Ростом она едва достала бы Китиаре до пояса.

– Милок, ты уж прости, тут темно, ой темно! Я в такое время, смутное-то, из дому носа не кажу, ни- ни, а тут пришлось, ты уж прости меня, старую... – гномиха

подслеповато прищурилась. – Ой, да ты, никак, женщина?!

Китиара стиснула зубы.

– Я занимаюсь спортом.

– Экая ты... Огромная... – растерянная гномиха поерзала на сиденье. – А я... Спорт? Ни, я–то спортом отродясь не занималась... Где уж мне...

– Вы что–то хотите? – нетерпеливо спросила Китиара.

– Я? – гномиха замялась. – Да тут это... Дорогу спросить...

Китиара покачала головой.

– Я приезжая.

– Так и я–то! – обрадовалась гномиха. – Я ведь не местная, ни, я тут и не бывала–то совсем, первый раз в городе! Сынок у меня здесь! – она с готовностью полезла в большую облезлую сумку и выудила клочок бумаги, отдаленно напоминавший фотографию. – Праздник у него сегодня, второй десяток отмечает, вот я и выбралась, ой, мамочки, себе на беду... – гномиха поникла. – С утра брожу... Дороги найти не могу...

Китиара вздохнула.

– Адрес хоть знаете?

– А как же! – гномиха закивала. – Куда ж нынче без адреса–то! Дом 19 на Тассельштрассе, синий такой, должен быть...

Девушка криво улыбнулась.

– Когда–то он был синим, наверно. Там недорогие комнаты.

– Вот, вот, совсем дешево, для столицы–то... – гномиха запнулась и недоверчиво подняла глаза. – Да неужто ты там бывала?

– Я там живу, – объяснила Китиара. – Но гномов не встречала.

Гномиха обрадованно всплеснула руками.

– Ох удача–то, надо же! – она придвинулась ближе к девушке. – А сынок мой – не гном, нет, приемыш. Мы с мужем, оно ведь у нас, дийваров, как бывает, своих воспитали давно, да и состарились, а жить–то еще уйму времени, да без ребятни – убиться можно... – гномиха продолжала тараторить.

Китиара расслабилась. Болтовня непрощенной соседки живо напомнила ей самую первую, довольно безобидную миссию в страшно перенаселенном гномьем

городе Ахикабар у подножия горы Итсокей. Жители Ахикабара славились не только высочайшими на Кринне технологиями, но и способностью часами тараторить со скоростью неплохого пулемета.

Нет, все же, Палантас мерзок, но здесь хоть не все похожи на эту бедную дурочку, словно проснувшуюся в современном мире после вековой спячки. Китиара, к собственному удивлению, поняла, что болтовня гномихи ее больше не раздражает. Может, и в самом деле проводить ее до дому? Время нынче смутное, того и гляди беспорядки начнутся, а в пригородах, да по ночам, шваль на каждом шагу...

– Нам скоро сходить, – Китиара прервала монолог гномихи. – Я покажу вам дорогу.

– А... – та запнулась. – Уже Тассельштрассе?! Как же это я, ой, чуть не прозевала–то!

Китиара улыбнулась. Безнадежно, казалось бы, мрачный вечер, обещал стать хоть немного забавным.

Автобус со скрипом затормозил у последней остановки. Китиара спустилась первой, помогла гномихе спрыгнуть с высокой ступеньки. Двери закрылись, автобус с урчанием покатил дальше. Девушка проводила его взглядом.

Футах в двадцати от остановки, мужчина в каске обернулся и посмотрел назад сквозь окно. Китиара ощутила неприятный холодок: на миг ей показалось, будто у странного пассажира вообще нет лица. Впрочем, блики на заляпанном грязью стекле быстро скрыли человека из вида, а спустя миг автобус завернул на соседнюю улицу. Китиара помотала головой.

– Бррр, привидется же такое... – встряхнувшись, она повернулась к скромно молчавшей гномихе. – Идемте, почтенная.

Дорога от автобусной остановки к дому сегодня была необычно пустынной. В белесых лучах Солинари, асфальт мерцал тысячами капелек влаги, царила неестественная тишина. В воздухе слабо чувствовалось напряжение, будто перед грозой.

Китиара задумалась, откуда берутся такие ощущения, но долго размышлять ей не дали. Уже в воротах дома она услышала дикую техно– музыку, доносившуюся из ярко освещенного окна на первом этаже.

Гномиха, семенившая следом, сморщилась, будто старая свекла, и трижды махнула сложенными пальцами в сторону окна.

– Тьфу на вас, тьфу...

– Здесь такое почти каждую ночь, – не останавливаясь, заметила Китиара.

– Как вы живете–то, ой, мамочки!

Девушка пожала плечами.

– Я привыкла.

Они вошли в подъезд. Китиара, поставив тяжелый кейс на пол, обернулась к спутнице и присела на корточки:

– Ну, где ваш сын?

– Комната два! – с готовностью отрапортовала гномиха.

– А этаж?

– Ой, а тут как, номерков на дверях нет? – растерялась старушка.

Китиара вздохнула.

– Ну откуда мне знать, где вторая комната, здесь же не гостини... – она запнулась и с сомнением посмотрела вверх по лестнице. – ...стоп, она на первом этаже будет.

Преодолев несколько ступенек, Китиара осмотрелась и мысленно застонала. Так и есть – вечеринка шла именно во второй комнате. Гномиха с сомнением подняла взгляд.

– Да ни в жисть, чтобы мой...

– Тассельштрассе 19, комната два, – мрачно ответила Китиара и кивнула на дверь, содрогавшуюся от грохота. – Ваш сын отмечает день рождения. Вы извините, но я пойду. Не люблю шумные сборища.

Растерянная и притихшая гномиха неуверенно кивнула.

– Прямо не знаю, как отблагодарить–то тебя...

– Все в порядке, – Китиара улыбнулась и, сама не зная, почему, добавила: – Если потребуется помощь, я живу на последнем этаже, в комнате напротив этой.

Прежде, чем гномиха успела ответить, девушка подхватила свой кейс и поспешно взбежала по ступеням. Выступления в ночном клубе выработали в ней настолько сильную неприязнь к шумным вечеринкам, что Китиару начинало тошнить

при одной мысли о них.

Дома ничего не изменилось. Бросив кейс на диван, девушка налила себе травяной витаминной настойки и залпом выпила. Обедала она в клубе, перед выступлением; так выходило дешевле.

Вздохнув, Китиара включила телевизор на канал новостей и опустилась на сиденье тренажера. Медленно, не спеша, просунула кисти в кожаные петли эспандера. Лучше всего ей думалось во время тренировок. Девушка давно закалила себя до такой степени, что несложные упражнения вместо усталости приносили ей отдых и облегчение.

Так и сейчас; спустя полчаса, Китиара ощутила, как неприятный осадок и боль в спине – трюк со штангой не проходил даром – растворились без следа. Унизительный ночной клуб отошел в прошлое, теперь он казался сценой из неприятного сна. Девушка с заметным удовольствием повысила темп упражнения.

О предстоящем деле Китиара старалась не думать. Шесть лет в спецотряде довели ее навыки до полного автоматизма, завтра – выйдя из дома с кейсом в руке – она превратится в холодную и рациональную машину, отыщет последнюю жертву многолетней охоты и положит конец кошмару, начавшемуся той проклятой ночью в Квалинесте.

Китиара не любила размышлять над заданиями. Планирование операций, слежка за объектами, поиски слабых мест в обороне, долгая и трудная подготовка к развязке – все это никогда не было ее профилем. Внешние данные делали Китиару совершенно непригодной для оперативной работы, поэтому ее роль в отряде оставалась довольно скромной. Ей просто говорили – когда, где и каким способом. Дальнейшее целиком зависело от Китиары, и уж тут она была экспертом высшей пробы. Иначе на девушку со столь запоминающейся внешностью никогда бы даже не посмотрели...

Стиснув зубы, Китиара помотала головой, чтобы отвлечься от неприятных мыслей, и сосредоточила внимание на телевизоре. Там, разумеется, спорили о политике; новый закон уже второй месяц оставался в центре внимания. На сей раз шли публичные дебаты в большой, многолюдной студии.

– Я требую пересмотра Акта о равенстве рас и ввода обязательной

регистрации приезжих, особенно хобгоблинов и кендеров... – говорил в микрофон пожилой седовласый человек с военной выправкой. Ведущий, а также несколько чиновников, сидевших с ним за одним столом, с трудом сохраняли спокойствие.

– Какое вы имеете право выдвигать требования правительству? – не выдержал один краснолицый толстяк. Китиара с легким удивлением узнала министра внутренних дел Соламнии и стала слушать внимательнее.

– Мой опыт, репутация и положение в обществе...

– Вас давно отправили в отставку, экс– государь Арато, – заметил толстяк, – В том числе и за подобные высказывания!

На щеке седовласого офицера дернулась жилка.

– Хватит переходить на личности. На вашем месте я бы...

– Вы, слава богам, еще не на моем месте! – с чувством оборвал министр.

Арато выдержал долгую паузу.

– На вашем месте, – повторил он с угрозой, – я бы трижды подумал, прежде чем уравнивать в правах вороватого кендера и ветерана шести войн, ведущего свой род от первых соламнийцев.

– Арато, да вы сами напоминаете первых соламнийцев, – буркнул толстяк.

Офицер вскинул голову:

– И горжусь этим!

– Вот и отправляйтесь к ним, в прошлое, там вам и вашим доисторическим понятиям самое место!

– Друзья, друзья, умерьте пыл... – с профессиональной улыбкой вмешался ведущий. – Поменьше радикализма...

– Я имею полное право требовать к себе уважения, – седовласый Арато обрушил ладонь на стол. – Когда мой оппонент просиживал штаны в кабинете, я воевал!

– И мы до сих пор расхлебываем последствия тех войн... – пробормотал другой чиновник, сухощавый и высокий старик в очках.

Китиара на пару минут отвлеклась от телевизора, меняя грузы в тренажере. Вернувшись к просмотру, она обнаружила, что дебаты прервали сюжетом, снятым в минотавровых и драконидских резервациях. Их обитатели дружно выражали

благодарность правительству за новый закон, награждавший их "почти" равными правами с людьми. Китиара, не прекращая тренировки, краем глаза продолжала смотреть.

Из пафосного, ура- патриотичного сюжета ей запомнился лишь молодой серебристо- серый драконид, которого, видимо под угрозой расправы, заставили исполнить перед камерой "ритуальную песню шамана". Странные, необычные обертоны и удивительная глубина драконидских голосов всегда нравились Китиаре. Много лет назад, дома, над кроватью девушки даже висел старый гобелен с изображением Темной Госпожи верхом на драконе – собственно, в ее честь Китиару и назвали Китиарой.

Боже, прошло ведь всего двенадцать лет, а кажется – целая жизнь...

Между тем, седовласый офицер в телевизоре со скандалом покинул студию, политические дебаты уступили эфир биржевой хронике. Потная, но довольная Китиара отошла от тренажера.

Мышцы приятно ныли, в теле чувствовалась сила и необычная легкость, верные признаки вхождения в форму. Сейчас теплый, даже горячий душ, стакан сырых яиц – и прекрасный, глубокий сон до утра...

В дверь негромко постучали.

2

Скаг Ваграт бааз'Тгарра сидел на обочине, глядя, как в облаке пыли вдаль уносится оранжевый фургон телевизионщиков. На горизонте тонкие шпили Палантаса пронзали вечернее солнце. Чудовищно длинные тени растворялись в дымке, придавая столице необъяснимое сходство с пауком, дул западный ветер и со стороны города несло воню.

Плосколицы не чувствуют этого запаха. Тысячи скрученных в жгут ароматов – краски, пот, горелые покрышки, сизый бензиновый дым, гниющие свалки, свежая кровь... Если мысленно представить карту запахов, любой город станет огромным

мутным пятном, раскинет ядовитые щупальца вдоль рек, задушит солнце черной смоговой подушкой.

Ветерок подкатил колючий шар перекаати– поля, ударил о хвост Скага. Шипы растения напрасно скребли тусклые серо– стальные чешуйки. Некоторое время молодой драконид смотрел на колючку.

– Я не чувствую, – прошептал Скаг. – Нет кожи... – и продолжил, опустив внешние веки, незаметно входя в ритм. – ...и я вижу боль, но не чувствую боли, я молчу, не кричу, в небе стонет гроза, я смотрю на огонь – и мечтаю о воле, я бы плакал, но огонь, иссушил глаза... – вздрогнув, Скаг умолк и оглянулся. Рядом присел Набева.

– Чего хотели плосколицы? – спросил он тихо. – Я не понял...

– Ты сказал все, что им требовалось, – отозвался Скаг. – Не бойся.

– Почему тебя сначала прогнали, а потом заставили петь?

Скаг криво усмехнулся.

– Сюжет выходил слишком скучным.

– Сюжет? – Набева озадаченно моргнул.

– Так плосколицы называют красиво оформленную ложь.

– Какую?

– Неважно, – Скаг вздохнул. – Все уже кончилось.

Растерянный Набева свернул хвост улиткой.

– Ты странный.

– Знаю, – буркнул Скаг.

Набева грузно опустился в пыль. Он был крупным, ширококостным, неловким и добродушным. Набева в полтора раза превосходил грациозного Скага ростом, а весил втрое больше. В племени бааз'Тгарр он не знал себе равных в умении ловить рыбу и плести корзины. Еще, иногда, Набева замечательно пел, только в последние годы у него редко случалось настроение на песни. Семейю Набевы преследовало одно несчастье за другим.

– Как твоя Ирра? – спросил Скаг, желая сменить тему.

Набева вздохнул.

– Снова отложила яйца.

– В шестой раз? – удивился Скаг.

Набева грустно кивнул.

– Их всегда разбивают. А я так хочу детей...

– Зачем тебе? – Скаг пожал обрубками крыльев. – Лишнее горе.

– Ты еще юн и не понимаешь.

– Я достаточно стар, чтобы не хотеть понимать, – глухо отозвался Скаг.

Набева покачал головой.

– Ты странный. Ты и твои друзья.

– Ну давай, скажи это! – огрызнулся Скаг. – Думаешь, удивлюсь?

Набева прижал гребень к затылку. Гребень у него был замечательный – перламутровый, сверкающий, удивительно красивый. Раньше плосколицы охотились на баазов ради таких гребней.

– Я никогда не говорил, что яйцо, откуда ты вылупился, следовало разбить, – возразил Набева. – Я не старый Углот.

– Точно? – гневно спросил Скаг.

– Точно.

– Спасибо, – молодой драконид скрипнул зубами. – И за что он нас так ненавидит...

Набева неловко дернул хвостом.

– Углот тоже прав. Дети должны быть внутри племени, только внутри. А не как ты... – он провел когтем по тусклой, серебристо– стальной чешуе Скага. – Знаешь, говорят, Вагра тебе не мать.

Скаг вздрогнул.

– Кто говорит?

– Углот... – Набева отвел глаза. – И не только...

– Почему?

– Плосколицы не так глупы, как все думают.

– Плосколицы?! – Скаг отпрянул. – Они–то тут причем?!

– Все плосколицы, кто изучал нас, говорили, что полукровок быть не может.

Наши старики тоже не помнят о них. Полукровок не бывает, Скаг.

Набева вздохнул.

– Углот твердит, тебя подбросили плосколицые. Подменили яйцо, когда Вагра работала в поле.

Скаг дернул хвостом.

– Это... это... Кто же я тогда?!

– Сайвак, – тихо подсказал Набева.

Повисла мертвая тишина.

– Как я могу быть сайваком? – напряженно, стараясь не сорваться, спросил Скаг. – Последнего из них зарезали сто лет назад.

– Значит, не последнего...

– Сайваки не похожи на нас. У них другие рога! – Скаг нервно провел ладонью по своим коротким, лишь недавно прорезавшимся рожкам. – И крылья были втрое больше...

– Кто знает, какими стали бы твои крылья сегодня? – вздохнув, Набева поднялся на ноги. – Скаг, ты странный, но ты сын моей сестры, пусть даже подброшенный. Береги себя. Если плосколицые поймут, кто ты такой...

– Вы все уже решили за меня, да? – прервал Скаг. Он сворачивал и разворачивал хвост.

Набева помолчал.

– Я не хотел огорчать.

– Да чему тут огорчаться?! Ты всего лишь сказал, что мать мне не родная и в племени я чужак!

– Закрыв глаза, дороги не найдешь.

Скаг резко отвернулся. Его хвост нервно подрагивал.

– Я знаю, ты спрашивал Вагру, – выдавил он наконец.

Набева кивнул.

– Спрашивал.

– Она тоже... считает меня подкидышем?

– Нет. Она говорит, твоим отцом мог быть сайвак.

– Мог быть? Она не помнит?!

– Было темно, – Набева помолчал. – Много стреляли. Он вынес ее из– под пуль, укрыл в заводи. Потом овладел.

Скаг вздрогнул.

– Зачем?

– По праву сильного.

– Значит, я полукровка, сын Вагры и сайвака...

– Нет. Это значит лишь, что в ту ночь Вагра понесла, и вскоре отложила яйцо.

– Набева отвел глаза. – Яйцо могли подменить...

– Кто?

– Не знаю. Я должен идти, Скаг, – Набева опустил голову. – Подумай над моими словами. Старайся быть... не таким странным, хорошо?

Скаг с горечью приоткрыл пасть.

– Хорошо, Набева. Я постараюсь.

Волоча хвост в пыли – признак мрачных мыслей – Набева направился прочь от дороги, к деревне. Скаг вновь остался один. Некоторое время он молча сидел, нервно шевеля обрубками крыльев. Заходящее солнце отражалось мутным пятном в его тускло–серебряной чешуе.

Подняв руку, Скаг с силой расправил пальцы: грозные когти мешали драконидам сжимать кулаки. Поднеся ладонь к лицу, Скаг взглянул на мир сквозь чешуйчатую решетку. Его пасть приоткрылась в горькой улыбке.

– Я бы плакал, но огонь иссушил глаза... – прошептал Скаг. – В пустоте наших грез отражается небо, чешую хлещет дождь, и моя слеза, будто светлый колосок в море черного хлеба, я бы плыл, но враги подожгли паруса...

Скагу было двадцать пять лет. В глазах почти бессмертных драконидов, он оставался даже не юношей, а просто детенышем. Впрочем, народ Скага не отличался сентиментальностью, и юный возраст для них значил мало.

Умные, сильные и свирепые, дракониды были когда–то самым страшным орудием темных богов. Две с половиной тысячи лет назад, перед легендарной Войной Копья, черные маги Владычицы Тьмы создали кошмарные заклинания, способные извратить яйца драконов и превратить нерожденных драконов во множество – огромное множество – ящероподобных существ, размерами и прямохождением сходных с людьми, но обладавших драконьими крыльями, хвостами, рогами и чешуей. У драконидов были сильные лапы, позволявшие им отлично бегать и высоко

прыгать, тело покрывала прочная роговая чешуя, вдобавок от прародителей они унаследовали выносливость, неприхотливость и полный иммунитет к магии. Однако первые виды драконидов – баазы, капаки и базаки – не умели по-настоящему летать, и крылья могли использовать только планируя с возвышенностей. Созданные позднее, более совершенные виды значительно превосходили собратьев; серебряные сайваки прекрасно летали, а золотистые бескрылые аураки отличались удивительными способностями к магии и почти не уступали в этом своим прародителям, золотым драконам.

Однако, в отличие от полностью исчезнувших с Кринна драконов, драконидов ждала другая судьба. Иногда, в предрассветные часы, Скаг с горечью думал, что было бы честнее, погибни его народ вместе с последними драконами Владычицы. К счастью – или к несчастью – дракониды, умелые воины, были в то время весьма полезными рабами. Победители "милостиво" сохранили им жизнь...

Скаг так погрузился в невеселые думы, что даже не сразу постучал в дверь хижины, где жил его друг Загмар. Некоторое время юный драконид молча стоял у порога, размышляя о мрачном прошлом. Наконец, опомнившись, Скаг провел когтями по ребристому шиферу, украшавшему дверь. Изнутри послышался звук отодвигаемого стула.

– К– кто тут? – нервно спросил Загмар. Он сильно заикался с тех пор, как в раннем детстве подвыпившие фермеры привязали его к грузовику и несколько миль волочили по степи.

– Есть хорошая мелодия, – коротко отозвался Скаг.

Загмар вздохнул с облегчением.

– Скаг... – он отпер дверь. Молодые дракониды обменялись взглядами: Загмар держал в руке лопату.

– Ты чего? – тревожно спросил Скаг.

Загмар отвел глаза.

– С– слышал мотор...

– Это были телевизионщики, снимали сюжет для новостей.

– Про нас?

– Про то, как хорошо нам живется в гетто, – усмехнулся Скаг. – У них, там,

кажись революция намечается. Передерутся скоро...

– З– зачем?

Скаг фыркнул.

– Помнишь, по радио говорили о новом законе для нас и минотавров?

– Я н– н– не слышал...

– Ну, мы теперь как бы почти люди, – Скаг царапнул землю когтями. – За убийство дракониды или минотавра отныне не штраф, а тюрьма положена... Хотят даже пропуска отменить, мол резервация пережиток прошлого.

Загмар недоверчиво изогнул хвост.

– Б– б– брось... П– плосколицые? За нас?

– Нет, конечно, – мрачно отозвался Скаг. – Кое– кто зарабатывает политический капитал. Вот, смотрите, какой я прогрессивный и весь из себя демократичный, даже драконидов и минотавров люблю, хе, видели?

Загмар озадаченно моргнул.

– Ч– чего?

– Ничего, – буркнул Скаг. – Главное, телевизионщики уехали. Я сочинил отличную мелодию!

Загмар дернул головой – еще одна обретенная в ту ночь привычка.

– Д– доем сначала. Т– т– ты голоден?

– Нет, – Скаг улыбнулся. – Доедай, а я схожу за Волнарой. Сегодня будет хорошая ночь.

Кивнув, Загмар скрылся в доме. Скаг молча направился к соседней хижине. Там жил третий участник их группы; юная Волнара, потерявшая родителей еще до вылупления, и потому – единственная в племени – сохранившая крылья. Шериф узнал об этом слишком поздно, и, видимо, будучи в хорошем настроении, позволил Волнаре жить в обход закона. Она прекрасно играла на шунгаане, а иногда и подпевала Скагу неожиданно низким, хриплым голосом.

Настоящим талантом в группе обладал только Скаг. Но их троих сближало общее несчастье: в племени не любили отклонений от нормы. Подкидыш, заика и последний крылатый драконид едва ли нашли бы иных друзей, кроме друг друга...

День быстро угасал. Вскоре по темному небу, беззвучно раздвигая звезды, уже

скользила первая из трех лун, Солилари. В ее серебристых лучах пустынные холмы мерцали мириадами блесков. Три керосиновые лампы – все, что смогли найти – озаряли лужайку перед хижинкой Загмара тусклым светом. Драконицы, рассевшись вокруг ламп, тихо смотрели на пламя, взявшись за руки и растянув по траве хвосты. Призрачный свет Солилари играл на серебряной чешуе Скага.

В НАШЕЙ КРОВИ,
 ПРОЛИТОЙ ВО ИМЯ БОГОВ,
 БЫЛ СЕГОДНЯШНИЙ МИР
 ЗАЧАТ.
 ПОБЕДИТЕЛЬ ВСЕГДА
 НА КОСТЯХ ОБЪЯВЛЯЕТ ПИР.
 БОГИ НАС ОБУЧИЛИ
 ИСКАТЬ ВРАГОВ,
 ПРО ДРУЗЕЙ ИХ ЖРЕЦЫ
 МОЛЧАТ,
 В НАС ВЛОЖИЛИ НАДЕЖДУ
 И ТУТ ЖЕ ЗАБРАЛИ МИР...
 Э-Э-ЭТА-А БО-ОЛЬ,
 ЧТО НЕ ВЫЛЕЧИТ
 ВРЕМЯ В НАС,
 Э-Э-ЭТУ-У БО-ОЛЬ,
 ПАМЯТЬ В ДУШУ
 ВОНЗАЕТ
 ПРОКЛЯТЫМ КЛИНКОМ
 МНЕ ЖЕ БОЛЬНО...
 БО-О-ОЛЬНО...
 БОГИ ТАК ЛЕГКО
 НАГРАЖДАЮТ СМЕРТЬЮ,
 СЛОВНО САМИ
 ЗНАКОМЫ С НЕЙ.
 ВСЕМ ПОКОРНЫМ – ОБЪЕДКИ,
 ВСЕМ ГОРДЫМ
 КИПАЩИЙ АД.
 НАС ПО ЛИЦАМ

ХЛЕСТАЛИ СВЯЩЕННОЙ ПЛЕТЬЮ,
 КТО НЕ УМЕР,
 ЛИШЬ СТАЛ СИЛЬНЕЙ.
 ВМЕСТО КРОШЕК
 С НЕБЕСНЫХ СТОЛОВ
 МЫ ВЗРАСТИЛИ СВОЙ САД.
 Э–Э–ЭТА–А БО–ОЛЬ,
 ВЕК ЗА ГОДОМ
 ГРЫЗЕТ НАС ВСЕХ.
 Э–Э–ЭТУ–У БО–ОЛЬ,
 БОГИ СМЕРТЬ
 ПОЧИТАЮТ
 ВЕСЕЛОЙ ИГРОЙ
 МЫ СЫГРАЕМ...
 С ВА–А–АМИ...

Слова, будто светлячки, порхали вокруг, лукаво заглядывали в сердца. Когти нежно касались струн старенького акрона. Волнара, сомкнув внутренние веки, подыгрывала на шунгаане.

Скаг давно не был так счастлив. Новая песня – тихая, мелодичная – отличалась от прошлых, раньше их группа подражала агрессивной музыке плосколицых. Но в этот раз, Скаг чувствовал, у него родилось что–то свое, настоящее. Улыбки на лицах друзей были лучшим тому доказательством.

– Отличная вещь, – помолчав, заметила Волнара, когда последние аккорды рассеялись в темноте.

Скаг глубоко вздохнул.

– А знаете, я давно заметил: когда светит Солинари, меня словно наполняет энергия, в эти часы легче всего работается.

– Ты ж серебряный, – улыбнулась Волнара.

– Да... – Скаг понурил голову. – Слышали новую сказку Углота?

– П– про с– с– сайваков? – уточнил Загмар.

– Значит, слышали...

– Не огорчайся, – Волнара решительно дернула хвостом. – Я бы сто лет отдала, лишь бы оказаться сайваком. Они ж могли летать!

– З– за это их и в– вырезали, – буркнул Загмар.

Скаг поднял голову.

– Если я сайвак, значит, они не вымерли. А вдруг, где-то в подземельях у плосколицых до сих пор томятся живые аураки?

– Скажи еще, драконы, – фыркнула Волнара.

Скаг сильно вздрогнул.

– Нет, – произнес он после паузы. – Драконы едва ли.

– Фантазировать, так уж до конца, – возразила Волнара. – Сайваки были ближе всех к драконам, даже летать умели...

– Это не делает их драконами! – резко оборвал Скаг. Его передернуло от мысли, что даже крылатая Волнара умела лишь планировать с возвышенности, как и прочие баазы. Раньше Скаг никогда не жалел о своих обрубленных крыльях, ведь особого толку в них не было. Но если Углот прав... Сайваки были единственными из драконилов, способными к полету.

– Играем "Завтрашний бой", – буркнул Скаг. – Готовы? Раз, два, три...

Резкая, тяжелая музыка в ключья порвала очарование луны. Настроение Скага будто передалось друзьям: не сговариваясь, они терзали струны, ударяя хвостами в такт. Скаг хрипло выкрикивал слова, мотал головой. Загмар и Волнара рычали в припеве.

Песня оборвалась столь же резко, как началась. Разгоряченные дракониловы тяжело дышали.

– Нужен ударник, – Волнара с сожалением оглянулась на хижину. – Без ударника не выходит.

– А кто будет играть? – возразил Скаг.

– Я... – Загмар нервно дернул головой. – Х– х– хвостом.

– Ты не справишься разом с акроном и ударником.

– С– с– справлюсь! П– пробовал уже.

Скаг задумчиво пригладил себе гребень.

– Купить установку...

– Еще генератор, чтобы ток был, – вставила Волнара. – И усилитель. И хорошие колонки. И клавишные. А может, фоноскоп? – Она мечтательно улыбнулась.
– Записывать музыку!

Загмар криво усмехнулся.

– К– когда найдешь к– клад, д– дай знать...

– Клад? – Скаг поднял глаза. – Не клад, а концерт!

Загмар и Волнара недоуменно уставились на друга.

– Концерт? – переспросила Волнара. – Без инструментов?

– Я куплю инструменты.

– Как?

– Возьму займы у Шшана.

Загмар дернул хвостом.

– А ч– чем отдавать б– будем?

Скаг оскалил клыки.

– Устроим концерт для плосколицых. Такого еще не было, они слетятся как мухи на падаль!

– Время нынче смутное, того и гляди у плосколицых революция начнется. Да и не станут они слушать собственные песни в исполнении драконилов, – с сомнением возразила Волнара.

– Подготовим свои.

– Без инструментов?

– Да будут у нас инструменты!

– А если с концертом не получится? – Волнара прищурилась. – Где возьмем деньги?

Скаг нервно перебрал обрубками крыльев.

– Кто не рискует...

– ...ж– ж– живет д– дольше, – буркнул Загмар.

Они помолчали.

– Я за, – вздохнула Волнара. – Без инструментов мы застрянем.

– Х– хватит и ударника, – Загмар отрывисто кивнул. – С– скаг, не т– трать много.

– Ладно, – Скаг улыбнулся. – Я пошел к Шшану, а вы начинайте думать над песнями. Для первого концерта нужно что-то экзотическое...

– Какое?! – опешила Волнара.

– Эк- зо- ти- че- ское, – объяснил Скаг. – Ну, ни на что что не похожее, странное.

Волнара фыркнула.

– Это мы можем, – ее тонкие чешуйчатые губы растянулись в улыбке. Скаг поднялся с земли.

– Вернусь утром.

– Н- не рискуй... – пробормотал Загмар, провожая друга взглядом. Он был нервным и нерешительным.

Перекупщик Шшан жил в старом трейлере у дороги. У Шшана, одного из немногих в резервации, имелся грузовичок, и он регулярно ездил в пригород Палантаса, продавая там туристам всякие безделушки. Скаг недавно оставил ему фигурку колдуна Вирлиша, выточенную из подлинной драконьей кости; один из рыбаков откопал за деревней череп. Такие штуки у людей высоко ценились.

Сегодня хозяин был дома; в окошке трейлера горел свет. Шшана не любили, ведь он проводил с плосколицыми больше времени, чем с родным племенем, но Скаг все равно с ним дружил, поскольку его влекли все, кого презирали другие.

В ответ на стук из трейлера послышалось шипение, что-то тяжелое отставили в сторону и дверь распахнулась.

Шшан смерил гостя оценивающим взглядом.

– Ты один?

Скаг моргнул внутренними веками: такого начала он не ждал.

– Что случилось?

– Молчи, – Шшан схватил его за плечо и втопил в комнатку. Крепко закрыл дверь, задвинул шторы.

И лишь потом перевел дыхание.

– Знай, – он торжественно поднял гребень. – Я самая счастливая ящерица на свете. Когда покажу, что сегодня раздобыл, ты мне хвост отгрызешь!

Шшан был не очень крупным баазом ярко– медного оттенка, с большими красными глазами и сильным, хрипловатым голосом. Он вылутился на добрые полвека раньше Скага и, хотя в сравнении со сроком драконидской жизни этот возраст едва ли можно было заметить, по нынешним временам Шшан ухитрился прожить весьма уважительное число лет.

Как и всякое существо, достигшее его возраста среди опасностей и врагов, Шшан был предельно циничным и прагматичным. Его единственной слабостью оставалось пристрастие к крепким напиткам, откровенно говоря свойственное всем баазам, но Шшану особенно.

Вот и сейчас Скаг с подозрением потянул носом воздух.

– Ты снова пил? – он сузил зрачки. – Шшан, люди продают нам эту гадость, чтобы мы быстрее вымерли. Как можно на...

– Молчи! – Шшан взмахнул руками и хвостом. – Просто обернись. Это там, рядом с дверью. Накрыто рогожей.

Скаг последовал совету, и у него подкосились ноги. Шшан с громадным удовольствием следил, как его юный друг, качнувшись, ухватился за дверную ручку чтобы не упасть.

Молчание воцарилось надолго.

– Это то, о чем я думаю? – спросил наконец Скаг.

– Оно самое! – сияющий торговец ткнул когтем в бумагу, лежавшую на столе.
– Легальное. Со штампом. Разрешено к продаже.

Скаг, затаив дыхание, протянул руку и дотронулся до морщинистой темно–зеленой скорлупы. Содрогнулся.

– Мертвое? – спросил он, заранее зная ответ.

Шшан вздохнул.

– Окаменелое. Но настоящее!

Скаг заставил себя отойти от яйца и с трудом опустился на грязный диванчик.

– Зачем оно тебе? – спросил он хрипло. – Ты ведь не собираешь древности.

Шшан возмущенно дернул хвостом.

– Ну, знаешь! Ко мне теперь все племя ходить будет! Стану брать по рыбине за прикосновение, или кувшин...

– Это другое яйцо, – тяжело сказал Скаг. – Изумрудное. Из него... Когда-то мог вылупиться хроматовый дракон.

Шшан почесал за ухом.

– И что?

– Мы произошли от металлических. Это яйцо не имеет ценности. Никто не станет ему поклоняться.

– Врешь, – без предисловий заявил Шшан. – Хочешь сам его получить. Не отпирайся, я знаю.

Скаг покачал головой.

– Разве люди продали бы нам... ТО САМОЕ? Разве позволили бы возродиться легенде?

– Ага! – Шшан фыркнул. – Попался. Разве я говорил, что купил яйцо у человека? Его продавал гном. Утверждал, что яйцо отложила последняя самка Циана Кровавого, уже после гибели отца.

Потрясенный Скаг подался вперед.

– Оно хранилось в Сильванести?!

– Откуда мне знать? – Шшан любовно погладил зеленую скорлупу. – Гном, конечно, наврал, но какая разница. Это яйцо дракона! Оторви мне хвост, если у других племен есть такое!

Скаг недоверчиво моргнул.

– Шшан, ты забыл?

Торговец запнулся.

– О чем?

– Если это правда... – Скаг сглотнул. – Если в яйце погиб детеныш Циана... Циан был магом, Шшан. Самым могучим из крылатых. В его яйце должна была остаться магия – наша, драконья!

– Магия? – озадаченно переспросил Шшан.

Скаг отпрянул.

– Ты не читал историю Войны Копья?! Я же у тебя купил эту книгу!

– Я книги продаю, а не читаю, – Шшан почесал за вторым ухом. – Странный ты.

Зашипев с досады, Скаг махнул рукой:

– Забудь.

– И так всегда, – немного обиженный Шшан отошел к столу и налил себе полный стакан кроваво–красной настойки. – Я думал, Скаг от радости выть начнет, а ты...

– Шшан, дай мне яйцо на один день.

Пауза.

– Зачем?

– Помнишь, год назад я купил у тебя книгу заклинаний?

– Не помню, но идея мне уже не нравится.

– Я не трону яйцо и когтем! – взволнованный Скаг приподнял гребень. – Понимаешь... Ни одно заклинание из книги не работает. А вдруг, в присутствии яйца к ним вернется магия?

Шшан со стуком поставил бутылку и ррыкнул, мотнув головой.

– Нет, Скаг. Я не дам тебе яйцо.

– Почему?

– Потому что это глупо. Какая магия? Опомнись, кто в наше время верит в заклинания?

Скаг резко вскинул голову.

– Когда нас убивают, мы обращаемся в камень. Это магическое свойство, заложенное еще при нашем создании. Попробуй возразить!

– Не буду я с тобой спорить, – Шшан вздохнул. – Магии нет. Даже по легендам, ее не стало когда ушли боги, забрав с собой последних драконов. А кто верит в легенды? – он оскалил клыки. – Вот что, Скаг. Думается мне, сказки о драконах они сказки и есть. Драконы были простыми зверьми. Вот плосколицые их всех и постреляли, как сайваков сто лет назад... Но кое–что от драконов осталось! – Шшан с торжеством указал на яйцо. – Пока племена верят, что произошли от этих больших ящериц, любая их косточка будет приносить деньги. Так выпьем за

драконов, я люблю их! – наполнив стакан вторично, Шшан выдохнул и опрокинул его в пасть.

Скаг глухо зашипел:

– Не зови драконов зверьми.

– Как ск... Скажешь, друг, – Шшан встряхнулся и помотал головой. – Прости.

– Ты пьян, – Скаг неохотно отвел взгляд от яйца.

– Лучше п– п– пьяным, чем голодным, хэк? – Шшан пожал обрубками крыльев.

Они помолчали.

– Ладно, – вздохнул Скаг. – Ты продал мою статуэтку?

– Продал, и очень выгодно, – кивнул Шшан. Денежные вопросы он мог обсуждать всегда, вне зависимости от настроения и количества алкоголя в крови.

– Сколько?

– Двести сорок.

– Ого! – не удержался Скаг. – Надо еще выточить...

– Драконья кость хорошо идет у эльфов, – торговец фыркнул. – Амулеты делают.

Скага передернуло.

– Что есть интересного, кроме яйца? – спросил он быстро, чтобы подавить гнев.

– Ничего, – Шшан мотнул головой. – Я все деньги на него потратил.

– Даже книги не привез?

– Нет.

– Гррррр... – Скаг вздохнул. – Шшан, сколько я уже накопил?

Торговец вытащил из ящика стола калькулятор и некоторое время щелкал когтями по клавишам.

– Почти тысячу, – сообщил он наконец. – Порядочно.

– Хватит на ударную установку? Самую дешевую.

Шшан почесал за ухом.

– Решил идти по музыкальной линии?

– Уже давно решил.

– За тысячу можно купить и ударник, и синтезатор... – протянул Шшан. – Но я в них не разбираюсь.

– Я сам выберу подходящий.

– Сам? – Шшан моргнул. – А кто тебе пропуск сделает?

– Ты.

– Я? – Шшан оскалился. – Моя белая карта стоила семь тысяч.

– Мне хватит и синей, – спокойно ответил Скаг. – Трехдневной. Ее можно купить за двадцатку.

Он помолчал, глядя в окно.

– Когда едешь на торги в следующий раз? – негромко спросил Скаг.

Шшан задумался.

– Не скоро... – протянул он после паузы. – Денег мало.

– У тебя сейчас есть синие карты?

– Парочка найдется.

– Дай мне одну. Я сам куплю ударник.

Шшан удивленно моргнул.

– Скаг, ты ни разу не покидал резервации.

– Ну и что?

– Как ты найдешь магазин? Да и обманут тебя, всучат металлолом. Людей ведь хлебом не корми, дай навредить драконьему племени...

Вздвогнув, Скаг вскинул глаза, но ничего не ответил и лишь отвернулся к окну. Некоторое время царил тишина.

– Какое еще драконье племя... – горько сказал Скаг. – Живи сегодня хоть один дракон, он ненавидел бы нас стократ сильнее, чем плосколицы. Не забывай... Кто мы такие.

Шшан с недоумением поднялся из-за стола и сел на диванчик рядом с другом.

– И кто же?

– Мы дракониды, – глухо ответил Скаг. – Изуродованные дети драконов. Жестокая насмешка над их красотой и силой.

Повисло напряженное молчание. Затем, глубоко вздохнув, Шшан обернул хвост вокруг ног и скрестил на груди руки.

– Нравится в это верить? – гневно спросил торговец. – Давай, перегрызи себе горло. Легче станет?

– Прости, – Скаг опустил голову. – Но ведь это правда.

– Что правда? Смехотворная сказочка о войне, которой не могло быть? Тупые игры для человеческих детенышей, что б те могли воображать себя рыцарями и охотниками на драконов? Это – правда, Скаг?

– Да, – тихо ответил молодой драконид. – Правда.

Шшан зарычал.

– Сколько раз мы спорили? А? Сколько? Пойми, крокодил– переросток, невозможно создать одно существо из яйца другого. Это сказка! С– к– а– з– к– а. Миф, легенда, называй как нравится. Тебе, поди, и кошмары снятся, наверно, о том как плосколицые губили драконов, творя наших предков?

Скаг резко обернулся:

– Не твое дело!

– Снятся, – мрачно сказал Шшан. – А ты задумывался, чем это кончится? Тебе и тридцати нет, едва– едва рожки показались, а ты уже себя грызешь. И хоть бы причина была! Так нет – жалеешь каких–то выдуманных птенцов. А что будет, когда подрастешь? Когда посмотришь вокруг и задумаешься?

Шшан покачал головой.

– Кошмары из– за сказок о драконах. А что родное племя в гетто живет – ты замечал? Что год за годом, плосколицые подсылают к нам бандитов и те разоряют гнезда, а иногда и вовсе детей стреляют? От драконьих детенышей ты трепещешь, а свои, родные, где?

Торговец с неожиданной злостью пнул стул, заставив тот отлететь к огромному яйцу у двери.

– Знаешь, Скаг? – сказал он с чувством. – Из– за таких, как ты, мы до сих пор поклоняемся истлевшим звериным скелетам. Из– за таких, как ты, я стану богат, поскольку буду брать деньги за прикосновение к окаменелому яйцу ископаемого ящера.

– Кто же из нас хуже? – мрачно спросил Скаг.

Шшан рассмеялся.

– Так ведь не зря ж мы стали друзьями?

Он тяжело мотнул головой.

– Завтра вместе поедem на рынок. Купим тебе барабан.

– Ударную установку, а не барабан.

– Какая разница?

– Огромная.

Шшан фыркнул.

– Играть–то что будешь? Плосколицыe завывания?

Скаг ответил не сразу.

– Знаешь... – он опустил взгляд. – Иногда можно учиться и у врагов. У нас нет своей музыки, нет традиций. Мы как пустая скорлупа...

– Не до музыки было, – буркнул Шшан.

– Вот– вот, – Скаг перебрал обрубками крыльев. – Да, сегодня мы играем песни плосколицыx, но мы ведь сочиняем и свои. Постепенно из древних осколков поднимется наша культура.

Торговец вздохнул.

– Уверен?

– Уверен.

– Зальешь мне бензин?

– Конечно!

– Тогда приходи в семь утра. Или... – Шшан пожал обрубками крыльев. – Оставайся спать тут. Тебя ведь не ждет дома подружка... – он фыркнул.

Скаг поднял взгляд:

– Спасибо.

– Не за что, друг, – Шшан отвернулся. – Спи с миром и проснись живым.

То было традиционное пожелание у драконидов.

В дверь негромко постучали.

Китиара поморщилась. Кого могло занести в такой час? Она даже не удивилась, когда, открыв дверь, увидела на пороге знакомую гномиху в зеленом платье. Тихо вздохнув, Китиара опустила на корточки и заставила себя улыбнуться.

– Чем могу помочь?

Гномиха, к удивлению девушки, ответила не сразу. "Да она же вся дрожит!" – с тревогой подумала Китиара.

– Почтенная... – проямлила наконец старушка. – Я... Мне больше не к кому идти. Я никого тут не знаю. Прости...

– Что случилось? – встревожившись, спросила Китиара.

– Они... – гномиха сглотнула. – Сынок мой... Там... Приятели у него... Выпили, в общем... Арбалет нашли... – она прижала руки к груди. – Хотят на охоту ехать!

Китиара вздрогнула. Поблизости от Палантаса было лишь одно место, куда изредка, но с завидным упорством, наведывались такие компании подвыпивших юнцов. Ей внезапно с чудовищной яркостью вспомнилась та проклятая ночь в Квалиности, пять лет назад. Изломанные тела на траве. Запах крови, который невозможно ни с чем спутать...

– Резервация? – быстро спросила девушка.

Гномиха с ужасом закивала.

– Меня не послушали... Не заметили даже... Помоги, почтенная, тебя–то услышат небось! Похватают ведь их, дураков!

– Молись, чтобы только схватили... – прорычала Китиара, сдергивая с вешалки свой жилет. – Жди здесь, никуда не уходи, да смотри тренажеры не трогай! – крикнула она, сбегая по лестнице.

Во дворе уже вовсю шла подготовка к рейду. Кто–то пригнал старый, ржавый пикап, и несколько юнцов в кожаных куртках с хохотом и шумом устраивались в кузове. Еще один, заметно старше других, деловито вытаскивал бутылки из ящика, оборачивал их в тряпки и клал под скамью. Арбалет за плечами был только у него.

Парни, сидевшие в кабине, казались трезвее остальных. К ним и направилась Китиара, мысленно проклиная себя за глупость и неоправданный риск. Какое ей дело до этих уродов, ведь никого из них она даже не знала по имени? Зачем ставить под

удар завтрашнюю миссию?

– Кто тут главный? – спросила девушка, остановившись у кабины. Парень за рулем смерил ее удивленным взглядом.

– Нифига себе телка... – протянул он. Второй обернулся на голос, заметил Китиару и присвистнул.

– Я спросила, кто здесь главный! – чуть громче повторила девушка.

Водитель высунулся в окно и открыто, с пошлой ухмылкой, обвел Китиару взглядом.

– Ну, я, – буркнул он. – А ты кто будешь?

– Соседка вашего именинника, – огрызнулась Китиара. – Парень, не знаю твоего имени, но слушай внимательно. В Соламнии теперь новые законы. За то, что вы собрались учудить, штрафом больше не отделаетесь – посадят лет на десять.

– Правда что-ль? – водитель ухмыльнулся.

– Не выпендривайся! – Китиара так рявкнула, что все, кто был в машине, утихли и повернулись к ней. – Я кто, твоя девка?! Вы, все! – она подняла голову. – Знаете, на что похожа палантасская тюрьма?

– На твою задницу! – фыркнул один из юнцов в кузове.

Китиара молча шагнула вперед, наклонилась и рывком приподняла пикап за бампер. Все, кто был в кузове, попадали из машины на землю, водитель схватился за руль. Хорошенько тряхнув грузовичок, Китиара с грохотом уронила его наземь и уперла руки в бока. На сей раз все смотрели на нее, и смотрели молча.

– Идите спать, – с яростью сказала девушка. – Я позвоню шерифу местной резервации, едва вы отъедете. Сейчас всюду боятся беспорядков, полиция на взводе. Они вам руки–ноги переломают, лишь бы завтра в новостях не показали сюжет про бессилие нового закона.

Самый старший в компании, тот, с арбалетом, почесал в затылке.

– Тебе–то какое дело, подруга? – спросил он совсем другим тоном.

Китиара кивнула на подъезд.

– Я бы из–за вас и пальцем не шевельнула, – бросила она с чувством. – Но мне жаль старую женщину, проделавшую долгий путь чтобы навестить сына в день его рождения. Сын–калека в тюрьме будет плохим подарком на праздник.

Юнцы переглянулись. Тот, что сидел в кабине рядом с водителем, нерешительно теребил подбородок.

– А что, если она вправду позвонит шерифу? – спросил он нервно.

Китиара зло усмехнулась.

– Заведи мотор и проверь.

– Но– но, ты на нас не дави! – попытался выершиться водитель.

Китиара молча положила руку на крыло машины и напряглась. Пикап с жалобным скрипом просел почти до земли.

– Давить я еще и не начинала, – угрожающе заметила девушка.

Парень с арбалетом покачал головой и внезапно рассмеялся.

– Сдаюсь! – он развел руками. – Ты победила. Выгружаемся.

Китиара перевела дыхание. В перерывах между миссиями она обычно вела себя тише воды ниже травы, надеясь избежать лишнего внимания к своей, увы, довольно заметной персоне. Она и сейчас, скорее всего, не стала бы вмешиваться, если б дело с ужасающей силой не напомнило ей кошмар пятилетней давности...

– Чья машина? – спросила девушка, кивнув на пикап.

– Моя, – буркнул мрачный водитель. Он уже выбрался из кабины и озабоченно разглядывал вмятину на крыле.

Китиара протянула руку:

– Дай ключи.

– Чего– о?! – парень вылупился на нее как рыба на кока.

– Утром отдам, – девушка уперла руки в бока. – Когда проспитесь, вы мне еще спасибо скажете.

– Да я... Да ты... Да мы тебя! – ошалевший от такой наглости водитель утратил дар речи. Но тут парень с арбалетом неожиданно подошел к нему сзади и быстрым движением выхватил ключи из кармана. Китиара одобрительно кивнула.

– Держи, – арбалетчик бросил ей ключи.

Владелец машины обернулся:

– Ульрих, ты д–о–с–т–а–л, – процедил он сквозь зубы.

– Она права, – спокойно ответил Ульрих. – Незачем лезть на рожон и играть в догонялки с шерифом.

– Эта сука помяла мне... – договорить парень не сумел, поскольку Китиара шагнула вперед и дала ему такую затрещину, что того отшвырнуло в сторону. С грохотом ударившись о собственную машину, юнец без памяти рухнул в пыль.

– Незачем язык распускать, – буркнула Китиара с некоторым смущением: вырубать парня она не планировала. Ульрих взглянул на девушку с нескрываемым уважением.

– А ты и впрямь не шутишь, подруга, – он покачал головой. – Может, раз уж все так повернулось, составишь нам компанию? Выпивки еще много... – он кивнул на полупустой ящик с бутылками.

– Не люблю вечеринки, – хмуро отозвалась Китиара.

Ульрих развел руками.

– Пусть так. Но как же зовут местную помощницу шерифа?

Девушка вздохнула.

– Я Китиара. Атлет.

Ульрих кивнул с таким видом, будто знал все заранее.

– Ну, в общем, типа спасибо, что уберегла нас от глупости.

– Нужно мне твое спасибо... – пробормотала Китиара. Сунув ключи в карман, она отошла к подъезду и уселась на скамью, скрестив руки. Неудавшиеся охотники, вполголоса переговариваясь, принялись разгружать пикап.

Из- за ночной истории выспаться Китиаре не удалось, и утром она вышла из дома злой, уставшей и голодной. Километровая пробежка – лучший способ успокоиться...

Подозрительно выглядевший кейс остался дома; разобранный винтовка заняла место под двойным дном обшарпанного военного рюкзака. Китиара всегда работала одна, без наводчика, в сложных ситуациях пользуясь электронным дальномером с датчиком ветра. Снаружи прибор ничем не отличался от простого бинокля.

У подъезда стоял роскошный, зверского вида угловатый джип на громадных шипастых колесах. Прислонившись к двери, заложив ногу за ногу и надвинув

широкую шляпу на лоб, Китиару поджидал вчерашний знакомый.

Под солнцем стало заметно, что он гораздо старше, чем казалось ночью – лет тридцати на вид, среднего роста, довольно стройный, черноволосый, с очень светлой кожей и небольшими усами. Глаза Ульриха были скрыты за зеркальными стеклами новомодных очков– лисичек, а в руке он держал одинокую красную розу.

Девушка решила сделать вид, словно не заметила гостя, однако тот шагнул ей навстречу и протянул цветок.

– Извини за вчерашнее, – серьезно сказал Ульрих. – Я... редко пью.

Китиара слабо улыбнулась.

– Говорила же, завтра мне спасибо скажете.

Ульрих сдвинул шляпу назад и озорно улыбнулся.

– Знаешь, я вообще–то полицейский, – признался он. – Так что ничего страшного мы бы не натворили. Ну, погонялись бы за ящерами... Попугали бы... Хотя, конечно, выпили мы изрядно, могли и зашибить парочку. Спасибо, в общем.

– Полицейский? – напрягшись, спросила Китиара. Неужели все, что случилось вчера, было подстроено? Странный тип в автобусе... Да нет, ерунда. Будь это ловушкой, с какой стати Ульриху представляться полицейским?

– Детектив. Отдел по расследованию хищений.

Девушка заставила себя улыбнуться.

– Понятно, откуда такая машина...

Ульрих недоуменно оглянулся на свой джип, и тут до него дошел скрытый смысл. Смеялся он задорно, весело – даже не верилось, что вчера этот человек горланил пошлые песенки в пьяной компании.

– Нет, нет, все законно! – детектив шутливо замахал руками. – Mamочка купила его на день рождения!

Теперь рассмеялась и Китиара. Ульрих сдвинул шляпу на затылок, снял очки и, прищутив глаза от солнца, широким жестом распахнул дверь машины. Из– под днища с жужжанием выдвинулась подножка.

– Не уверен, что ты поместишься, – заметил Ульрих с сомнением. – Но, если влезешь, подвезу...

Оскорбленная Китиара легко забралась в машину.

– Я не корова, – сказала она мрачно.

– Знаю, – сразу согласился Ульрих. – Но разве иначе ты согласилась бы проехаться? – он подмигнул. Глаза у него были ярко–зеленые, очень необычные.

Девушка не удержалась от улыбки. Довольный Ульрих занял место водителя и рывком дернул машину с места. Китиара ухватилась за поручень на панели.

– Прости, я всегда так вожу, – с легким смущением извинился детектив. – У меня второй разряд.

– Порядок, – отозвалась Китиара. – Люблю скорость.

Улыбнувшись, Ульрих вырулил на левую полосу и мощный джип вдавил сидоков в сидения. Китиара азартно расправила плечи.

– Класс!

– Это джип сопровождения, на таких ездит президентская охрана, – гордо сообщил Ульрих.

Машина мчалась по кольцевой трассе, отделявшей Новый город от развалин, сохранившихся еще со времен войны Синей Леди, когда древний Палантас был полностью разрушен. Китиара мысленно приказала себе успокоиться. Миссии ничего не грозит, Ульрих просто флиртует, даже не подозревая, с кем завел знакомство. Элементарное совпадение, вот и все.

Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, Китиара повернулась к окну. Ее всегда поражало, с каким упорством люди раз за разом отстраивали Палантас. Никакими особенными стратегическими преимуществами местность здесь не обладала, более того, климат тут был влажный и не самый здоровый. Однако город, основанный легендарным Винасом Соламнусом еще в семнадцатом веке до Катаклизма, продолжал существовать уже более четырех с половиной тысяч лет...

– Думаю, пора рассказать о себе, – глубокомысленно заметил детектив. Вздрогнув, Китиара вернулась на землю и бросила на спутника подозрительный взгляд.

– Начинай.

– Я? – удивился Ульрих. – Ай, что обо мне рассказывать! Я скучен, сер и банален. Детектив Ульрих ван Гатто, двадцать семь лет, не женат... Вот и все обо мне. То ли дело – ты, женщина–загадка, женщина–скала...

Китиара отпрянула.

– Ты меня знаешь? – она стиснула зубы.

Детектив, однако, бросил на спутницу удивленный взгляд.

– Разве? – он озорно прищурился. – Похоже, не я первым тебя так назвал?

Китиара, все еще напряженная, отвернулась к окну.

– Не люблю прозвища.

– Этому должна быть причина...

– Причина есть, – Китиара бросила на спутника короткий взгляд. – Я... выступаю в ночном клубе.

Ульрих даже бровью не повел.

– Как атлет? – он покосился на Китиару и с улыбкой добавил: – Для стриптизерши ты ростом не вышла.

Девушка криво усмехнулась.

– У меня номер со штангой, – объяснила она. – Только не думай, что мне это нравится!

– Не думаю, – заверил детектив.

– Я собираю деньги на взнос в лигу профессионалов, только так меня допустят к участию в чемпионате мира.

Ульрих бросил на Китиару слегка удивленный взгляд.

– Неужто девушка с твоими данными не смогла найти спонсора?

Китиара стиснула зубы.

– Не смогла. Бросила искать после второго.

– Понятно, – Ульрих с уважением кивнул. – С каждой минутой ты становишься все интереснее.

Девушка улыбнулась.

– Ну, а ты? – она повернулась в кресле. – Чем я тебе приглянулась?

Ульрих от души рассмеялся.

– В этом городе слишком мало ярких людей, – сказал он серьезно. – Так что не думай, будто я стараюсь лишь затащить тебя в постель.

Китиара вздрогнула.

– Я... так не думаю, – ответила она с небольшой заминкой.

– Вот и хорошо, – Ульрих одобрительно улыбнулся. – Знаешь, тот, кто по первой просьбе незнакомой старушки готов лезть в драку с компанией пьяных юнцов, либо очень глуп, либо очень благороден, что, по сути, одно и то же.

Он резко повернул руль, обгоняя двухэтажный туристический автобус.

– Скажу честно, я не думаю что ты глупа, – продолжил Ульрих спустя секунду.
– Но услышать хоть коротенькое объяснение было бы неплохо...

Китиара помолчала, обдумывая ответ.

– Я раньше жила в Нэйн'доке, у границ Квалинести, – сказала она наконец. – Пять лет назад, группа террористов из какой-то антиэльфийской организации проникла в священную рощу и расстреляла последнюю в мире семью единорогов.

Ульрих бросил на Китиару удивленный взгляд.

– Помню, читал в газетах. Но причем здесь...

– С тех пор я ненавижу охоту, – напряженно ответила Китиара.

– Охоту? Но как она связана с теми ублюдками? – поразился Ульрих. – Охота лишь спорт! Есть четкие правила, заповедники, сезоны когда зверью дают время расплодиться... Да и не всякого зверя можно добыть. Или ты думаешь, я поднял бы руку на единорога?!

Девушка стиснула зубы.

– Мне трудно думать об охотниках, и не вспоминать тех мерзавцев. Прости.

Слегка растерянный, Ульрих покачал головой.

– Да я всего-то десяток раз ездил с друзьями пострелять птиц...

– Давай сменим тему? – попросила Китиара.

– Конечно, как скажешь, – детектив сбросил скорость, съезжая с главной дороги и, внезапно, почти не меняя тона, спросил:

– Я, в общем, к чему: ты не против уделить мне немного времени? Сходим в ресторан, или в кино... Познакомимся ближе?

Китиара помолчала, собираясь с мыслями. До вечера ей так или иначе было нечего делать, появляться на объекте раньше времени не стоило. Кроме того, в случае полного провала, Ульрих мог обеспечить ей прекрасное алиби.

– Как-то все слишком быстро, – заметила Китиара.

– Ну, так а жизнь сегодня какая? – с улыбкой спросил детектив.

Девушка медленно кивнула.

– Я не против. Только не надо в кино или ресторан, меня от них тошнит.

– Тогда... О, знаю! – Ульрих оживился. – В экспоцентре у Южного вокзала вчера открылась выставка драгоценностей древних эльфов, поедем? Там такие бриллианты!

Китиара улыбнулась.

– С радостью.

– Вперед! – Ульрих резко дал газ.

Взревев, джип, совсем как хищный зверь, припал на заднюю ось и помчался к дымному облаку, накрывавшему центр Палантаса.

Как всегда по будним дням, в музее было немногочленно. Пустые залы завораживали тишиной и таинственным, с большим вкусом подобранным освещением. Китиара и Ульрих шли вдоль стендов, рассматривая скрытые за бронестеклом сказочные сокровища.

Чего здесь только не было! Диадемы, колье, браслеты, серьги, кольца, шкатулки из резного нефрита, единственные в мире эльфийские деревянные зеркала – ни один народ Кринна за всю историю так и не узнал секрета их выделки. В секции, посвященной оружию, Ульрих даже присвистнул. Такой коллекцией едва ли сумел бы похвастаться даже король Сильванести. Впрочем, большая часть драгоценностей, представленных в экспозиции, хранилась как раз в королевских сокровищницах.

– Такой выставки в Соламнии еще не было, – объяснял Китиаре детектив, пока они переходили из зала в зал. – Эльфы одобряют новые реформы, и вот, в знак дружбы... – он запнулся. Китиара, проследив за его взглядом, недоуменно подняла брови.

В центре зала, на пороге которого они стояли, возвышался стеклянный куб в два человеческих роста. Внутри, подвешенный на тончайших серебряных цепочках,

висел странный, около фута в диаметре металлический шар с многочисленными рычагами и кнопками по всей поверхности. Однако Ульриха и Китиару изумил вовсе не этот нелепый кусочек техники посреди царства роскоши; в углу зала стоял солдат в каске и камуфляжной форме.

И прямо на глазах потрясенных гостей, солдат разбил прикладом автомата витрину красивого стенда и принялся выгребать золотые украшения.

Ульрих на пару секунд потерял дар речи. Встревоженная Китиара положила руку ему на плечо:

– Идем, не связывайся...

– Спрячься за дверью, – сквозь зубы процедил детектив. В его руке незаметно возник пистолет.

– Эй! – Ульрих решительно шагнул вперед, поднимая оружие. – Полиция! Брось автомат, живо!

Солдат оглянулся.

– Чего?

– Брось оружие! – Ульрих навел пистолет на грабителя.

Солдат замер:

– Легче, парень...

– Оружие на пол! – рявкнул Ульрих.

Нахмутив брови, солдат аккуратно прислонил автомат к стене и выпрямился.

– Тебе нужны проблемы? – спросил он вызывающе.

– Проблемы? – Ульрих даже моргнул от такой наглости. – Я полицейский!

– А– а, ты не в курсе... – солдат нехорошо улыбнулся. – Мы взяли под контроль город. Все это, – он обвел рукой зал, – приказом коменданта отходит в собственность республики Соламния. Так что брось пушку, – солдат повысил голос. – Нам приказано стрелять в любого, кто окажет сопротивление!

Ульрих насмешливо поднял брови.

– "Мы" это кто?

– Освободительная армия, – заявил солдат. – Бросай пистолет, пока я не позвал ребят и они не сделали из тебя решето!

Ульрих покачал головой.

– Шесть лет в полиции, но такой наглости я еще не... – он хрипло вскрикнул и обернулся. Пока детектив держал под прицелом одного грабителя, другой бесшумно подобрался сзади, по коридору из соседнего зала, и уже поднял автомат, целясь Ульриху в спину.

Выстрелить ему не удалось. Притаившаяся за углом Китиара, которую солдат не мог видеть, спокойно шагнула вперед и нанесла короткий удар. Голова грабителя беспомощно мотнулась, будто воздушный шарик на привязи, в тишине отчетливо прозвучал треск позвонков.

Прежде, чем труп рухнул на пол, Китиара вырвала автомат из рук убитого и обернулась к первому грабителю. Тот, воспользовавшись заминкой, успел вновь схватить оружие и бросился в сторону, но короткая очередь Китиары алой плетью перечеркнула его грудь. Солдат с хрипом осел на пол.

– Вот так сходили в музей... – пробормотала девушка.

Измученный Ульрих смотрел на нее квадратными глазами. Китиара положила автомат на пол и выпрямилась.

– Прости, не было выбора, он собирался стрелять.

– Я... – детектив сглотнул. – Э– э... Ты в порядке? – Ульрих наконец опомнился.

Китиара вздохнула.

– Их могло быть больше. Не расслабляйся.

Детектив вздрогнул.

– Кто ты на самом деле? – спросил он быстро.

– Не важно, – сквозь зубы процедила Китиара. – Отсюда надо уходить, быстро. Сейчас мы пойдем к выходу, друг за другом, ты впереди, я сразу за тобой. Иди спокойно и делай вид словно разглядываешь драгоценности...

Ее прервала автоматная очередь. Пули пронеслись совсем рядом и вдребезги расколотили стеклянный куб, стоявший в центре зала. Стальной шар, висевший на цепочках, сорвался; мрачно поблескивая, он бесшумно откатился в угол.

Китиара и Ульрих среагировали почти одновременно: бросившись в стороны, они прижались к стенам по разные стороны коридора. Девушка при этом успела схватить автомат убитого солдата.

– Прикрывай! – крикнула она. Детектив, отрывисто кивнув, упал на колени и открыл огонь в сторону нападавших. Китиара длинным прыжком миновала простреливаемый коридор.

– Беги к выходу, я прикрою! – выдохнула она.

– Нет уж, ты первая и не спорь! – Ульрих мотнул головой в сторону второй двери. – Давай!

Стиснув зубы, Китиара кивнула. Пока детектив, прячась за статуей, стрелял по коридору, она подползла к трупам первого солдата и сорвала с его пояса пару гранат. Второй выход из зловещего зала был пока пуст, очевидно мародеры плохо знали планировку музея.

Благополучно миновав несколько экспозиций, Китиара добралась до выхода. Там она быстро протерла рукоять и цевье автомата платком, сунула оружие под батарею отопления и, уверенным шагом, направилась к стальной двери с надписью "Служба безопасности". На стук, разумеется, никто не ответил.

Внимательно оглядев пустое фойе, Китиара повернула ручку двери и вошла в комнату охраны. Следов крови здесь не было, очевидно сопротивления солдатам не оказали. Китиара стремительно подошла к большому пульта, куда выводились картинки с камер наблюдения.

У стены, в железном шкафу, мигали огоньками несколько видеомониторов. Девушка вытащила кассеты из каждого, сложила их аккуратной стопкой на крышке верхнего монитора и положила рядом две гранаты. Выдернув чеку, Китиара стремительно покинула комнату.

Она едва успела отойти от двери, как тут вырвал с корнем мощный взрыв. В облаке дыма и кирпичной пыли девушка покинула музей.

Улица была совершенно пустой, будто вымершей. Следы от танковых гусениц на асфальте заставили Китиару скрипнуть зубами: плохо дело. Солдат не врал... Прежде, чем люди прибежали на взрыв, Китиара быстро скользнула в переулок и направилась прочь от музея. Ждать Ульриха она не стала.

Город вымер. Редкие пешеходы жались к стенам домов и спешили покинуть улицы, витрины магазинов скрылись под железным занавесом жалюзи. Время от времени по дорогам проносились одинокие машины, раз мимо Китиары проехал

бронетранспортер, облепленный солдатами.

Район Ут'векент, куда направлялась девушка, считался зажиточным, хоть находился и не в центре города. Китиара бывала тут раньше, в первые месяцы когда приехала в Палантас. По приказу командира, она должна была хорошо изучить город.

Улица Зенке кольцом окружала одинокий холм, удивительно похожий на гигантскую, ушедшую в землю округлую бомбу. Когда-то с его вершины к облакам тянулась чудовищная башня Высшей Магии, разрушенная две с половиной тысячи лет назад, но до сих пор изображенная на гербе Палантаса. Сегодня холм, носивший имя Астинуса, был утыкан десятками роскошных собственных домов. Однако нужный Китиаре белый трехэтажный особняк под номером 40 расположился не на холме, а с противоположной стороны улицы.

Десятки снимков и подробное описание распорядка дня жертвы Китиара знала наизусть. Девушка была готова сутками ждать удобной минуты, притаившись на крыше отеля, в четверти мили от усадьбы. Но она точно не ожидала увидеть свою жертву у дверей дома, беседующим с высокой блондинкой. Рядом стоял большой белый внедорожник с багажником на крыше, носильщики грузили туда чемоданы и сумки. Двое охранников лениво курили, облокотившись на двери машины.

"Все логично", со странным спокойствием поняла Китиара. Вчера в Тарсисе ее соратники убили предпоследнего террориста, сегодня в Палантасе начался путч – надо быть ненормальным, чтобы не встревожиться. На месте последнего ублюдка она тоже пустилась бы в бега.

Упускать такой шанс было преступлением. Стремительно шагнув в тень, Китиара сорвала рюкзак, выхватила винтовку, воткнула ствол. Приклад и прицел на таком расстоянии не понадобятся...

Террорист как раз повернул голову в ее сторону и застыл на короткий миг, широко раскрыв глаза. Еще полсекунды – и шок сменится паникой, он с воплем бросится в укрытие, охранники судорожно рванут из-за поясов пистолеты... Китиара не дала мерзавцу эти полсекунды. Навскидку, почти не целясь, она вогнала ему в лицо крупнокалиберную разрывную пулю. Голова ублюдка взорвалась вулканом крови.

К чести охранников, те среагировали мгновенно: труп не успел упасть, когда

один из них в прыжке попытался оттолкнуть жертву с линии огня. Он опоздал всего на долю секунды, прикрыв собой мертвеца. Второй с криком подскочил к блондинке, сбил ее с ног и моментально уволок под прикрытие машины. Китиара передернула затвор винтовки, готовясь принять бой.

Она не успела: позади раздалось характерное шипение стартующей ракеты, и прямо над плечом Китиары промчался мощный противотанковый снаряд. Джип скрылся в огненном облаке, волна жара заставила девушку с криком заслониться ладонью. Горящие обломки машины, будто во сне, посыпались на асфальт.

Слегка опомнившись от неожиданности, Китиара судорожно обернулась. Футах в сорока на тротуаре стоял широкоплечий человек громадного роста в черном плаще с высоким воротником. В руке он держал дымящийся гранатомет.

Сердце Китиары остановилось: на сей раз незнакомец был без каски, и она совершенно ясно разглядела его лицо. Эти черты было трудно забыть: едва ли в мире существовала другая рыжеволосая девушка с карими глазами, ростом и сложением похожая на минотавра.

Китиара– 2 не стала ждать, пока ее копия придет в себя. Сняв с плеча довольно объемистую спортивную сумку, она поставила ее на тротуар, указала на нее пальцем, молча улыбнулась и... растворилась в воздухе вместе с гранатометом. Остался лишь сизый пороховой дым – да взорванный джип. У настоящей Китиары подкосились ноги.

– Я схожу с ума... – прошептала она.

Так это, или нет, еще предстояло выяснить, однако оставаться рядом с горячей машиной уж точно было безумием, и Китиара судорожным усилием воли заставила себя собраться. Помогла многолетняя выучка. Она механически отсоединила ствол от винтовки, сунула оружие в рюкзак. Под взглядами шокированных прохожих, покрытая пеплом девушка на негнущихся ногах подошла к месту, где недавно стояла ее копия, подняла спортивную сумку, повесила ее на плечо и стремительно зашагала прочь.

В разуме Китиары царил полный хаос.

Остаток ночи Скаг тщетно пытался заснуть. Он смутно чувствовал в воздухе тревогу, будто перед грозой, и не мог найти себе покоя, хоть и не понимал, от чего. Глубокой ночью, устав ворочаться, Скаг подтащил к кровати маленький черно–белый телевизор, которым Шшан гордился не меньше чем грузовичком, несколько минут сосредоточенно крутил рукоять динамо, заряжая батарею и, наконец, приглушив звук, включил на канал новостей. Там, разумеется, спорили о политике; новый закон уже второй месяц оставался в центре внимания. На сей раз шли публичные дебаты в большой, многолюдной студии.

– Я требую пересмотра Акта о равенстве рас и ввода обязательной регистрации приезжих, особенно хобгоблинов и кендеров... – говорил в микрофон пожилой седовласый человек с военной выправкой. Скаг некоторое время отрешенно слушал голоса плосколицых, тщетно пытаясь пробудить в себе интерес.

Передачу вскоре прервали сюжетом, снятым в минотавровых и драконидских резервациях. Губы Скага искривила горькая усмешка. Не в силах видеть фальшивую радость на лицах сородичей, он выключил телевизор и крепко зажмурил глаза, приказывая себе уснуть. Но усталое тело сдалось лишь под самое утро.

Молодому ящеру снились драконы, прекрасные и величественные. Даже во сне Скаг боялся попадаться им на глаза, уверенный, что встретит лишь ненависть и смерть. Он прятался в тени, дрожа, с трепетом наблюдая как изумительные создания парят на широких крыльях, и у него разрывалось сердце от мысли, что целое поколение этих фантастических существ было жестоко погублено с целью дать жизнь родному племени Скага. Всякий раз после таких снов молодому дракониду становилось плохо.

День и ночь, все годы с тех пор, как узнал, Скаг повторял себе, что вина за содеянное лежит на плосколицых. Творцов, как и родителей, не выбирают. Он много читал о колдунах Вирлише и Дракарте, по легенде создавших драконидов, и в гневе отметал любые документы, где упоминался третий создатель – алый дракон Харкээл. Драконы были слишком прекрасны, чтобы породить такое зло. Как мог дракон

содействовать в уничтожении целого поколения собственных родичей?

В глубине души, даже мысленно боясь признаться, Скаг верил, что его таинственный отец явился из вырезанного сто лет назад племени сайваков. Дракониды делились на пять племен, два из которых плосколицы уничтожили на корню, а остальным милостиво позволили доживать свой век в резервациях. Золотистые бескрылые аураки были истреблены первыми, они всегда отличались высоким интеллектом и огромными способностями к магии. За ними, спустя несколько веков, последовали серебряные сайваки, единственные из драконидов, умевшие летать. Остальные не представляли опасности для плосколицых, да и нравы к тому времени немного смягчились. Приняв закон, обязывавший любого дракониды обрубать крылья собственным детям сразу после их вылупления, плосколицы успокоились.

Успокоилось и большинство драконидов, которым особо ничего и не требовалось, кроме тихого существования на задворках цивилизации. Скаг к ним не относился. Он так отличался от прочих, словно в самом деле был отпрыском другого рода...

Предрассветные сны – самые яркие, поэтому даже спустя пару часов, уже сидя рядом с Шшаном в кабине старенького грузовичка и слушая вой мотора, Скаг вновь думал о драконах. Когда-то, в эпохи давно минувшие, далекие предки Скага, возможно, летали верхом на этих созданиях, участвовали в войнах, пронзали копьями ненавистные плоские лица. Скага даже передернуло, столь яркая картина возникла в разуме.

...Сверкающий алым пламенем дракон мчался в атаку, его победный рев звучал музыкой в ушах всадника. Закованные в сталь пальцы Скага сжимали копьё. Впереди из дымки подымался вражеский замок, и Скаг знал, что скорее всего погибнет, не долетев до стен, погибнет вместе с драконом – и как же мало это заботило их обоих!..

– Варрра!!! – боевой клич прозвучал смешно и нелепо на фоне воющего мотора. Опомившись, Скаг помотал головой и смущенно оглянулся на Шшана. Тот, однако, не обратил внимания на срыв юного дракониды – Шшан с тревогой прислушивался к звуку двигателя.

Прислушался и Скаг. Что-то не так... Мотор слишком громко гудел.

Остановишься у обочины, Шшан выбрался из кабины и поднял капот.

– Агррх! – вырвалось у него. Из радиатора с шипением валил пар. Проклиная жару, Шшан обмотал руку тряпкой и отвернул крышку; она подскочила футов на шесть.

– Что б тебя! – Шшан с чувством ударил грузовик хвостом. – Скаг! Приехали.

Серебряный драконид вылез из кабины.

– Что случилось?

– Не видишь? – зло спросил Шшан.

– Вижу, но почему?

– Да потому что это не машина, а кусок плосколицего дерьма! – Шшан яростно пнул бампер. – Дело дрянь. Без воды не проедем и мили. Хорошо хоть я вовремя заглушил мотор...

Скаг озадаченно уставился на грузовичок.

– Где же взять воду?

– Тормозить проезжих, – мрачно ответил Шшан.

При мысли об ухмылке на плоском лице, у Скага потемнело в глазах. Тем временем Шшан, глухо зашипев, вытащил из– под сидения набор ключей и, с рычанием обжигаясь о раскаленный двигатель, принялся снимать заклинившую помпу. Из радиатора доносилось бульканье кипящей воды. Не выдержав жара, Шшан ярвкнул и отпрыгнул назад, морщась от запаха паленой чешуи.

– Придется обождать, – буркнул он. Скаг пожал обрубками крыльев.

– Подождем...

Они уселись на обочине. Шшан принялся ножом отколупывать себе сгоревшие чешуйки с запястий, а Скаг закрыл глаза, собираясь погрузиться в мечты, но тут тихий шелест покрышек заставил его поднять голову. Рядом с грузовичком остановилась настолько роскошная открытая машина, что у Скага отвисла пасть.

Бледно– сиреневый спортивный автомобиль напоминал сплюснутый наконечник стрелы. Зеркальные диски надменно отражали унылые холмы, в тонких полосочках фар сквозило чувство превосходства. Машина одним своим видом давала понять, сколь чудовищную сумму выложил за нее владелец.

Точнее, владелица. Эльфийка, сидевшая за рулем, походила на красавицу из

фильмов; она обладала тонким, граненым лицом, высоким лбом и не по-эльфийски пышным бюстом. Как обычно бывает у эльфов, определить возраст на взгляд было совершенно невозможно.

Длинные золотые волосы струились по ее плечам. Незнакомка была одета в обтягивающую двойку того же цвета, что и машина, носила на левой руке новомодные электронные часы, а в ухе – одну серьгу, явно не драгоценную. Пока драконицы, раскрыв пасти, разглядывали ее автомобиль, эльфийка вышла на дорогу и окинула критическим взглядом закипевший грузовичок.

– Помпа? – спросила она низким хрипловатым голосом.

Измученный Скаг машинально кивнул.

– Куда путь держите? – незнакомка присела на капот своей машины. Ростом она достигала пяти с половиной футов, идеально сложенная фигура дышала энергией. Эльфийка была самой красивой плосколицей самкой из всех, виденных Скагом.

– Мы?.. Э– э... На рынок... – пробормотал Шшан. – Мэм, быть может вам лучше ехать дальше, мало ли что, еще подумают будто мы вас задерживаем...

– Я сама решаю, что лучше, – оборвала эльфийка. Достав из кармана портсигар, она губами вытянула оттуда тонкую сигарету и протянула другую Скагу. – Куришь?

Молодой драконид прижал гребень.

– Нет!

– Правильно делаешь, – незнакомка двумя пальцами отщелкнула сигарету в сторону и, струящимся хищным движением, сунула портсигар в карман, успев по пути чиркнуть встроенной в него зажигалкой и закурить. – Я Лорана. Как твое имя?

– Лорана?! – Скаг подпрыгнул.

– Знаешь меня? – эльфийка прищурила глаза.

Драконид зажмурился, прогоняя наваждение.

– Нет... мэм. Просто знакомое имя.

– Понятно, – Лорана усмехнулась. – Назвали в ее честь. А ты кто?

– Мэм, он всего лишь... – начал Шшан, однако резкий жест оборвал его на полуслове:

– Твой юный спутник может и сам ответить, – холодно заметила эльфийка. – И так? Я жду.

– Я? – молодой драконид растерялся. В его довольно скучной жизни такое количество событий разом еще не случалось. – Я... Скаг. Скаг Ваграат бааз'Тгарра.

– Понятно, – Лорана смерила ящера внимательным взглядом. – Скаг, вчера я видела по телевизору передачу из местной резервации, и там был один серебристый драконид, очень похожий на тебя. Его даже звали, как тебя.

Скаг удивленно приподнял гребень.

– Так они все же пустили меня в эфир? – он оскалился. – Я не слишком понравился журналисту...

Лорана усмехнулась.

– Пусть теперь говорят, что богов нет, – она затянулась сигаретой и выдохнула целое облако лилового дыма. – Скаг, я ехала за тобой. Ты мне нужен.

– Я? – переспросил драконид.

– Ты чистокровный сайвак.

Скаг запнулся.

– Моя мать из племени баазов, – ответил он после долгой паузы. – А отца никто не знает...

– Его знаю я, этого достаточно, – оборвала эльфийка.

– Вы знаете моего отца?! – переспросил Скаг.

– Едва ли он мне лично знаком, – Лорана потянулась, как кошка перебрав плечами. – Но ты много говоришь. Узнаю сайвачью породу. Садись, – она кивнула на свою машину. – Брось этот металлолом здесь, я дам тебе столько денег, что купишь нормальную тачку.

Скаг попятился.

– Мэм, зачем я вам нужен?

– Для очень приятной миссии, – Лорана усмехнулась. – Мне требуется твое семя. Я пытаюсь возродить сайваков.

Изумленный Шшан покачнулся.

– И вы хотите... Чтобы он...

– У меня есть несколько чистокровных самок, – оборвала Лорана. – Самца я

ищу почти год.

Скаг надолго умолк.

– Нет, – сказал он наконец. – Никогда.

– Что? – Лорана даже вынула сигарету. – Я ослышалась?

– Никогда, – с ненавистью повторил Скаг. – Я не животное. Не племенной конь!

Лорана сдвинула брови, окинула дракониду насмешливым взглядом и внезапно расхохоталась.

– Скаг.. – заметила она, успокоившись. – Будь ты животным, я бы просто усыпила тебя транквилизатором, поместила в сарай и доила бы, как корову. Но я предлагаю тебе работу. И много денег.

– Вас даже не волнует, хотят ли этого дракониссы?!

Лорана фыркнула.

– Не понравиться им – любовь заменит шприц...

Скаг дернулся:

– Вы говорите обо мне, будто я жеребец!

– А это не так? – серьезно спросила эльфийка.

Драконид задохнулся. Но, пока он подыскивал ответ, Лорана заговорила сама:

– Я, конечно, тебя уговаривать не собираюсь. Рано или поздно я найду другого самца. Но ты вот о чем подумай, Скаг: знаешь, зачем мне чистокровные сайваки? – Лорана закинула ногу за ногу и взглянула на дракониду. – Я хочу возродить одну легенду. Ты слышал, верно, о происхождении вашего рода, – она кивнула, заметив, как вздрогнул Скаг. – Слышал. Так вот. Есть способ вновь превратить несколько яиц драконидов в одно драконье.

Эльфийка скрестила на груди руки.

– Но для этого годятся только яйца сайваков и аураков. Потому–то их и вырезали... Я пойду на все, слышишь – на все, лишь бы добиться своей цели.

Потрясенный Скаг прислонился к грузовику, чтобы не упасть.

– Вашей цели?.. – прошептал он.

– Да, – сухо ответила Лорана. – Я хочу летать на драконе.

Повисло тягостное молчание. Внезапно Шшан обернулся к Скагу и дал ему

такую пощечину, что юный драконид едва не потерял равновесие.

– Очнись! – резко бросил торговец.

Скаг, зашипев, помотал головой, приходя в себя.

– Я... – он глубоко вздохнул и с признательностью посмотрел на Шшана. – Спасибо.

Торговец, оскалив клыки, обернулся к молча глядевшей на них эльфийке.

– Мэм, как вас там, – он угрожающе помахивал хвостом. – Ехали бы вы дальше?

Лорана невозмутимо кивнула.

– Успею еще, – она небрежным, легким движением встала с капота своей роскошной машины и подошла к грузовичку. Заглянула в кузов.

– Ого! – ничуть не смущаясь, что хозяева стоят рядом, Лорана протянула руку и сдернула рогожу с драконьего яйца. – Надо же, как хорошо сохранилось. Откуда оно у вас? Везете на продажу? Я куплю. Сколько?

– Не продается! – рявкнул Шшан.

– Куда ж вы его везете? – поинтересовалась эльфийка.

– Никуда, – буркнул торговец. – Побоялся оставить дома...

Лорана фыркнула.

– Да кому нужна эта окаменелая скорлупа? Там даже зародыша нет.

Дракониды отпрянули.

– Что?! – переспросил Скаг.

Эльфийка рассмеялась.

– Вы, ящеры, несете яйца, и не можете определить, когда птенец уже вылупился? – она небрежно ткнула пальцем в едва заметную полоску на изумрудной скорлупе. – Вас обманули, хвостатые. Из этого яйца давным–давно вылупился дракон, а потом, много лет спустя, кто–то тщательно собрал все скорлупки и облил цементирующим средством.

Скаг яростно ударил хвостом в землю.

– Нет! Я не верю!

– Не верь на здоровье, мне–то что? – Лорана усмехнулась. – Я, к слову, владею самой большой в Ансалоне драконьей коллекцией. У меня есть даже череп Келеандроса, более известного под именем Скай. Да, да... – добавила она, видя, какое

впечатление произвела на Скага. – Тот синий, что некогда захватил Соламнию и перебил всех драконов на сто миль вокруг Палантаса.

– Как... перебил? – с запинкой спросил юный драконид.

– Да ты совсем не ведаешь собственной истории! – удивилась Лорана. – Едем со мной, Скаг! Если любишь драконов, я – твоя самая большая удача. В Соламнии нет никого, кто знал бы о драконах больше меня.

Скаг страшным усилием воли взял себя в лапы.

– Нет... мэм. Я не поеду.

– Ух, какой гордый... – протянула эльфийка. Прищурившись, она очень внимательно посмотрела в лицо Скагу и, едва заметно, улыбнулась. – Скажи– ка, юный ящер... Ты ведь знаешь, как было создано твое племя? Зна– а– аешь... – эльфийка погрозила ему пальцем. – Я вижу стыд в твоих глазах.

– Да что вы к нам пристали! – взорвался Шшан. – Скаг, лезь в кабину, мы едем!

– Молчать! – рявкнула Лорана и вновь обернулась к юному дракониду. – Не отпирайся, я знаю, каково тебе. Подумай хорошенько, Скаг: я ведь дарю шанс искупить вину перед драконами! Да еще и столь приятным образом! Ты потом всю жизнь когти грызть будешь...

– Он не поедет, мэм, – оборвал Шшан. – Достаточно. Вижу, вы от нас так просто не отстанете...

Торговец скрипнул зубами и, внезапно обернувшись к Скагу, задрал кусок ткани, свисавший с пояса молодого дракониды. Тот от неожиданности моргнул, затем зашипел и поспешно прикрылся ладонью. Шшан гневно взглянул на эльфийку.

– Видели? – спросил он сухо. – Не знаю, по каким драконам вы спец, но в драконидях не разбираетесь совершенно. Скаг слишком молод, он станет мужчиной лишь через десять – пятнадцать лет. Так–то.

– Шшан! – Скаг отпрянул. – Ты позоришь меня!

– Лучше тебя опозорю я, чем ты опозоришь всех нас... – сквозь зубы процедил торговец.

Лорана с досадой топнула ногой.

– Хорошая попытка, – гневно заявила эльфийка. – Но блеф со мной не

проходит. Скаг прекрасно справится, если захочет! И пусть Такхизис пожрет меня, если он НЕ ХОЧЕТ. Ты ведь хочешь, а, Скаг? – спросила она коварно. – Еще бы! Так плюнь на свою дурацкую гордость, поехали!

Скаг с силой перевел дыхание и шагнул вперед.

– Нет, – сказал он спокойно. – Я не поеду.

Лорана помолчала. Затем, вздохнув, она вынула из кармана перламутровую визитку, шагнула вперед и, не говоря ни слова, сунула ее Скагу за пояс. По лицу эльфийки было видно, что ей очень хочется схватить драконида, сунуть в машину и, по ее выражению, "доить", пока от того не останется высохший скелет.

– Мы еще увидимся, ящер, – предупредила Лорана. – И очень скоро.

Вскинув голову, она резко отвернулась, взметнув целое облако золотых волос, и направилась к своей машине. Драконида молча смотрели вслед.

Из– за яростного разговора, никто из троих не обратил внимания на гул мощных моторов, доносившийся издали. С каждым мигом гул становился все ближе.

Прежде, чем эльфийка успела завести машину, из– за поворота дороги показался источник шума. Полсотни тяжелых танков гремели по асфальту, на броне каждого сидели солдаты. Следом за танками, маленькие и безобидные на их фоне, ехали колесные бронетранспортеры, их было так много, что конец колонны терялся в сизом дыму от моторов. Ошарашенные драконида и не менее изумленная Лорана попятились на обочину.

Головной танк поравнялся с грузовичком и, грохоча трансмиссией, замер, вспахав дорожный настил зубастыми траками. Один за другим остановились следующие танки, солдаты попрыгали с брони и окружили драконида плотным, угрожающим кольцом. Перепуганный Скаг прижался к грузовичку.

– Что происходит? – старательно маскируя испуг, спросила Лорана.

В башне головного танка откинулся люк. Пожилой офицер, высунувшийся оттуда, одним своим видом дал ответ на все вопросы. Даже Шшан вздрогнул при виде скандально известного государя Беарнаса Арато, недавно отправленного в отставку за непримиримость и резкие высказывания на публике. Лорана вполголоса выругалась.

– Тише, тише... – Арато вылез из люка и присел на край башни, словно

мальчишка свесив ноги. – Ребята, не налегайте! – он помахал солдатам. – Спокойнее...

– Государь мой, я бы хотела знать, что происходит, – чуть громче повторила эльфийка.

Беарнас только теперь обратил на нее внимание. Некоторое время молча смотрел, как бы размышляя, ответить или сразу прикончить.

– Лорана А'Кьонти... – произнес наконец Арато. – Дочь высокого эльфийского рода, голубая кровь, истинная аристократка, гордость Сильванести. Интересно, почему я совсем не удивлен, встречая тебя в компании грязных рептилий?

– Государь Арато! – возмутилась эльфийка.

– Я уже тридцать лет государь, – сухо отозвался Беарнас.

Лорана уперла руки в бока.

– Скажет мне кто-нибудь, наконец, что здесь творится?!

Арато усмехнулся. На его каменном, будто гранитном лице, усмешка казалась зловещим оскалом.

– Ничего особенного, – сказал он спокойно. – Мы лишь хотим призвать к ответу предателей в так называемом правительстве.

Лорана отпрянула.

– Путч?! – она окинула взглядом нескончаемую колонну техники и слотнула.

Арато удовлетворенно кивнул.

– Правильно смотришь, Лорана, правильно. Видишь ли, ЭЛЬФ... – он произнес это слово как ругательство – ...нам надоело, что правительство цацкается со всяким отребьем больше, чем с собственным народом. Нам надоело, что всем заправляют остроухие нелюди, а по улицам шастают гоблины, кендеры и прочая мразь. Нам оп-ро-ти-ве-ло, что гномы и даже кентавры легко получают работу, в то время как люди, проливавшие кровь за свою страну, спят под мостами и пухнут с голоду! Парни, – государь взглянул на солдат. – Нам надоело, правда?

Одобрительный рев был такой, что у Скага подкосились ноги. Испуганный Шшан стиснул ладонь друга, призывая к молчанию. Угроза на лицах солдат была совершенно не шуточной.

Беарнас молча ждал, пока надменность и чувство превосходства в глазах

Лораны полностью испарятся. Чем бледнее становилась эльфийка, тем шире растягивались в улыбке губы пожилого офицера. Солдаты пока не проявляли враждебности, но было ясно, что по первому жесту командира они буквально растерзают троицу попавших под горячую руку "нелюдей", и – возможно, впервые в истории – на миг драконида и эльфы станут равны.

– Государь Арато... – Лорана с усилием взяла себя в руки. – Если Сильванести ответит ударом на вашу агрессию, начнется ужасная ядерная в...

– Война, – холодно оборвал офицер.

Лорана моргнула.

– Неужели вы к ней и стремитесь?!

– Отнюдь, – Беарнас покачал седой головой. – Ключ в том, что Сильванести этой войны хочет еще меньше нас. Война нынче слишком дорого стоит. Так что, высокородная Лорана, отныне вам придется считаться с Соламнией не только на словах. Вы как, справитесь? – поинтересовался он совершенно серьезно и, больше не тратя время, махнул солдатам:

– Всех троих в командный БТР, в наручниках, – распорядился Арато. – А этот... символ, – его взгляд упал на красавицу– машину Лораны, – Под танк!

– Нет! – закричала эльфийка. – Не смейте! Это ручная работа!!!

Криво усмехнувшись, Беарнас отвернулся. Солдаты потащили перепуганных драконида и отбивающуюся Лорану к бронетранспортеру.

5

Лишь спустя долгое время чудовищная круговерть мыслей слегка поутихла. Китиара отыскала уединенную скамейку среди кустов, в маленьком парке рядом с вокзалом. Еще никогда с той проклятой ночи, пять лет назад, ей не было так плохо.

То, что она видела, могло быть вызвано только магией. Китиара, как и полагается современному человеку, в магию не верила, хотя и знала, что в древности волшебство на Кридне было неотъемлемой частью жизни.

Проклятие, но она же не в сказке живет! Она член эльфийской боевой группы, с многолетним опытом, сегодня она прикончила последнего ублюдка, виновного в

чудовищном преступлении! Тогда, пять лет назад – мертвые единороги были совершенно не сказочными. Годы в поиске, кровь, погони и допросы, две успешные миссии, все это было наяву, а не во сне!

Китиара зажмурилась и яростно стиснула кулаки. Есть факт: сегодня она видела саму себя. Вторую Китиару. Более того, дубликат спас ей жизнь и вручил сумку, где лежал ажурный металлический шар из музея. Вот она, эта сумка – рядом. Ее потрогать можно. Галлюцинации обычно не такие материальные...

– Кити?!

Девушка подпрыгнула от неожиданности. Между кустами, на дорожке, посыпанной красным песком, стоял Ульрих.

– Ты? – Китиара моргнула. – К– к– как ты меня нашел?!

Ульрих смерил девушку недоверчивым взглядом.

– Когда ты успела переодеться?

– Что?! – Китиара отпрянула.

– Ты ведь отыскала плащ... – Ульрих запнулся. – Постой, что случилось? Откуда сажа? Почему у тебя опалены волосы?!

Китиара судорожно вздохнула.

– Ульрих, что тебе говорила девушка в плаще?

– Девушка в плаще?.. – детектив опустил на скамью и помотал головой. – Хочешь сказать, это была не ты?!

Китиара сглотнула.

– Я не знаю... Сегодня какой-то невозможный день...

– Да уж, – с чувством отозвался Ульрих.

Девушка на миг зажмурилась.

– Расскажи, умоляю!

– О чем?

– Где ты встретил... меня?

– Встретил? – переспросил Ульрих. – Ты спасла мне жизнь в музее! Как ты узнала, что в комнате охранников бомба?

– Бомба?.. – растерянно прошептала Китиара.

– Кити, ты меня пугаешь, – серьезно заметил детектив. – Когда ты прикончила

солдат, я удивился. Когда ты вернулась за мной и спасла от бомбы, я восхитился. Но сейчас я просто испуган. Что происходит? Зачем тебе понадобилась та круглая штука из музея? И что за странный плащ, который то появляется, то исчезает?!

Китиара судорожно стиснула зубы. Очнись. Очнись.

– Ульрих... – она встряхнулась. – Девушка в плаще – не я. Просто похожа.

– Допустим, – согласился детектив. – Тогда объясни, откуда у тебя ее сумка?

Китиара вздрогнула.

– Я... Тоже с ней встретила. Недавно.

– И она передала тебе сумку?

– Д– да...

– И не сказала, что сама привела меня в этот парк?

Китиара глубоко вздохнула. Наконец–то, хоть что–то стало проясняться.

– Ульрих, с нами кто–то играет, – тихо сказала девушка. – Помнишь, как мы познакомились? Я встретила в автобусе старушку, ехавшую к сыну. Ульрих, девушка в плаще – она тоже была в автобусе, просто я не обратила внимания!

– Кити, нет никакой девушки в плаще, – серьезно ответил детектив. – Я пока не слепой. От бомбы меня спасла ты, а не "просто похожая" женщина.

– Ульрих, это я подложила бомбу в комнату охраны. Уничтожила записи камер наблюдения.

Детектив прищурил глаза.

– Не скажу, что удивлен. Быть может, пора открыть, кто ты на самом деле?

– Не важно, – тихо ответила Китиара.

– Кому как. Мне было бы чертовски приятно это узнать.

Девушка отвернулась.

– Я работаю на правительство. Большого ты от меня не узнаешь, так что советую сменить тему.

– Правительство? – переспросил Ульрих. – Спецслужбы?

– Да.

– Вот так сюрприз... – детектив смерил девушку задумчивым взглядом. – Почему я должен тебе верить?

– Не должен, – коротко ответила Китиара.

– Я и не верю.

– Правильно.

Они помолчали.

– И все же, зачем ты меня сюда притащила? – спросил Ульрих. – Ладно, ладно, не ты, а "девушка в плаще".

– Не знаю.

– Но должен же быть хоть какой–то смысл у всего этого безумия? Скажем, та круглая штука, из музея... – Ульрих кивнул на сумку. – Зачем она?

– Не имею понятия.

– Прости, в это я точно не верю.

Китиара опустила голову.

– Не верь. Только я действительно не знаю.

– Ты вернулась в зал специально ради нее...

– Там была не я!

Ульрих запнулся.

– А кто?

Китиара стиснула зубы.

– Возможно, моя сестра– близнец.

– А у тебя есть сестра?

– Два часа назад точно не было.

– Весело... – протянул детектив.

– Я не дура! – взорвалась Китиара. – Думаешь, я не смогла бы придумать более достоверную сказочку?! Вокруг нас что–то происходит! Голову даю на отсечение, сегодня я видела саму себя –точную копию! И я прекрасно знаю, как это звучит!

Ульрих в глубокой задумчивости провел пальцами по усам.

– Интересно.

– Еще как, – буркнула Китиара.

– Выходит, твое альтер– эго решило свести нас вместе и подарить древнеэльфийский сферический тостер?

Девушка с трудом улыбнулась.

– Выходит, так.

– Какая, однако, умная у тебя копия! – восхитился детектив. – Хочу с ней познакомиться! Уж если первое свидание с тобой едва не вылилось в мировую войну, представляешь, каким станет свидание с двумя?

– Не вижу ничего смешного, – хмуро отозвалась Китиара. Ульрих вздохнул.

– А ты поставь себя на мое место. Вчера я познакомился с яркой и интересной девушкой. Пригласил ее в музей. Пока мы смотрели бриллианты, случилась революция, но это не в счет, так, мелкие неприятности. Зато, как выяснилось, моя новая подруга работает в спецназе, здорово стреляет, устраивает неплохие взрывы, страдает раздвоением личности и носит в сумке реликвии древних эльфов. Ах, да... – детектив криво улыбнулся. – Я забыл добавить, что познакомились мы лишь благодаря убитым пять лет назад единорогам...

Китиара резко повернулась:

– Не смей, – сказала она с угрозой.

Ульрих запнулся.

– А..?

– Единорог для тебя лишь белая рогатая лошадь, – Китиара стиснула кулаки. – Ты никогда не поймешь, ЧТО произошло той ночью!

Детектив помолчал.

– Кажется, я начинаю понимать...

– Молодец, – Китиара резко встала. – Хватит гадать на песке. Здесь мы ничего не узнаем. Прежде, чем размышлять о раздвоении моей личности, неплохо бы ознакомиться с обстановкой в городе, а еще лучше – убраться из Палантаса подобра-поздорову. Что-то мне подсказывает, в ближайшие месяцы столица будет не самым спокойным местом для жизни.

Ульрих поднялся со скамьи и развел руками.

– Согласен на все сто.

– Ты был у машины? Она в порядке?

Детектив покачал головой.

– Не был.

– Проклятие, стоянка у самого вокзала... – Китиара глубоко вздохнула. – Ну,

чему быть, того не миновать. Идем! – она первая зашагала вперед.

Следом, едва поспевая за высокой девушкой, двинулся и Ульрих.

Как верно предвидела Китиара, солдат у вокзала было много. Вернее, не только солдат; несколько танков и целый десяток БТР расположились на огромной площади, заполненной людьми. Толпа бурлила и шумела, гомон висел над городом. Напряженная Китиара молча оглядывалась.

Вдали что-то происходило: сквозь шум толпы пробивались усиленные мегафоном голоса. Несколько спецназовцев в черных масках, с устрашающе длинными антиснайперскими винтовками, демонстративно стояли на броне танков, держа оружие наперевес. Ульрих и Китиара нашли местечко за каменной оградой на краю площади, подальше от других людей. Они еще не совсем пришли в себя после удивительных утренних событий.

– Так... – детектив размышлял вслух. – Бунтовщики времени явно не теряли. Но почему не было стрельбы, почему? Как им удалось захватить город за пару часов?!

– Должно быть, их ждали, – хмуро сказала Китиара. Она уже опомнилась после шокирующей встречи с собственной копией, хотя в ногах до сих пор чувствовалась неприятная слабость.

– Кити, я полицейский, – напомнил Ульрих. – Если полиция участвует в заговоре, меня бы предупредили.

– Не обязательно, – возразила девушка. – Какой полисмен встанет на пути танка? Он спрячется и вызовет внутренние войска... – она кивнула на спецназовцев с винтовками.

Детектив неохотно кивнул.

– Ты права.

– Надо выбраться из города... – Китиара огляделась. – На месте бунтовщиков я бы в первую очередь перекрыла все дороги и коммуникации. Каждый выигранный час идет им на пользу, укрепляет позиции.

– Знаешь, Кити, а ведь у нас получилось просто потрясающее первое свидание, – неожиданно сказал Ульрих. – Я узнал о тебе больше, чем сумел бы за целую жизнь.

Девушка вздрогнула.

– Я... тоже кое– что узнала, – выдавила она.

Ульрих внезапно шагнул вперед и, поднявшись на цыпочки, дотянулся губами до щеки Китиары. Девушка отпрянула.

– Что ты де...

– Целую, – просто ответил Ульрих.

Они как–то разом умолкли и, не сговариваясь, обернулись в сторону площади, где продолжал выступать пожилой офицер с мегафоном в руке. Взволнованная Китиара тяжело дышала.

– Кто это? – спросила она, стремясь сменить тему.

– Кажется, Беарнас Арато, – Ульрих прищурил глаза. – Да, точно, он. Старый дурак, к сожалению, достаточно популярный...

– Думаешь, это он все устроил? – с сомнением спросила девушка.

Детектив покачал головой.

– Вряд ли. Такие, как Арато, мельтешат на экранах и орут в мегафоны как раз для того, чтобы никто не нашел истинных зачинщиков... Что случилось?

Оцепеневшая Китиара подняла дрожащую руку. Ульрих оглянулся и застыл: в пяти шагах от него у стены стоял второй Ульрих. Точно такой же, только одетый в темный плащ с высоким воротником. В руке второй Ульрих держал пистолет.

Несколько секунд царила жуткая тишина. Шокированный детектив обратился в статую, Китиара судорожно дышала. Молчание прервал двойник: бросив на Ульриха насмешливый взгляд, он внезапно вскинул оружие, трижды выстрелил куда–то влево–вверх и моментально испарился. На камни с глухим звоном упал пистолет.

За оградой взорвались крики. Ошеломленная Китиара оглянулась, чтобы посмотреть, куда стрелял призрак, но тут громадный спецназовец рывком перемахнул шестифутовый забор и сшиб ее на землю. Другие моментально скрутили Ульриха.

Что было дальше, Китиара не видела – ее вдавили лицом в песок и, хотя девушка могла бы шутя расшвырять солдат, она была слишком шокирована, чтобы

сопротивляться. Несколько минут не было слышно ничего кроме рева толпы и отрывистой переключки спецназа. Пару раз громыхнули выстрелы, но автоматных очередей, к счастью, не последовало.

Затем раздался знакомый сухой голос:

– Отпустите их.

Протирая глаза и отплевываясь от песка, Китиара поднялась на колени. Рядом точно так же отплевывался Ульрих. Их окружало плотное кольцо солдат в масках, а совсем рядом на раскладном стуле сидел тот самый пожилой офицер, что десять минут назад выступал на площади с мегафоном. Теперь он был в закрытом шлеме с акриловым забралом и в бронежилете.

– Похоже, ты спас мне жизнь, – сказал он Ульриху. – Кто ты?

Детектив с трудом перевел дыхание. Он все еще был потрясен встречей с двойником, но опомнился куда быстрее, чем Китиара в первый раз, и судорожно искал выход из ловушки.

– У нас забрали документы... – выдавил Ульрих.

Беарнас Арато щелкнул пальцами. Ему протянули кожаный бумажник Ульриха. Взглянув на удостоверение, государь поднял брови.

– Меня спасает полиция? Польщен. Только не верится.

Ульрих стиснул зубы.

– Я спасал не вас.

Арато усмехнулся.

– В это поверить легче... Кого же ты спасал, герой?

Детектив мотнул головой в сторону толпы на площади.

– Людей. Если бы вас убили, паника повлекла бы сотни жертв.

Арато задумчиво кивнул.

– Мудро, – он обернулся к Китиаре и с легким удивлением ее оглядел. – А вы, мисс?

Девушка сглотнула.

– Мы с Ульрихом гуляли, когда... Началось все это...

– Гуляли? – переспросил Арато. – Мисс, я, конечно, уже немолод, но прекрасно помню, как надо гулять с девушками. Поверьте, на такие прогулки редко

берут с собой винтовку.

– Винтовку?! – вскрикнул Ульрих.

Арато кивнул в сторону. Стоявший там спецназовец поднял полиэтиленовый пакет, где покоилось оружие Китиары. В другой руке солдат держал спортивную сумку с шаром из музея.

– Это не наше! – возмутился детектив.

Беарнас улыбнулся.

– А чье же?

– Откуда мне знать?!

– Быть может, твоя подруга даст ответ? – Арато перевел взгляд на девушку. – Мисс? Каким образом подобное оружие оказалось в потайном отделении вашего рюкзака?

– Кити? – Ульрих недоверчиво моргнул. – У тебя была винтовка?

– Не слишком – то вы хорошо знакомы, – иронично заметил Арато.

Китиара стиснула зубы.

– Я работаю на правительство. Спецоперации.

– Верю! – Арато оживился. – Безусловно, верю. И кого же вам приказали убрать?

– Не вас, – отгрызнулась девушка.

Государь усмехнулся.

– Хороший ответ...

Один из солдат склонился к его уху. Беарнас нахмурил брови.

– Уточни и доложи, – бросил он резко. Солдат, отдав честь, шагнул назад и снял с пояса рацию. Пока он говорил, Арато нетерпеливо постукивал пальцами по колену.

– Все точно, сэр, – доложил наконец солдат. – Описание соответствует. Женщина ростом в семь футов, массивная как танк, в военном жилете, короткие волосы ежиком. Это она.

Ульрих скрипнул зубами.

– Государь, не знаю, о чем вам сказали, но я не...

– Что произошло два часа назад на улице Зенке? – оборвал Арато, резко

подавшись вперед.

Китиара покачала головой.

– Там была не я.

– Но видели–то вас, мисс.

Девушка скрипнула зубами.

– Вы все равно не поверите...

– Я очень, очень доверчивый, – заметил Арато. – Но сейчас у нас нет времени для беседы. Я вернусь вечером, и уж тогда, надеюсь, вы все объясните... – он встал и жестом подозвал солдата. – Обоих в командный БТР. В наручниках.

Спротивляться было бесполезно.

6

В бронетранспортере было душно и тесно. Скаг, прикованный между Шшаном и Лораной, последние полчаса сидел с закрытыми глазами. Юному дракониду было очень плохо, от сильного запаха солярки першило в горле, жестокая тряска отзывалась взрывами головной боли. Шшан, гораздо более выносливый в силу возраста и профессии, поглядывал на друга с тревогой.

Хуже всех приходилось Лоране, поскольку в БТР помимо пленников сидел целый взвод солдат. Нетрудно представить, какими глазами эти солдаты смотрели на прекрасную и легко одетую эльфийку в наручниках. За пять часов плена Лорана не проронила ни слова; она сидела неподвижно, будто каменное изваяние, и лишь судорожно цеплялась за поручни, если БТР особо сильно подпрыгивал. Даже скрежет металла, когда танк маршала Арато раздавил кабриолет Лораны, не заставил гордую эльфийку нарушить молчание.

Никто так и не удосужился сообщить пленникам, что с ними собираются делать. И если Лорана, как знатный заложник, могла не особо беспокоиться за свою судьбу, то дракониды даже не понимали, за что, собственно, их схватили.

Впрочем, Шшан, куда лучше Скага знакомый с плосколицыми, подозревал, что

Беарнас хочет устроить над "ящерами" показательный процесс, или попросту публично расстрелять. К счастью для Скага, торговец не спешил рассказывать другу о своих подозрениях, жалея нервы юного дракониды.

Первое событие, нарушившее жуткую неопределенность, произошло только на седьмой час плена, когда БТР уже давно стоял, а снаружи доносился гул огромной толпы. Бронированный люк в задней части машины открылся; все солдаты один за другим попрыгали наружу, а в машину втолкнули новых пленников. И тут даже невозмутимая Лорана удивленно подняла брови.

Пленников было двое. Первый – мужчина лет тридцати, вполне заурядный на вид, с небольшими усиками и очень бледной кожей – привлек внимание лишь на миг. Зато второй...

Подобного на своем веку не видел даже Шшан. Рыжеволосая девушка ростом далеко за семь футов, обладала плечами такой ширины, что тело ее казалось квадратным. Руки в обхвате заметно превосходили бедро тренированного мужчины, шея напоминала бычью – да и в целом мощь, будто сочившаяся наружу сквозь мешковатую зеленую сорочку и военный жилет, заставляла вспомнить о самых крупных минотаврах. Когда удивительная богатырша забиралась в БТР, тот даже качнулся на жестких торсионах.

Лицо у гигантской девушки оказалось, как ни странно, добрым и довольно симпатичным, хотя короткие рыжие волосы ежиком придавали ей излишне агрессивный облик. Чтобы втиснуться в ковшеобразное сидение БТР– а, богатырше пришлось сесть боком, согнувшись в три погибели и поджав колени к груди. Солдат, сопровождавший ее, сунул на сетчатую полку над сидением черную спортивную сумку и захлопнул люк. В душном отсеке остались лишь пятеро пленников.

Мужчина с усиками, занявший кресло рядом с богатыршей, оглядел Лорану, драконидов, и первым начал разговор.

– А вас–то за что? – спросил он угрюмо.

Лорана гордо промолчала. Ответил Скаг:

– Мы не знаем.

Мужчина поморщился, будто не ожидал, что ящерица начнет разговаривать. Следующий вопрос он задал уже непосредственно Лоране:

– Сиятельная, если не ошибаюсь, ты носишь цвета дома А'Кьонти?

– Не ошибаешься, – сухо ответила эльфийка.

Пленник тяжело вздохнул.

– Я так и думал. Позвольте представиться, детектив Ульрих ван Гатто. Это моя подруга, Китиара... – он запнулся и выжидательно взглянул на богатыршу.

– Ут'Мотар, – буркнула та глубоким, низким голосом.

Ульрих, словно извиняясь, подмигнул Лоране:

– Мы только вчера познакомились...

– Я не желаю продолжать беседу, – холодно сказала эльфийка.

Пленник умолк. Некоторое время молчали все, но внезапно Китиара, пристально разглядывавшая драконилов, встрепенулась и посмотрела в глаза Скага.

– Я тебя знаю! – заметила она удивленно. – Ты пел ритуальную песню по телевизору!

Молодой драконилов оскалил клыки в слабой улыбке.

– У нас нет ритуальных песен, госпожа. Я спел "Восхищение драконом", только на родном языке.

Китиара вздрогнула.

– То–то мелодия казалась знакомой...

– У нас нет своих песен, – мрачно повторил Скаг.

Богатырша пожала могучими плечами.

– Ты здорово поешь, – сказала она просто. – Я рада тебя встретить, даже... здесь, – она окинула душный отсек БТР невеселым взглядом.

– Меня зовут Китиара, – тихо добавила богатырша. – Я впервые говорю с дракониловом.

Скаг опустил голову.

– У вас очень знаменитое имя. Легендарное.

– Назвали в честь Темной Госпожи, – улыбнулась Китиара. – Дома я видела гобелен, где она изображена верхом на синем драконе. Я, конечно, не очень на нее похожа...

– Дракона звали Скай, – мечтательно прошептал Скаг. – Он был вождем всех стай своего цвета, а позже, взяв имя Келиандрос, правил Соламнией...

Китиара вздохнула.

– Я столько не знаю.

– Он был великим драконом, – тихо сказал Скаг. – И не охотился на сородичей,
– добавил он, кинув угрюмый взгляд на Лорану.

Эльфийка скосила глаза.

– Ты ничего не знаешь о драконах, ящер.

– Я все знаю о них! – Скаг даже дернул хвостом от гнева.

Лорана не ответила, лишь молча усмехнулась. Это ранило Скага больше, чем любые слова.

– Почему ты хочешь очернить Скага в моих глазах?! – взорвался он.

Лорана брезгливо повела плечом.

– Много говоришь, сайвак.

– Я всю жизнь мечтал о драконах, изучал любые записи о них, – тихо, с яростью сказал юный драконид.

Эльфийка фыркнула.

– Не верь всему что пишут.

– А почему я должен верить тебе?!

– Не верь, – Лорана пожала плечами. – Мне–то что?

Ульрих, до сих пор молча сидевший рядом с Китиарой, вежливо кашлянул.

– Сиятельная, вам не кажется, что у нас сейчас полно забот и без рептилий?

– Рептилий? – переспросила Лорана.

– Драконов, драконидов и прочей мерзости...

Эльфийка медленно выпрямилась и так посмотрела на Ульриха, что слова застряли у того в горле.

– Я Лорана А'Кьонти, владелица крупнейшей в Ансалоне коллекции драконов,
– начала она тихо, задыхаясь от давно копившейся ярости, наконец обнаружившей выход. – Я потратила десятки лет жизни и целое состояние, собирая, отсеивая и нанизывая друг на друга крупницы информации. Я мечтаю о драконах сильнее, чем о всем остальном вместе взятом. И ты, жалкий экьянкве, смеешь говорить мне в лицо, что мечта моей жизни – мерзость? – Лорана уже довела себя до такой ярости, что ее ноздри раздувались с каждым вдохом. – Я сижу здесь, в этой зловонной конуре,

посреди бунта, поскольку гоняюсь за мерзостью?!

Ульрих промолчал. Ответила Китиара:

– Не гневайтесь, кэас'са, – тихо сказала она на эльфийском. – У нас и правда много забот...

– Что мне за дело до ваших забот?! – взорвалась Лорана, даже не заметив, что ей ответили на родном языке. – Сегодняшний день уже обошелся мне в семьсот тысяч талеров! Меня собираются использовать как разменную монетку в дешевом путче! Я год искала самца– сайвака, а когда нашла, он оказался слишком труслив чтобы спариться с самочкой собственного вида!

– Эльфы часто путают трусость с достоинством, – буркнул Шшан из своего угла. Лорана обратила к нему пылающие гневом глаза.

– Ты, шибко умный, – прошипела она. – Ты хоть в курсе, что ваш род изначально создали без самок, одних самцов, что б размножаться не могли?

Скаг вздрогнул.

– Я... читал... – выдавил он. – Только не поверил...

– Уж поверь, – огрызнулась Лорана. – Самок– драконидов вывели эльфы Квалинести, из захваченных яиц хроматовых драконов уже после победы над Такхизис.

Китиара вскинула голову.

– Я не знала, – сказала она с неподдельным интересом. – Зачем?

Лорана хмыкнула.

– Дракониды вымирали, их осталось не больше пары сотен. Квалинести к тому времени утратил влияние и искал поддержки везде, где мог. А дракониды отличные воины. Их вообще не осталось бы, если б не эльфы!

– Вы повторили преступление Вирлиша и Дракарта?! – с ужасом спросил Скаг.

– И Харкээла, – мстительно уточнила Лорана. – Идея создать вас принадлежала дракону, Скаг. Использовать для этого похищенные яйца металликов тоже придумал дракон.

Молодой ящер судорожно дернулся.

– Не верю!

– Не верь, мне–то что?

Скаг зарычал, но Шшан сильно ткнул его локтем в бок.

– Уймись, – буркнул торговец.

Юный драконид с громадным трудом взял себя в руки и отвернулся. Китиара смотрела на него с жалостью.

– Зачем вас схватили? – спросила она Шшана.

– Не ясно? – торговец раздраженно приподнял гребень. – Мы ящеры. Нас расстреляют перед телекамерами во славу нового правительства.

Китиара отпрянула.

– Нет!

– А зачем еще мы нужны? – с горечью спросил Шшан.

Девушка, стиснув зубы, легонько напряглась. Цепь ее наручников лопнула с тонким звоном. Ошеломленные дракониды и Лорана молча смотрели, как Китиара столь же непринужденно освободила Ульриха. Детектив, потирая запястья, смерил свою подругу задумчивым взглядом.

– Ты удивительная женщина.

– В силе нет ничего удивительного, – Китиара, вздохнув, обернулась к Скагу. – Вытяни руки вперед.

Драконид заколебался на миг, но ненависть к цепям победила страх и, спустя мгновение, руки Скага оказались свободны. Следом Китиара разорвала наручники Шшана и обернулась к Лоране.

– Кэас'са, если вы не против...

– Не против, – сухо сказала эльфийка, протягивая руки. Ульрих криво улыбнулся.

Через минуту все пятеро были свободны. Китиара, сидевшая у заднего борта, выглянула в смотровую щель.

– Повсюду солдаты...

– Еще бы, – мрачно отозвался Ульрих.

Китиара тяжело вздохнула.

– Сегодня воистину черный день.

Ульрих обернулся.

– Если б ты не взяла свою чертову винтовку, все могло обойтись!

– Я шла не на прогулку, – коротко ответила девушка.

Детектив прищурил глаза.

– Так ты все же побывала на улице Зенке?

– Сейчас у нас другие заботы, – оборвала Китиара. – Ты должен выйти наружу, залезть в кабину транспортера и уехать отсюда.

Ульрих удивленно поднял брови.

– Я?

– А кто же? – гневно спросила девушка. – Я? Или нелюди, которых толпа просто растерзает?

Детектив нахмурился, но возразить не сумел, поэтому встал и тут же с проклятием бухнулся в кресло, схватившись за лоб. Сумка, где лежал металлический шар, от удара раскрылась и сокровище слетело с полки прямо на колени Ульриху.

– Чертова железка! – детектив замахнулся на реликвию, но в последний миг передумал, и лишь гневно спихнул шар на пол. Тот беззвучно откатился в угол.

– Этот БТР, наверно, делали гномы! – прошипел Ульрих, с куда большей осторожностью вставая из кресла.

Потирая лоб, он протиснулся мимо девушки к смотровой щели и долго разглядывал забитую народом площадь. Даже сумей они захватить БТР, бежать было просто некуда.

– Плохо дело... – пробормотал Ульрих. Обернувшись, он сел в кресло напротив Китиары и безнадежно покачал головой.

– Есть только один шанс, – мрачно сказал детектив. – Заложники.

– Какие заложники? – не поняла Лорана.

– Возьмем заложников, когда придут нас допрашивать.

Китиара отпрянула.

– Ты спятил? Это никогда не срабатывало и не сработает!

– Предложи лучший план, – огрызнулся Ульрих. Он кивнул на люк. – Скрыться в толпе сумею только я, при большом везении. Слишком... нестандартная подобралась у нас компания.

Лорана решительно покачала головой.

– Я не позволю так рисковать.

– Тебе–то что, верно? – зло спросил Ульрих. – Худшее, чем ты рискуешь, парадней под арестом. А нас расстреляют! Мы крепко влипли... – он запнулся, – ...да, кстати. Скажет мне кто–нибудь, чем занят этот ящер?

Все обернулись и уставились на Скага.

Пока плосколицые спорили, юный драконид, не веря глазам, забыв о дыхании, смотрел на тускло сверкавший у его ног металлический шар. Скаг был так потрясен, что сидевший рядом Шшан не рискнул его тормозить и лишь молча наблюдал, как его друг, дрожа всем телом, с величайшей осторожностью поднял реликвию. Кончик хвоста серебристого дракониды судорожно метался из стороны в сторону.

– Не может быть... – прошептал Скаг. – Невозможно...

– В чем дело? – шепотом, на родном языке спросил Шшан. Скаг едва не подпрыгнул, услышав вопрос.

– Т– т– ты... Я... Т– ты не з– з– знаешь?

Шшан сузил зрачки.

– Говори.

– Х– х– хронит... – задыхаясь, прошептал Скаг. – Х– х– хронит!

– Кто кого?

Скаг сглотнул и поднял глаза.

– Н– не понимаю...

– Кто кого хоронит? – терпеливо спросил Шшан.

Юный драконид отпрянул.

– Хоронит? – Скаг, наконец, опомнился, и шок сменился чудовищным возбуждением. – Шшан, ты и правда самая везучая на свете ящерица!

Торговец скептически прижал гребень.

– Да ну?

Вместо ответа Скаг откинулся в кресле, положил шар на колени и глубоко вдохнул.

– Время твое, лишь тебе повинуюсь, сферы небес величаво обходит, – тихо, нараспев произнес юный драконид. Двигаясь плавно и осторожно, он развернул одно из стальных колец на шаре и беззвучно выдвинул толстую, блестящую от масла центральную ось.

– Щепкой в реке в бесконечность стремлюсь я, путь к облакам мое сердце находит, – чуть громче произнес Скаг. Повинуясь его пальцам, ось плавно развернулась на по– оборота и, внезапно, металлический шар неуловимо для взгляда, с легким пощелкиванием раскрылся, как бутон, превратившись в ажурный крест. У Шшана отвисла пасть.

Голос Скага дрожал, но слова звучали уверенно:

– Нету преград временному потоку, крепко начала держи и концы... – не прекращая читать заклинание, юный драконид разворачивал сегменты на кончиках креста навстречу друг другу.

– Соедини их своею рукою, все что утрачено снова найди! – подняв шар перед лицом, Скаг протянул вторую руку вниз, и успел поймать ярко– зеленую, слабо светящуюся цепь, неожиданно выпавшую из центральной оси.

– ...скажет мне кто–нибудь, чем занят этот ящер? – голос плосколицего был едва слышен, будто сквозь сон. Задыхаясь от волнения, Скаг дважды обернул цепью центральную крестовину, крепко взялся обеими руками за ось и выкрикнул финальную команду:

– Вихрем сквозь вечность!

В тот же миг реликвия, будто фотовспышка, полыхнула слепящим электрическим светом. Сияние пропало столь же быстро, как явилось, БТР сильно качнулся. И наступила полная тишина.

Пропал гомон толпы, утихли искаженные мегафоном голоса. От неожиданного перепада давления у Лораны, Китиары и Ульриха заложило уши; драконидов, естественно, это не коснулось. В глазах бывших пленников все еще гасло фиолетовое пятно от вспышки, когда древняя машина с тихим потрескиванием самостоятельно втянула внутрь зеленую цепь, сложила сегменты и, спустя пару секунд, приняла первоначальный вид. Скаг, потрясенный до глубины души, поднял взгляд на Шшана.

– Сработало... – прошептал юный драконид. И заорал во всю силу легких: –

Сработало!!! Получилось!!!

Все молча смотрели на Скага. Первой в себя пришла Лорана:

– Что получилось? – спросила она напряженно.

Скаг, задыхаясь от счастья, обернулся к ней всем телом:

– Я сумел... – он судорожно дышал, прижимая к груди древнюю машину. – Я сумел, я правильно помнил заклинание и оно сработало!

– Заклинание? – переспросила Лорана.

Вместо ответа Скаг поднял металлический шар к лицу и тщательно изучил бессмысленную, на первый взгляд, гравировку, украшавшую торец центральной оси.

– Триста сорок первый год эры Катаклизма... – прошептал Скаг.

Повисла страшная тишина. Лорана и на сей раз опомнилась первой:

– Повтори, пожалуйста, я не расслышала? – слабым голосом попросила она.

Скаг, дрожа, поднял голову.

– Первых драконилов создадут через год, – сказал он едва слышно. – Семь лет спустя начнется Война Копья. Мы вернулись в прошлое ровно на две с половиной тысячи лет.

Ульрих вскочил, сильно ударился головой о низкий потолок отсека и, потеряв сознание, рухнул обратно в кресло. То, что он не успел сказать, озвучила Китиара:

– Ящер, если ты спятил, лучше скажи это сразу, мы не рассердимся. – девушка сглотнула. – Ты ведь спятил, да?

Молодой дракониид медленно покачал головой.

– Я тоже этого боюсь, – он смотрел на шар. – В реальность Хронита не верил даже автор книги, где я прочел заклинание. Но вот же он, я держу его в руках! И он работает!

В этот раз тишина воцарилась надолго. Лорана просто лишилась дара речи, Китиара пыталась привести в себя бесчувственного Ульриха. И тут, впервые после вспышки, заговорил Шшан.

– Скаг, а с чего ты взял, что машина работает? – спокойно спросил торговец. – Мы как сидели в БТР, так и сидим.

Скаг содрогнулся.

– А... Я... Но ведь тишина!!!

– Так, может, нас просто контузило? – Шшан фыркнул. – Хоть бы наружу выглянули, для начала, а?

Совет оценили по– достоинству. Лорана протиснулась мимо Китиары и Ульриха к заднему борту и повернула рычаг. Тяжелая бронированная дверь открылась без скрипа.

Их не контузило. Это стало понятно сразу же, едва люк был открыт. Свежий, неестественно чистый воздух – хотя, если подумать, как раз естественно! – вихрем ворвался в БТР, заполнил его новыми запахами. Первой наружу выбралась Лорана, за ней последовали дракониды и Китиара, последняя вынесла на руках бесчувственного Ульриха и усадила его в траву, прислонив к ребристой крышке БТР.

Да, в траву, поскольку вокруг был лес. И не просто декоративная роща для туристов – те даже не подозревали, что вход в настоящий эльфийский лес для людей закрыт. Нет, вокруг БТР простиралась дремучая, великолепная чаща, изумрудная трава достигала колен, лучи света, проникавшие сквозь кровлю деревьев, делали пейзаж и вовсе сказочным. Потрясенные путешественники оглядывались по сторонам, тщетно уговаривая разум поверить глазам.

Молчание первой нарушила Лорана. Глубоко вздохнув, эльфийка провела рукой по лицу и обернулась к шокированному Скагу, который, выбравшись из машины, так и стоял, приоткрыв пасть.

– Можешь вернуть нас назад? – ровным голосом спросила Лорана.

Драконид опомнился только сейчас. С трудом закрыв пасть, он зажмурился и судорожно дернул хвостом.

– Не знаю, – совсем тихо ответил Скаг.

– В твоей книге было сказано, как работает хронит. – Лорана тяжело дышала. – Там должна была быть инструкция, как вернуть все назад!

Юный драконид сглотнул и опустил глаза на тускло блестящий шар, который до сих пор держал в руках.

– Здесь... – его голос сорвался, и Скаг, мотнув головой, начал снова, – ...здесь гравировка. Видите? – он указал на верхнюю часть шара.

– Вижу, – ровным тоном отозвалась эльфийка.

– Гравировка указывает период, на который настроен хронит. Чтобы изменить настройку, надо снять с аппарата верхнюю оболочку, отшлифовать ее и нанести новый рисунок точно по инструкции... – Скаг умолк и, спустя миг, тихо добавил: – ...которой в книге не было.

Лорана закрыла глаза и с шумом перевела дыхание.

– Ясно.

В разговор вступила Китиара:

– Где мы? – спросила она напряженно. – Или прибор переносит не только во времени?

Скаг замотал головой.

– Только время!

– Тогда мы должны были оказаться в Палантасе, а не в лесу.

– В то время Палантас был куда меньше нынешнего, – буркнул молчавший до сих пор Шшан.

Китиара вздрогнула.

– Точно. Древний Палантас стоял в трех десятках миль от нового, за кольцевой трассой... – она запнулась, – ...светлый лес, так ведь войны Синей Леди еще не было, старый Палантас пока никто не разрушил!

Лорана встрепенулась.

– Астинус! – воскликнула она. – Башня Высшей Магии! – и внезапно ее лицо даже не побелело, а посерело. Схватившись за сердце, эльфийка беззвучно осела в траву.

– Что случилось?! – к ней подскочила Китиара.

Лорана подняла широко раскрытые глаза.

– Драконы... – прошептала она. – Драконы еще не вымерли...

– И единороги! – вскрикнула Китиара.

Скаг чуть не уронил машину времени.

– Драконы!

Повисла напряженная тишина. Внезапно Китиара ахнула:

– Двойники! Так это и правда были мы сами!

– Что? – не понял Шшан. Он легче всех перенес удивительное приключение, если, конечно, не считать Ульриха, который лежал без сознания.

Китиара медленно покачала головой.

– Вы не знаете...

– Что за двойники? – прищурив глаза, спросил Шшан.

Китиара вздохнула.

– Долгая история. Скажу лишь, что сегодня мы с Ульрихом встретили собственных двойников, и как раз по их вине оказались в плену. Я уже думала, что схожу с ума... – она на миг зажмурилась.

Измученный Скаг встопорщил гребень.

– Вы встретили самих себя из другого времени?!

– Иного объяснения у меня нет.

– Но хронит невозможно так использовать, – Скаг сглотнул. – Он очень... Неудобный.

Китиара пожала плечами.

– Само собой, у них должна быть гораздо более совершенная машина времени... – девушка моргнула. – Стоп, но ведь хронит мне вручил двойник! – она ахнула. – Светлый лес, как же я сразу не поняла!

Китиара подошла к Скагу и внимательно осмотрела стальной шар.

– Ну конечно... – девушка вздохнула. – Нас обвели вокруг пальца.

Лорана сузила зрачки.

– Объясни.

– Этот шар хранился в музее, – мрачно отозвалась Китиара. – Вот только не думаю, что Скаг сумел бы его активировать.

Юный драконид отпрянул.

– Почему?!

– Да потому что ты не маг! – огрызнулась Китиара. – Я должна была

догадаться сразу, как увидела промасленную ось. Масло не сохраняется тысячелетиями.

Лорана встрепенулась.

– Так значит, мы можем вернуться!

– Если разгадаем, как управлять машиной, – кивнула Китиара.

Скаг попятился.

– Я не дам... – он сглотнул. – Не позволю...

Лорана удивленно подняла брови.

– Повтори?

– Я не хочу возвращаться! – Скаг судорожно прижал к груди машину времени.

Шшан, Китиара и эльфийка с изумлением уставились на юного драконида.

– Хм. А причина? – любопытствовала Лорана.

Скаг дернулся.

– Вы не понимаете?! Мы в прошлом! Нам выпал шанс исправить все кошмары истории! Предотвратить Войну Копья, спасти целые народы от вымирания! Спасти драконов!

Повисла напряженная тишина. Молчание первым нарушил Шшан:

– Друг, ты ничего не забыл? – спросил он ласково. – Мы рождены той самой историей, которую ты мечтаешь изменить. Мы просто исчезнем...

– А вот и нет, – внезапно ответила Лорана.

Глаза эльфийки загорелись. Поднявшись с земли, она привычным брезгливым жестом отряхнула одежду от налипшей травы.

– Скаг прав, – заявила Лорана. – Время пластично. Если мы здесь, в прошлом, нарушим течение истории, известные нам события перестанут существовать, но с нами ничего не случится.

– Точно? – тихо спросил Скаг. Он весь дрожал.

Лорана кивнула:

– Точно. Мы теперь сами по себе. Наша история продолжается в этом времени, и уже не зависит от прошлого. Мы вольны менять все, что пожелаем... – ее тонкие губы растянулись в улыбке, – ...и пусть меня пожрет Такхизис, если я кое- что не поменяю!

Китиара вздрогнула.

– Мы... Но...

– Мы МОЖЕМ это сделать, – с нажимом сказала Лорана.

– Сделать ЧТО?!

Эльфийка мечтательно улыбнулась.

– Для начала, предотвратить гибель драконов и единорогов.

Шшан резко шагнул вперед:

– Совсем спятила? – без тени почтения, гневно спросил он. – Драконы были зверьми! Они сожрут нас и не заметят! Да и какое, разрази меня гром, время думать о драконах?! – он топнул ногой. – Да если мы тут выживем хоть месяц, это чудом будет!

– Я выживу, – холодно отозвалась Лорана.

Китиара бросила взгляд на Ульриха, который так до сих пор и не очнулся.

– Кэас'са, я должна вам кое– что сказать, – тихо, на особом диалекте эльфийского языка, произнесла девушка. Лорана удивленно подняла брови.

– Каким образом ты изучила этот...

– Я агент тэй'саларин, – вполголоса сказала Китиара. – Состою в группе югимай.

Эльфийка вздрогнула.

– Квалинао'тан?

– Да. Я росла в Нэйен'доке. Пять лет назад, я тоже была ТАМ. С тех пор наша группа выслеживала гзахья по всему миру. Сегодня я убила последнего из них.

Лорана невольно сделала жест глубокого одобрения, проведя обеими ладонями по животу.

– Удивительно. Не ожидала встретить здесь агента...

– Больше никто не знает и не должен знать, – быстро сказала Китиара.

Эльфийка кивнула.

– Ясно. Я рада встрече, каэсао.

– Взаимно, кэас'са. – Китиара склонила голову. – Хоть вы из Сильванести, ваш род неизмеримо выше моего. Мой долг служить вам.

Лорана улыбнулась.

– Пусть теперь говорят, что богов нет... – она обернулась к драконидам и перешла на общий язык:

– Так, ящеры. Отложим на короткое время планы вмешательства в историю. Поскольку мы тут застряли надолго, а где именно, еще не знаем точно, придется идти на разведку. Я пойду вместе с Китиарой, она сойдет за телохранителя. Ваша задача – охранять БТР, пока мы не вернемся. Думаю, нет нужды объяснять, что станет со всеми нами, если танк будет утрачен? – эльфийка сузила зрачки и кивнула на Ульриха. – Разбудите этого парня, пусть вытащит пулемет из машины и подготовится к обороне, здесь не курорт. Скаг, дай сюда машину времени.

Драконид попятился.

– Не дам...

– Давай! – Лорана нетерпеливо шагнула вперед и попыталась вырвать хронит из лап Скага. Юный ящер отчаянно замотал головой.

– Не дам! – он зашипел.

Эльфийка рассвирипела.

– Слушай, ты, чешуехвостый гряз... – слова прервала слепящая фиолетовая вспышка, и Скаг исчез. В руках ошеломленной Лораны остался медленно остывающий хронит.

От неожиданности все оцепенели. Первым опомнился Шшан; подскочив к месту, где недавно стоял Скаг, драконид в отчаянии огляделся и издал яростный рев. Лорана попятилась.

– Что ты с ним сделала, тварь?! – Шшан в бешенстве обернулся к эльфийке. Китиара на всякий случай шагнула вперед:

– Спокойнее.

– Я ничего не делала... – растеряно сказала Лорана. – Он задел какой-то рычаг и исчез...

Шшан схватился за голову.

– Он же совсем птенец, как ты могла!

– Я ничего не делала! – Лорана рассердилась.

В разговор вмешалась Китиара:

– Ящер, это произошло случайно.

– Да понимаю я... – торговец стиснул зубы. – Проклятая машина, значит она работает и без всяких заклинаний!

Лорана вздрогнула.

– Стойте, но почему исчез только Скаг, почему хронит не забрал всех нас, как раньше?

Китиара пожала плечами.

– Видимо, у него переменный радиус действия. Сейчас его активировали иначе, вот он и сработал иначе... – девушка застыла. – ...а где Ульрих?!

Лорана проследила взгляд Китиары и широко раскрыла глаза, Шшан выругался. Бесчувственное тело Ульриха испарилось, словно его никогда и не было.

Китиара с трудом перевела дыхание.

– Может, ящер его хвостом задел когда все случилось...

Лорана кивнула.

– Пожалуй, хронит опасно носить с собой. Того и гляди, включится по собственному желанию, – она осторожно занесла машину времени в БТР и уложила на сидение. Все помолчали, разглядывая зловещий блеск полированного металла. Наконец, Лорана встряхнулась и решительно подошла к Китиаре.

– Что сделано, уже не воротить. Идем на разведку. Ты! – она сверкнула глазами на Шшана. – Не двигайся с места, охраняй БТР!

Драконид оскалил клыки в недоброй усмешке:

– Пресветлая, а вы ничего не забыли?

Лорана нахмурила брови.

– Что?

– Здесь нет гетто! – яростно ответил Шшан. – Мой народ еще не поработили!

Эльфийка сузила глаза.

– Вас пока даже не создали, ящер.

– Именно!

Драконид шагнул вперед и взглянул прямо в лицо Лоране.

– Здесь мы равны, – тихо, с нажимом, произнес Шшан. – Здесь я не жалкий ящер, не раб и не дойная корова для твоего драконозавода. Мое имя Шшан Керчак бааз'Тгарра, и я хочу, чтобы ты обращалась ко мне только так.

Эльфийка скрестила руки за спиной.

– Шшан Керчак бааз'Тгарра, – сказала она ровным голосом. – Осмелюсь напомнить, благородный драконид, что ты даже не сайвак, а всего лишь туповатый жирный бааз, которых еще десяток лет назад стреляли от скуки. Ты мне совершенно, абсолютно не нужен.

Лорана широким жестом обвела лес.

– Не нравится подчиняться эльфам? – спросила она ядовито. – Тебя никто не держит. Ты ведь свободен, а, ящер? Здесь не гетто, здесь всего лишь доисторический дикий мир, где тебя пристрелит первый встречный, поскольку посчитает за зверя!

Шшан скрипнул зубами.

– Я выдам себя за родича бакали, людей– ящеров, исчезнувших после Третьей войны Драконов. У меня ведь нет крыльев... – он дернул хвостом.

– Ты и правда веришь, что тебя спросят об имени прежде чем зарезать? – насмешливо спросила Лорана. Шшан промолчал.

– То–то, – эльфийка шагнула вперед и ткнула пальцем в нос дракониды. – Я хочу, чтобы ты четко уяснил: мы без тебя выживем, ты без нас – нет.

– Ладно, я останусь, – мрачно буркнул Шшан. – Но почему ты нами командуешь?

– Потому что умею, – фыркнула Лорана.

Больше не тратя время на пререкания, она сделала Китиаре знак следовать за собой и направилась прочь, в сторону, где – судя по солнцу – должен был находиться древний Палантас.

Шшан остался один посреди леса, где даже самое молоденькое деревце было обречено истлеть от старости задолго до его вылупления.

Так заканчивается вторая ветвь истории Кринна

Книга первая: Век отчаяния – III

Теплый, серый и шероховатый, будто спящий слоненок, валун утопал в высокой траве. Заходящее солнце ласкало его обветренные бока. Длинные тени деревьев щупальцами тянулись через полянку, извивались, щекотали камень тысячами черных пальцев. Будь на месте валуна человек, его громогласный хохот, наверно, разносился бы по всей округе.

Но из людей здесь был только странник, неторопливо шагавший вдоль кромки леса. Уже немолодой, крупный седовласый мужчина отличался резкими чертами лица. Он был высок и широкоплеч, черноглаз, хорошо сложен, носил простоватый, но прочный серо–зеленый кафтан без рукавов, с широкими кожаными перетягами на военный манер. Хоть время нынче было беспокойным и по дорогам шастали разбойники, в основном хобгоблины, странник из оружия имел при себе лишь короткий кинжал за голенищем, а брони не носил вовсе.

Его обнаженные руки покрывали странные шрамы: спиральные, от запястья до локтя, будто следы от внезапно раскалившихся "змеиных" браслетов, что носили цыганки–танцовщицы с крайнего запада. Внимательный человек заметил бы точно такие же, но почти стертые, шрамы на указательных пальцах странника. Еще он заметил бы, что спирали на левой и правой руках закручены навстречу друг–другу...

Давным–давно, в другой стране, странника знали и боялись. Но те славные времена, как и молодость, давно канули в Лету. Последние годы Герман Вейнгард сторонился людей, эльфов и прочих обитателей Ансалона. В полном одиночестве он бродил от города до города, нигде не задерживаясь подолгу. Странные шрамы на руках защищали его лучше любой кольчуги, открывали двери постоянных дворов и

лавок, кормили и поили. Большого Герману не требовалось.

Иногда, правда, его просили о помощи. Тогда Вейнгард дожидался ночи, раздевался и уходил в темноту. Вернувшись утром, он молча принимал благодарности и покидал город навсегда. То была плата за безопасность и гостеприимство.

Сейчас, однако, странник впервые за долгие годы шел, зная, куда направляется. Жизнь выжгла в его душе правило не доверять никому, кроме себя самого. И потому Герман Вейнгард приближался к потухшему вулкану Кел'Беген, чтобы лично удостовериться в существовании того, во что его разум отказывался верить, хотя сердце страстно желало.

– Я получил ваше письмо, – негромко произнес он, остановившись в паре шагов от серого валуна. – Моя душа открыта.

Камень некоторое время оставался неподвижен, но внезапно по его поверхности пробежала мутная волна и, совершенно беззвучно, неуловимо для взгляда, булыжник преобразился. Серая незрелая поверхность заблестела, трава прилегла от могучего выдоха. Привстав над землей, "камень" распрямил гордую шею и открыл большие темные глаза цвета сирени. Человек даже не вздрогнул.

– Я Герман Вейнгард, – сказал он спокойно. – Вы посылали мне письмо.

"Камень" склонил голову набок, разглядывая гостя.

– Темный друид? – спросило существо неожиданно мягким голосом.

– В некотором смысле.

Существо грациозно изогнуло шею, чуть сместив голову вверх.

– Я чувствовала твое приближение с рассвета, – сказала оно. – Как ты сумел меня увидеть?

– Трава, придавленная старым камнем, не может быть свежей.

Существо растеряно моргнуло и посмотрело на землю, где его мощные лапы утопали в зелени.

– И все? – переспросило оно недоверчиво. – Так просто?

– Ты молода и неопытна.

Пауза.

– Да, – чуть тише ответило существо. – Здесь все... молоды и неопытны.

Герман глубоко вздохнул.

– Так это правда? – спросил он, волнуясь. – До меня и раньше доходили слухи, но верить им было трудно.

Существо на миг закрыло глаза.

– Я догадываюсь, что за слухи распускают о нас люди.

– Едва ли догадываешься.

– Можешь верить им, коли желаешь, – с легкой обидой заметило существо. – Но мы не скрываемся и не прячемся ни от кого.

Вейнгард помолчал.

– Я проделал долгий путь, – сказал он после паузы. – Очень долгий. Я шел сюда в надежде, что хоть часть письма окажется правдой и тогда... – друид поднял глаза, – ...я смогу остаться.

Существо робко улыбнулось.

– Насовсем? – спросило оно тихо.

Человек вздохнул.

– До смерти.

Ветвь третья

2500 год Свободы (2841 год Эры Катаклизма), северо– запад Ансалона

1

...на этой ноте я бы хотела завершить сегодняшнюю программу, – Наоми оскалила в улыбке три ряда белоснежных зубов. – Светлого неба, и увидимся через

неделю в специальном выпуске, посвященном годовщине Революции!

Невидимым для телезрителей жестом хвоста, Наоми дала знак режиссеру пустить в эфир финальный ролик и шумно перевела дыхание. Под потолком, с мрачным затихающим звоном гасли мощные прожекторы, в операторской нише техники начинали отключать оборудование. Напротив сцены, приглашенные в студию зрители уже вставали с мест, многие двигались к выходу. Наоми перевела взгляд на пожилого человека в строгом черном костюме и очках, который сидел в кресле рядом с ее ложем.

– Вы замечательный собеседник, доктор, – с улыбкой заметила ведущая. – Спасибо.

Рейстлин тяжело вздохнул. Только сейчас, при нормальном освещении, стало видно, насколько он стар. Грива совершенно белых волос ниспадала на его плечи, морщины вокруг глаз придавали добрый и привлекательный вид. И все же в старом докторе чувствовалась некая сила, невидимая взглядом, тянущая нити прямо к душе, в обход сердца и разума. "Харизма" – подумалось Наоми, однако модное слово казалось нелепым, чуждым. Искать имя окружавшей Рейстлина ауры было бесполезно: ее требовалось ощущать, впитывать всем телом. Наоми постаралась вспомнить, случалось ли ей испытывать похожие чувства раньше – и пришла к выводу, что ни разу. За четыре с половиной века.

– Вам спасибо, рра'ва, – негромко сказал Рейстлин. – Я рад, что о нашем институте еще помнят.

Алая драконесса подняла мощную лапу и ловко отцепила с правого рога микрофон. Техник-гном принял у нее хрупкое устройство. Встряхнувшись, Наоми привстала на передних лапах и сладко потянулась, изогнув спину как кошка, приспустив крылья, распрямив по полу мускулистый хвост. Красные блики от ее зеркальных чешуек скользили по стенам и потолку, будто отблески "юпитеров" на дискотеке.

– Доктор, а как вы узнали мое нареченное имя? – спросила Наоми. – Я и сама забыла, когда в последний раз его слышала...

– Матафлэр? – уточнил Рэйстлин. – Рра'ва, а ведь я объяснял, и не раз, что реверсивное прогнозирование это точная наука. В одной из наших вероятностных

моделей имя Матафлэр достаточно известно.

– Но я живу здесь, в Палантасе, а не в вашей модели, – весело заметила Наоми. – Как вы определили, что та, другая Матафлэр, и есть мое отражение?

Ученый слабо улыбнулся, но в улыбке неожиданно скользнула горечь.

– Вы ведь не только журналистикой занимаетесь, верно? – спросил он тихо. – Что вы любите больше всего на свете?

Драконесса запнулась и недоуменно склонила голову на бок.

– Мррррауш, не самый легкий вопрос. Я многое люблю.

– И все же? – Рейстлин сдвинул очки на кончик носа и с необыкновенной теплотой взглянул на свою крылатую собеседницу. – Я слышал, вы провели много лет на планете Кагг, благодаря вам там построили первую школу для птенцов черных. Вы также не раз участвовали в гуманитарных проектах в Уганту и потратили, если не ошибаюсь, почти два десятилетия, добровольно обучая юных минотавров, когда вожди их общины впервые это позволили?

Наоми с легким смущением прижала к голове перепончатые уши.

– Это было давно...

– Но было.

– Намекаете, что больше всего я люблю общественные и социальные проекты? – фыркнула драконесса.

Рейстлин медленно покачал головой.

– Нет, Наоми. Вас очень легко вычислить во всех вероятностных моделях, поскольку больше всего на свете вы любите детей.

Крылатая запнулась и некоторое время молчала.

– Да, – признала она после паузы. – Тут вы меня поймали. Значит, моя копия в другом мире, как и здесь, участвует в гуманитарных миссиях на дикие планеты?

Теперь замолчал Рейстлин, и молчал так долго, что Наоми не выдержала:

– Если не хотите говорить, я...

– Да, – внезапно сказал Рейстлин. – Я не хочу говорить.

Драконесса со вздохом развела крыльями.

– Что ж, о таком лучше не знать, сама понимаю. Еще раз благодарю вас за отличное интервью, – она встала и жестом подозвала юного синего дракончика,

размером не больше человека, который смущенно переминался с лапы на лапу в сторонке.

– Мист проводит вас до стоянки глайдеров... – Наоми улыбнулась и подмигнула пожилому ученому. – Главное, не соглашайтесь, если он предложит отнести вас домой на крыльях. Не соглашайтесь, даже если будет упрашивать!

Дракончик с возмущением вскинул голову:

– Наоми!

– Думаешь, я забуду твой прошлый полет? – крылатая строго изогнула хвост. – Хватит с нас и одного инфаркта!

Рейстлин с трудом поднялся из кресла.

– Не бойтесь, Наоми, – ученый слабо улыбнулся. – Я крепче, чем выгляжу.

Драконесса долго провожала взглядом старика и крылатого ребенка, помогавшего ему идти. Слова Рейстлина отпечатались в ее душе. Многогранный мир, бесконечное древо возможностей... "Есть Вселенная, где я великий маг, а вы опытная воительница" – вспомнила Наоми. Воительница? Она?

Драконессу передернуло. Войны, кровь... Большую часть жизни Наоми потратила на искоренение самой памяти о войне. Она годами трудилась не покладая крыльев, всегда отличаясь редким для драконов, а тем более для красных, даром – терпением и способностью вкладывать всю себя, без остатка, даже в самые маленькие и незначительные проекты. Логово алой драконессы было уставлено призами и благодарственными грамотами с полсотни диких планет, где она успела поработать за свою долгую жизнь. Наоми гордилась этой коллекцией сильнее, чем иные красные гордятся сокровищницей.

– Многогранный мир, как же... – пробормотала крылатая. Дернув хвостом, она осторожно, чтобы не повредить пол студии, спустилась со сцены.

– Рр'ава, не можете? – низкорослый даже для гнома техник пытался дотянуться до противовеса операторского крана. Улыбнувшись, Наоми расправила семнадцатиметровое крыло и аккуратно опустила камеру вниз. Гном благодарно кивнул.

– Спасибо, рр'ава. Вас там ожидает какой-то дракон.

– Где? – с легким удивлением спросила Наоми.

– В вестибюле. У него пропуска не было.

Драконесса озадаченно приоткрыла гребень и легким шагом, грациозно изгибаясь, чтобы не повредить студийную технику, направилась к выходу. Сверху, из режиссерской кабины, на нее с восхищением глядели люди и гномы.

Крупный алый дракон медленно шел вдоль вестибюля студии, изучая развешанные на стенах кадры наиболее успешных программ и фотографии призов. Некоторое время Наоми молча стояла за стеклянной дверью, пытаясь уверить себя, что не сошла с ума и видит именно то, что видит.

Дракон, видимо, ощутил ее взгляд и обернулся. Его страшная пасть приоткрылась в улыбке, и Наоми пришлось поверить, что глаза ей не лгут. Судорожно вздохнув, она резко распахнула дверь и вышла на свет. Из нозрей драконессы к потолку тянулись слабые струйки дыма.

– Урх Тимаран си– Даарг по прозвищу Пирос... – глаза Наоми превратились в две узкие, горящие недобрым огнем щели. – Что ты здесь делаешь?

Алый дракон с легким недоумением приподнял гребень.

– Я прилетел, едва узнал, где ты теперь работаешь...

– Семьдесят шесть лет, – тихо, с яростью проговорила драконесса. – Семьдесят шесть лет назад ты сказал, что заглянешь к родным на пару дней.

Дракон попятился.

– Наоми, я...

– Ты оставил меня беременной, – крылатая хлестнула себя хвостом. – И ты это знал. Я принесла четыре яйца, Урх – трех девочек и сына. Семьдесят шесть лет назад!

– Я был на другом конце обитаемого космоса, – сдерживая гнев, сказал дракон. – Быть может, сначала выслушаешь?

– Нет, Урх, – Наоми оскалила клыки, и на сей раз вовсе не в улыбке. – Я знаю,

где ты был. Когда ты не вернулся, я страшно испугалась, подняла на крыло весь Ансалон. И тебя быстро нашли!

Драконесса с таким бешенством клацнула пастью, что Урх чуть не отпрыгнул.

– Я не стала тебе звонить, – Наоми с трудом сдерживала ярость. – Не хотела верить, что все кончилось именно так. Неделями, месяцами ждала, что ты хоть раз обо мне вспомнишь! Но ты не явился даже в день вылупления собственных детей!

Алый дракон помолчал.

– Я действительно был в космосе, – сказал он наконец. – Очень далеко от Кринна, Наоми. Неужели ты думаешь...

– Я ничего не думаю, Урх, – Наоми подняла лапу и резким жестом наискосок прочертила когтями воздух между собой и красным драконом. – Ты бросил меня, едва узнал, что я понесла. Что ж, бывает и так, не вчера вылупилась. Но я ни разу, за четыре с половиной века, не слыхала, чтобы отец отказался хотя бы дать имена своим детям!

– Меня не было здесь, – терпеливо, с силой повторил Урх. – Наоми, дай сказать хоть слово.

– Зачем? – холодно спросила драконесса. – Тебе надоела очередная самка, или просто хочешь разнообразия? Пирррос, могучий Пирррос... – прорычала она. – О, как ласков ты был!

Алый яростно дернул хвостом, но сдержал гнев и ответил спокойно:

– Я прилетел не ругаться с тобой, Наоми. Я умираю.

Крылатая запнулась и невольно изогнула шею, отпрянув назад. Урх кивнул.

– Да, подруга. Месяц назад наш корабль ошибочно вынырнул из подпространства в районе нейтронной звезды. Люди, гномы и эльфы погибли сразу, но я дракон, и успел снова запустить двигатели. Только звезда меня все равно доконала, хоть и медленнее, чем остальных. Я подвергся облучению, Наоми, мне осталось жить не больше года.

Дракон опустил тяжелую голову.

– Сама понимаешь, я больше не могу иметь детей. Из-за профессии я редко спаривался и породил очень мало потомков. Так уж вышло, что из всех моих сыновей, жив только твой малыш. Мне нужен наследник.

– Наследник?.. – пораженная Наоми моргнула.

– Да, наследник, – гневно ответил Урх. – Или, думаешь, все мои рассказы были ложью? Я последний из клана си– Даарг, если я умру, не породив наследника...

– Мой сын здоров, прекрасен и умен, – оборвала Наоми. – Как ты, не знавший даже запаха скорлупы его яйца, смеешь называть ребенка своим?!

– В нем моя кровь. Я его породил!

– Ты всего лишь со мной спарился, – презрительно отозвалась драконесса. – С каких это пор в нашем роду самец заявляет права на потомство?

Урх вскинул голову.

– Я отец ребенка. Он плоть от моей плоти, и я забираю его на Даарг.

– Что– что? – от изумления Наоми чуть не села на хвост.

– Я уже подготовил все документы, – холодно сказал Урх.

Драконесса несколько секунд пыталась вдохнуть. Затем мир перед ее глазами покраснел. Издав яростный рык, Наоми стремительно поднялась на задние лапы и всем своим десятитонным весом обрушилась на красного дракона. Тот успел только вскрикнуть: тяжелая лапа Наоми опустилась ему на шею, сразу за рогами, и с такой силой рванула вниз, что позвонки жалобно хрустнули. Голова Урха с хрустом врезалась в мраморный пол вестибюля.

Наоми не сразу поняла, что совершила убийство. Несколько секунд она продолжала рычать, свирепо хлеща себя хвостом; самоконтроля едва хватало ей, чтобы не выпускать когти. Но когти и не требовались – массы могучего драконьего тела оказалось вполне достаточно. Прошла почти минута, прежде чем до сознания крылатой наконец дошло, что она натворила.

Сглотнув, Наоми отступила назад и недоверчиво тронула лапой голову Урха. На белом мраморе медленно растекалась густая темно– красная лужа, хвост алого дракона все еще конвульсивно подергивался. Наоми ощутила, что сейчас потеряет сознание.

Она судорожно прижалась к стене, в ужасе глядя на мертвого дракона. Мертвого. Мертвого! Где–то на краю сознания, механически, будто в чужом разуме, родилась мысль – это первое живое существо, встретившее смерть от ее лап. Отец четверых ее детей, которого она когда–то любила!

Ноги драконессы подкосились, и она безвольно сползла по стене, чувствуя, что еще миг – еще чуть– чуть – и сердце не выдержит. Странное, извращенное, таившееся где–то в глубинах души воображение сразу подсунуло яркую картину: острая боль в груди, миг невыносимого давления, а затем – волна горячей венозной крови во рту, задыхающийся хрип, конвульсии, попытки вздохнуть... И второй мертвый дракон на белом мраморе. Какую передачу можно об этом сделать! – отстраненно подумала Наоми.

На счастье, еще целых десять минут в вестибюле никто не появлялся, и драконесса сумела справиться с шоком. У нее мутилось в глазах, от запаха крови тошнило, но судорога прошла, и Наоми впервые попыталась осознать последствия.

Получалось это с трудом. Известная всему Кринну, знаменитая алая Наоми! На первой странице каждой газеты в Галактике... Ее жизнь, счастливая и яркая, интересная, полная радостей и веселья, стремительно рушилась во тьму. Кто и когда вспомнит, что Наоми почти четыре века посвятила борьбе за счастье развивающихся планет? В историю войдет совсем другая Наоми, драконесса– которая– убила– отца– собственных– детей. Паучиха...

Эта мысль заставила Наоми содрогнуться. Светлое небо, о чем она думает?! Какая разница, боги, да какая разница, что о ней станут говорить?! Перед глазами, как живой, встал Урх – такой, каким он был семьдесят шесть лет назад, сверкающий в лучах закатного солнца, невыносимо прекрасный, совершенный. Его лапы, способные крошить в пыль скалы, но столь мягкие, когда дракон этого хотел... Глаза с веселой искоркой. Небо, ведь он прилетел сказать ей, что умирает! А она лишила его последнего, отобрала даже тот жалкий год, что ему оставался!

– Пиррос... –только сейчас пришли слезы. – Зачем ты вернулся, зачем... Я не хотела... Не хотела...

Наоми прижалась рогами к стене и ощутила, как из глубины разума, из самых темных уголков души, всеокрушающей волной поднимается горе. Осознание непоправимости случившегося накатывало, как цунами, сметая любые преграды, втягивая разум в пучину безумия.

– Боги... – с мукой прошептала Наоми. – Боги, помогите... Вы ведь были, я знаю... Помогите, хоть кто–нибудь...

Ответа она, разумеется, не ждала, и потому чуть не закричала, когда он пришел:

– Я не бог, – задумчиво произнес Рэйстлин, глядя на мертвого дракона и драконессу, в отчаянии царапающую стену. – Да, я не бог... Но помочь, вероятно, могу.

Он сдвинул очки на кончик носа и окинул Наоми странным, очень внимательным, и в то же время пустым взглядом. Так хирург смотрит на скальпель, прежде чем провести первый надрез.

2

В прохладном зале на первом этаже царил тишина. Толстые малиновые ковры глушили звуки, рассеянный свет придавал атмосфере уют. Возле громадного панорамного окна, сидя за прозрачным столом, читала книгу молодая эльфийка.

Внезапно, на изящной приборной панели рядом с ней замигали огоньки. С тихим потрескиванием разрядов воздух в центре зала сгустился, замерцал, и на ковер ступил крупный бронзовый дракон необычной расцветки. Чешуя на правой передней лапе и суставе правого крыла была гораздо светлее, чем на остальном теле, латунно–желтая, такая же тянулась широкой рваной полосой вдоль всего правого бока, частично захватывая спину. Грудь и живот дракона, как у большинства бронзовых, были темно–коричневыми и прекрасно гармонировали с черным гребнем и тремя антрацитовыми шипами на кончике длинного хвоста. Если б не странные желтые участки, крылатый считался бы среди своих красавцем. На спине дракона был закреплен ремнями довольно объемистый рюкзак обтекаемой формы.

Оглядев зал, гость заметил терминал и направился к нему. При ходьбе он сильно хромал, припадая на правую переднюю лапу. Только сейчас, увидев это, эльфийка вздрогнула, догадавшись, что светлые участки чешуи были когда–то страшными ранами.

– Добро пожаловать на Кринн, и поздравляю с годовщиной Революции! – она

встала, отложив книгу. – Не желаете ли оставить запись о прибытии?

Бронзовый прищурил глаза. Пару секунд он колебался, как бы решая, ответить или нет, но, наконец, растянул чешуйчатые губы в легкой улыбке, показав впечатляющий набор клыков.

– Почему бы и нет, юная леди, почему бы и нет... – дракон перебрал блестящими крыльями. – Боец пожарной службы Рама, к вашим услугам. Прибыл на отдых.

– Надеюсь, Кринн покажется вам гостеприимным, – девушка подняла глаза на гостя. – Везете что-нибудь необычное?

Бронзовый усмехнулся.

– Зависит от тракторки... – он хлопнул крылом по своему рюкзаку. – Здесь нет ничего опасного, только снаряжение. Я занимаюсь экстремальным спортом.

– Да? – эльфийка заинтересовалась. – Каким?

Дракон иронично наклонил голову.

– Слышали о спелеодайвинге?

– О чем, простите?

– Я погружаюсь в затопленные пещеры.

Эльфийка моргнула.

– А... А зачем?

Бронзовый пожал крыльями.

– Это здорово, – ответил он просто.

Девушка, вздохнув, вновь обернулась к терминалу.

– Ваш иденкод?

Крылатый слегка смутился.

– О, я и не помню...

– Ничего страшного, – улыбнулась эльфийка. Вытащив из хрустального стеллажа небольшую видеокартонку с надписью "Кринн приветствует гостя!", она протянула ее дракону, – Это вам, здесь программа торжеств и праздничных мероприятий.

– Спасибо, – бронзовый рассмеялся, – Но я не совсем гость. Мои предки родом с этой планеты, может помните – была такая страна, Соламния...

– О, так вы потомок местных драконов? – обрадовалась эльфийка. – Тогда вам непременно следует посетить новый музей Революции. Он великолепен! Самый большой в Галактике, кстати.

Рама насторожил уши.

– Да? Я не слышал о нем.

– Музей открылся пять дней назад, – объяснила эльфийка. – Открытие приурочили к годовщине. Торжества и праздники будут длиться еще месяц, вы прекрасно отдохнете!

Бронзовый оскалил клыки в улыбке.

– Не сомневаюсь. Спасибо, прекрасная незнакомка.

Девушка смущенно потупила взгляд.

– Не за что... Заказать вам глайдер?

– Я предпочитаю крылья, – дракон покачал головой.

– Желаю приятного отдыха!

– Благодарю, – улыбнулся Рама, направляясь к выходу. За дверью улыбка бесследно исчезла.

Некоторое время дракон молча стоял на пороге, вдыхая запахи Кринна. Он не был здесь с тех самых пор, как... Зажмурившись, Рама рефлекторно поджал правую переднюю лапу. Давно забытая боль впервые за много лет напомнила о себе.

Дракон с шумом выдохнул сквозь зубы. Когда-то он дал себе зарок не возвращаться на эту планету. Кто знает, быть может ему и сейчас не стоит здесь находиться...

Слегка успокоившись, Рама расправил крылья и внимательно их осмотрел. Стародавняя привычка. Перепонка находилась в полном порядке, и дракон прынул в небо, напрягая все силы, поскольку рюкзак был очень тяжелым. Гравикомпенсаторы Рама не любил, они лишали его чувства полета.

С воздуха серебряная громада космодрома казалась стальным утесом среди джунглей. Дракон парил в теплых восходящих потоках, каждая его клеточка наслаждалась полетом. Под крыльями зеленел живописный парк, в честь праздника деревья были украшены яркими воздушными шарами и лентами, вдоль светлых дорожек прогуливались люди. Рама стремился как можно полнее, глубже запомнить

окружающий мир: он знал, что больше его не увидит.

Вскоре вдаль показалось место, куда стремился дракон. Спланировав на лужайку, Рама сложил крылья и, хромя, направился к широкой и низкой беседке, построенной в хайларском стиле. Там, он знал, его ждало сообщение.

Ожидания не были обмануты: дисковизор лежал под скамьей. Бронзовый дракон смотрел послание молча, лишь нервное подрагивание хвоста выдавало его напряжение. Когда дисковизор погас и беззвучно рассыпался на молекулы, Рама зажмурился.

Что ж, отступать поздно. Он готовился к сегодняшнему дню долгие годы. Но прежде надо завершить все дела, и, раз уж он на Кринне... С трудом переведя дыхание, дракон поднял лапу и коснулся браслета, сверкавшего на правом роге. Мысленно продиктовал номер.

Изображения долго не возникало. Когда звонок все же приняли, Рама произвольно вздрогнул. В глубине души он надеялся не получить ответа.

– Я слушаю, – произнес молодой бронзовый дракон, чья голова появилась в голографическом облачке. Рама ответил не сразу.

– С праздником, – сказал он после паузы. Молодой дракон с легким удивлением приподнял гребень.

– Отец? Ты на Кринне?

– Да вот, залетел по делам... – Рама со странной болью смотрел на сына. – Ну как ты?

Дракон пожал крыльями.

– Наша жизнь бедна событиями.

– По-прежнему одинок?

– Среди нас мало драконов, – крылатый покачал головой. – Но я не теряю надежды.

– Значит, ты... все так же веришь? – негромко спросил Рама.

Сын едва заметно улыбнулся краешком пасти.

– А что должно было измениться, отец?

– Я думал... Надеялся, что за столько лет...

– ...я поумнею? – молодой дракон прищурил глаза.

Рама помолчал.

– Мне не понятна твоя вера, Крит.

– Ты в этом не одинок.

– Как можно в наше время...

– Только в наше и можно, отец, – прервал Крит. – Только сейчас, среди насмешек и скептицизма, можно взвесить собственную душу и найти ее истинную ценность. Ты не поймешь.

– Я и не пытаюсь, – Рама вздохнул. – Просто хотел увидеть тебя... еще разок.

Крит улыбнулся.

– Я вполне счастлив, отец. Община процветает, мы ни в чем не нуждаемся.

– Рад за вас, – Рама опустил взгляд. – Сынок, сегодня я улетаю... навсегда. Мы больше не увидимся, и я хотел сказать... Просто знай, что я люблю тебя так же сильно, как раньше. Мне больно думать о дороге, которую ты избрал, но ты уже взрослый и имеешь на это право.

Молодой дракон встревожился:

– Куда ты летишь, отец? Это опасно?

– Не очень, – Рама с трудом улыбнулся. – Там... все завязано на релятивистских эффектах, так что обратной дороги не будет. Прости. От меня зависят многие жизни, сын, очень многие. Я должен лететь.

Крит неуверенно кивнул.

– Если так, то удачи...

– Она мне потребуется, – грустно ответил Рама. – Рад был увидеть тебя, малыш. Прощай и будь счастлив.

Отключив связь, он зажмурился и шепотом добавил:

– Я передам привет твоим богам...

Несколько минут затем Рама стоял неподвижно, крепко сомкнув веки и распустив крылья. Он прощался с сыном, со всеми друзьями, с целым миром. Это оказалось куда труднее, чем ожидал дракон.

Наконец, бронзовый встряхнулся и решительно поднял лапу. Коготь коснулся сенсорной площадки браслета:

– Информаторий.

В воздухе перед лицом Рамы повисла яркая голограмма справочной службы.

– Скоро ожидается экскурсия в Кзак– Царот, – отрывисто бросил дракон. – Нужен билет.

– О, крылатый, тебе сказочно везет! – с радостью отозвался компьютер. – Всего лишь через час по центральному времени стартует уникальный праздничный тур в затопленный пещерный город Кзак– Царот, где недавно в честь великой годовщины возвели новую подводную галерею!

Рама натянуто усмехнулся.

– Везение... – он глубоко вдохнул. – Забронируй одно место. Встреча в кратере у Тарсиса?

– Ты верно угадал, крылатый! – сообщил компьютер. – Место встречи экскурсантов – кратер возле города Тарсис, координаты 869301. Руководит туром магистр археологии Клеана. Ты забронировал последнее свободное место! – добавила машина.

Рама кивнул:

– Я знаю. Отключись.

– С праздником! – голограмма погасла, а дракон внезапно зажмурился. Ему до боли, до зубовного скрежета захотелось все бросить и умчаться в небо, прочь от городов, прочь от вечного страха. Почему именно его выбрала судьба? Разве не достаточно страданий выпало на его долю?

"Если не я, то кто?" – в очередной раз спросил себя Рама. И хотя ему страстно хотелось крикнуть "Да кто угодно!", чувство долга вновь одержало вверх над страхом. Дракон решительно дернул хвостом и покинул беседку.

Огляделся в поисках ближайшего трансферного диска. В пределах видимости такого не оказалось, и Рама шагнул навстречу массивному алому дракону, проходившему мимо. Рядом с ним семенила юная черная драконочка.

– Не подскажите, где здесь телепорт? – спросил бронзовый.

– Мы идем как раз туда, – улыбнулся красный. – С праздником вас.

– Благодарю...

Пару минут все шагали молча, но драконочка вскоре не выдержала тишины и незаметно пристроилась рядом с Рамой. Изумительная, блестяще– черная, без единой

светлой чешуйки, с ярко– синими глазами и белоснежными клыками, она скорее напоминала струящуюся по земле тень, сказочно красивое видение, чем живое существо. На вид ей было лет четырнадцать– пятнадцать, легкая подпрыгивающая походка и неземная стремительность движений выдавали уроженку тяжелой планеты Кагг, где гравитация в полтора раза превышала нормальную. Все драконы, вылупившиеся там, в других мирах чувствовали себя неуверенно и плохо летали, постоянно ошибаясь с определением высоты. Видимо, поэтому и драконочка, и ее массивный красный спутник шли пешком. На шее малышки висело ярко– голубое ожерелье из сотен миниатюрных металлических дисков, рога украшали бриллиантовые колечки, а на левой задней лапке сверкал браслет. В отличие от большинства крылатых детей, девочка не носила позиционного датчика на роге, очевидно, родители уважали ее самостоятельность.

– Скажите, а почему вы разноцветный? – застенчиво спросила драконочка. Голос у нее оказался на диво звонкий, со странным звучанием, будто говорило сразу несколько драконят. Рама широко улыбнулся: он очень любил детей.

– Когда–то я сильно обгорел. Мне пересадили лапу и крыло латунного дракона.

– Какой ужас! – девочка отпрянула.

– Ничего страшного, – бронзовый подмигнул. – Это случилось очень давно.

Смущенная драконочка бросила на Раму виноватый взгляд.

– Извините, я не хотела напоминать о таком... А правда бронзовые умеют дышать под водой? – спросила она поспешно, желая скорее сменить тему.

Рама весело кивнул:

– Правда. И черные тоже.

– А превращаться в животных?

– Раньше умели... – бронзовый вздохнул.

– А почему разучились? – удивилась драконочка.

– Когда с Кринна ушла магия, драконы лишились многих способностей, – мрачно отозвался Рама. Покосившись на юную спутницу, он, чуть веселее, добавил: – Но не всех. Например, черные по– прежнему умеют дышать кислотой.

Драконочка сморщила носик.

– Фу, кислота... Ненавижу! Потом такой вкус во рту отвратительный!

Бронзовый рассмеялся. Ободренная малышка улыбнулась:

– А я певица. На праздник прилетела. Буду выступать на торжественном параде!

– О! – Рама встрепенулся. – Вот почему голос такой...

– Ага, странный, – драконочка озорно оскалила зубки. Лукаво взглянув на Раму, она, к его полной неожиданности, добавила низким мужским басом: – Я могу любой голос имитировать. Даже роботы верят.

Бронзовый тепло улыбнулся.

– Умница.

– Спасибо... – смутилась малышка. – А вы кем работаете?

– Пожарником.

– А... – драконочка запнулась. – Понимаю...

– Точно, – улыбнулся Рама. – После того пожара я решил посвятить жизнь борьбе с ними.

– Но разве бронзовые умеют замораживать дыханием? – неуверенно спросила малышка.

Рама фыркнул.

– Против огня мороз не поможет. Пламя надо изолировать от воздуха, лишить притока кислорода. Поэтому пожарниками чаще всего становятся бронзовые и зеленые, мы умеем дышать туманом. Ну и, конечно, латунные, им ведь огонь не страшен... – крылатый запнулся и сильно дернул хвостом, будто от внезапной боли.

Драконочка озадаченно нахмурилась.

– Странно, я всегда думала что против огня нужен мороз.

– Многие дети так думают... – Рама с трудом заставил себя ответить спокойно. В его разуме бушевал подлинный смерч из жестоких воспоминаний.

Малышка серьезно кивнула.

– Буду знать. А меня зовут Йана, – драконочка попыталась на ходу выполнить вежливый жест крылом, но споткнулась и чуть не упала. Бронзовый помог ей удержаться на ногах.

– Осторожнее, – крылатый тепло улыбнулся. – Я Рама.

– Вот и познакомились! – рассмеялась драконочка. – Жаль, больше не встретимся...

Бронзовый вскинул голову. Так и есть, среди деревьев уже виднелась площадка трансферного диска, огороженная изящной деревянной изгородью. Оба взрослых дракона одновременно сделали приглашающий жест и рассмеялись.

– Только после вас, – Рама покачал головой. – Я гость.

– Что ж... – не стал спорить красный. Шагнув на диск, он пробежался когтями в воздухе и тут же испарился вместе с Йаной. Мгновением позже за ними последовал и Рама.

Телепортация, как всегда, сработала четко, и бронзовый, прищурив глаза, оглядел пункт прибытия. Он стоял в громадном каменистом кратере, рядом с полусферическим куполом оранжереи. От диска к куполу шла серебристая дорожка, такая же пересекала дно кратера в направлении стоянки транспортных глайдеров. Однако вовсе не машины привлекли внимание Рама.

Метрах в двадцати от него на дороге стояла красивая изумрудная драконесса. К ней направлялись двое – красный дракон и юная черная драконочка. Услышав звук телепортации, алый обернулся и удивленно встопорщил гребень:

– Вы?

Смущенный Рама развел крыльями:

– Информаторий в парке сообщил о туристическом походе в Кзак– Царот... – он подошел к драконам и вежливо наклонил голову. – Я не ошибся кодом?

Зеленая драконесса кивнула:

– Нет, все верно. Экскурсия стартует через час, но все уже собрались, так что, можно начинать. С праздником! – она окинула Раму внимательным взглядом. – А что у вас в рюкзаке такое большое?

Бронзовый едва заметно сузил зрачки.

– Ничего интересного. Ультразвуковой бур, фонари, камера... Я занимаюсь спелеодайвингом.

– Фшшш! – драконесса встопорщила гребень от удивления. – Вот так сюрприз!

Рама насторожился:

– Почему?

– Мы коллеги, – улыбнулась драконесса. – Я тоже изучаю подводные гроты, хотя вам, конечно, легче, вы ведь дышите под водой.

– Это просто хобби, – Рама покачал головой.

– Но почему вы не оставили снаряжение в караван- логове? – удивился красный дракон. – Мы будем много ходить, вы устанете.

Бронзовый развел крыльями.

– Я только что прибыл на Кринн и еще не успел снять пещерку. Не хотелось пропустить ваш замечательный тур.

Зеленая драконесса неуверенно кивнула.

– Что ж, вам виднее. На время экскурсии можете оставить рюкзак в машине.

– Отлично! – Рама изобразил оживление. – Вы магистр Клеана, руководитель тура?

– Верно, – отозвалась крылатая. – Вам очень повезло, билеты на мои экскурсии обычно расхватывают за неделю до начала. Не представляю, как одно место сохранилось, тем более в праздники...

В глазах бронзового промелькнул странный огонек.

– Бывает, – он вежливо приспустил крыло и поклонился. – Я Рама.

Красный дракон с улыбкой потрепал по голове черную малышку:

– Ну, с Йаной вы уже знакомы. А я Дагар'р.

Рама вздрогнул:

– Астронавт Дагар'р?

– Точно, – алый прищурил глаза. – Вы меня знаете?

Бронзовый дракон кивнул.

– Слышал... – Рама нервно дернул хвостом. – Это ведь ваш корабль обнаружил древний спеллджамер Д'эума в созвездии Дельфина?

Дагар'р улыбнулся.

– Надо же, еще помнят... – он с большим интересом перебрал крыльями. – Вы астронавт?

– Нет, я пожарник, – Рама с трудом улыбнулся. – Просто интересуюсь... историей. Ваше открытие перевернуло все, что мы знали о предках.

– Еще бы! – рассмеялся алый дракон. – Я до сих пор поражаюсь, как рискнул сунуться в то облако. Когда мы возвращались, на обшивке...

– Дагар'р, – зеленая драконесса кашлянула. Астронавт запнулся.

– ...впрочем, рассказ лучше продолжить в пути. Что ж, все в сборе! Рама, занимайте последнее свободное место, и мы стартуем.

Крылатые направились к дремлющим вдали машинам.

3

Монастырь раскинулся на гребне высокого удлиненного хребта, делившего город надвое. Рейстлин любил высоту. Ночами вроде нынешней, из его башни, вздымавшейся над монастырскими стенами на много ярдов, открывался сказочно красивый вид на сверкающий миллионами огней мегаполис.

Ученый стоял у окна. Ветер развеивал его седые волосы, гладил желтоватую пергаментно– сухую кожу. Золотые глаза со зрачками в форме песочных часов были закрыты. Дома, когда публика не могла его видеть, Рейстлин носил черную рясу, подпоясанную белым поясом – символ обеих Сил мира, а вернее, ни одной из них.

Свистел ветер. Далеко внизу, россыпью волшебных алмазов сверкал мегаполис. Старик всей своей сущностью чувствовал ауру, окружавшую город. Там, в туманной бездне, обитали миллионы разумных существ, миллионы жизненных рек текли от рождения– истока к Океану, вливаясь в общее энергетическое поле Вселенной, и каждая жизнь – микроскопическая капелька – соединяясь со Вселенной, изменяла ее целиком. Рейстлин знал это лучше, чем кто либо другой. Вероятно, именно так взирали с небес древние боги...

Не открывая глаз, старик протянул руку за окно и прошептал:

– Ширак.

Тьма под сомкнутыми веками осветилась. Внутренний взор Рейстлина мгновенно окинул территорию монастыря, выхватывая из мутной, нерезкой картины лишь те детали, которые его интересовали. Все было в норме, большинство

послушников спали. Лишь один, обладавший почти такими же способностями, как сам Рэйстлин, мог ощутить магический взгляд – и хотя понять, что это такое, было пока не в его силах, врожденный талант давал о себе знать. Старый ученый улыбнулся, когда снизу, со двора донесся невообразимый звук: зевал просыпающийся дракон.

Сонно моргая, молодой Крит, единственный крылатый послушник монастыря, расправил широкие бронзовые крылья и привычно оглядел перепонку. Шумно вздохнул, обвел взглядом двор, никого не увидел и, прижав гребень, вновь сунул голову под крыло, готовясь ко сну. Рейстлин смотрел на него сверху.

"Крит" – позвал он беззвучно. Дракон вздрогнул, красивая голова тут же взлетела на длинной шее. Недоуменно озираясь, крылатый сел на хвост и потер лапой нос.

– Кто тут? – неуверенно спросил дракон.

"Поднимись в башню", – приказал Рейстлин. Раньше он никогда не говорил с послушниками при помощи мыслеречи, полагая, что время для столь шокирующих уроков еще не пришло. Теперь все изменилось.

– Учитель? – пораженно спросил Крит, подняв взгляд и заметив старика в окне башни.

"Ты мне нужен. Поспеши."

– Да, учитель... – сглотнув, дракон расправил крылья и мощно загреб воздух. Магическая сила, таившаяся в каждом из них, уничтожила вес многотонного тела и крылатый сказочно, грациозно, как во сне, взмыл навстречу звездам. Рэйстлин видел такие полеты ежедневно, и всякий раз у него перехватывало дух от невообразимой красоты зрелища. В очередной раз старику пришла мысль, что даже если бы он умер спустя миг после рождения, успев увидеть лишь полет дракона – жизнь была бы прожита не зря.

Крит спланировал на широкую плоскую вершину башни, специально спроектированную для драконов, и быстро сбежал по лестнице в палаты Рейстлина. Ученый отошел от окна. Несмотря на всю его силу, старость давала о себе знать ежесекундно.

– Учитель, вы передали мысли на расстояние? – возбужденно спросил

молодой дракон, едва появившись в дверях. Рэйстлин горько улыбнулся.

– Когда много лет изучаешь жизнь своего отражения в магическом мире, трудно не научиться магии, – ответил он тихо. – Крит, сегодня исполняется две тысячи пятьсот лет со дня Революции.

Дракон недоуменно моргнул.

– Я знаю, учитель.

– Да, – Рэйстлин перебрал сухими пальцами по колену. – Сегодня должна случиться третья флуктуация.

Крит застыл. Его огромные, цвета изумруда глаза широко раскрылись.

– Третья? – переспросил он недоверчиво. – Но, учитель, ведь мы никогда не...

– Я знал о ней столько же времени, как и о двух других, – мрачно ответил ученый. – Просто не все следует открывать молодым, пока не пришло время.

Дракон медленно уселся на хвост и плотно сложил на спине крылья.

– Что изменится? – спросил он тихо. – Какова будет флуктуация?

– Я не знаю, – коротко сказал Рэйстлин. – Это событие изменит курс развития Кринна, изменит наше будущее, а не прошлое.

Крит сузил глаза.

– Но вы встревожены, учитель. Почему?

– Потому что вчера, прямо в телестудии Палантаса, Матафлэр вновь убила Пироса.

Бронзовый отпрянул.

– Как?! – он моргнул. – Убила в нашей ветви?!

– Именно, – глухо сказал Рэйстлин. – В дни флуктуаций ветви ненадолго становятся едины, вероятностные узоры сливаются, и мы совершаем те же поступки, что и наши копии в других линиях истории. И потому я бы не удивился действиям Матафлэр, если б не одна деталь: в нашей ветви смерть Пироса запоздала на две с половиной тысячи лет.

Дракон слотнул.

– Учитель, что это значит?

– Это значит, сегодняшняя флуктуация изменит не только будущее, – сухо ответил ученый.

Он коснулся кнопки на рукояти кресла. Из– под потолка беззвучно опустился экран, в противоположной стене вспыхнул проектор. Рэйстлин вывел на экран сложную диаграмму и кивнул на высокий, острый пик на желтом графике.

– Что–то пошло не так, – произнес ученый. – Сегодня должна произойти третья флуктуация, но вместо третьей случится вторая.

– Как?! – изумленный Крит отпрянул.

– Я не знаю.

Рэйстлин опустил голову и с трудом перевел дыхание.

– Я не знаю, Крит, – повторил он тихо. – Я не бог.

Он поднял взгляд.

– Если то, чего я боюсь, случится, вторая ветвь нашей истории изменится. Между древнейшей линией бронзового века, и нашим миром, где была Революция, окажется временной провал – вероятностный сдвиг на две с половиной тысячи лет, то есть совершенно иной мир, не связанный с нашей историей. Ты понимаешь, к чему это приведет?

Бронзовый с ужасом приоткрыл пасть.

– Дестабилизация... – прошептал он.

– Хуже, – мрачно сказал Рэйстлин. – Наша ветвь суть производная обеих предыдущих линий истории, любые изменения в прошлом отряжутся у нас стократ сильнее, чем можно представить. Каждое утро мы будем просыпаться и гадать, какие перемены произошли на Кринне. Палантас может исчезнуть за одну ночь, а затем возникнуть вновь, населенный другими существами – теми, кто жил бы в нашем городе вместо нас, если б мы никогда не рождались. Цивилизация рухнет как бумажный дворец под лапой дракона.

Крит сглотнул.

– Учитель, вы можете помешать?

– Я – нет. Ты – да.

– Я?!

– Я слишком стар, Крит, – тихо произнес Рэйстлин. – Слишком стар для таких миссий...

Бронзовый вскочил.

– Вы хотите запустить машину?! – он даже приоткрыл крылья от возбуждения.

– Учитель, я готов! Я полечу!

– Знаю, – старик горько улыбнулся. – Знаю, Крит. Ведь я сам готовил тебя к этому дню.

Дракон запнулся, но быстро пришел в себя и кивнул.

– Да, учитель. Вы хорошо меня подготовили.

– Ты полетишь не один, – заметил Рэйстлин.

Крит моргнул.

– С кем?

– С тобой отправится Матафлэр.

– Наоми?! – бронзовый попятился от неожиданности. – Но... Учитель, она же...

– Она прекрасный специалист.

Крит моргнул.

– Но она ничего не знает о нашей работе!

– О том, что вам предстоит, не знает никто, – коротко сказал старый ученый. – Включая меня. Ты прекрасно подготовлен, Крит, но ты молод и никогда не бывал в диких мирах. Наоми же провела на таких планетах четыре века. Древний Криинн – ее родной дом; не забывай, кто она такая.

Бронзовый вскинул голову.

– Да. Я понимаю, учитель.

– Наоми не должна знать судьбу своего отражения, – твердо заявил ученый. – Ты расскажешь ей все, кроме этого.

– Ясно.

Рэйстлин шевельнул рукой. График на экране сменился крупномасштабной топографической картой.

– Скалы Ледяного Предела, хребет тянется южнее города Зериак. Там ваша цель.

– Провидица? – коротко спросил бронзовый. – Кристалл?

– Найдите ее. Она расскажет, где произошла ошибка и почему вторая флуктуация не случилась вовремя. Я думаю, вмешался кто-то из нашего мира – кто-то, обладающий достаточными знаниями, чтобы построить машину времени, однако

не подозревающий об опасности вмешательства в вероятностные узоры Вселенной...

Крит опустил голову.

– Это судьба, – сказал он тихо. – Я словно чувствовал... Знаете, учитель, мне ведь вчера позвонил отец, впервые за десять лет.

– Рама вернулся на Кринн? – Рэйстлин поднял брови.

– Да, он куда-то улетает и хотел проститься, – вздохнул бронзовый. – Сказал, все связано с релятивистскими эффектами и обратного пути не будет. Знал бы он, куда сегодня отправится его сын!

Ученый содрогнулся.

– Боги... – Рэйстлин вцепился в подлокотники кресла. – Рама!

Крит широко раскрыл глаза.

– В чем дело?

Ученый страшным усилием воли взял себя в руки.

– Ничего, – он даже сумел слабо улыбнуться. – Все хорошо. Начинай готовиться, Крит, вы отправляетесь в полдень. Скоро прибудет Наоми.

Дракон с подозрением взглянул на Рэйстлина глубокими изумрудными глазами, но ничего не сказал и лишь уважительно наклонил голову. Когда он выходил, волна воздуха, поднятая его мощным телом, всколыхнула седую гриву старого ученого.

Рэйстлин зажмурился. Иногда он проклинал свои знания. Почему, ну почему судьбу так легко перевести на язык чисел? Как можно уместить в безликом уравнении все, что делает дракона – драконом, эльфа – эльфом, человека – человеком? Рэйстлин еще раз вспомнил свои вычисления. Все шло точно по графику. Он знал, что Рама исполнит свой план. Знал, что Крит последует за отцом в прошлое, знал даже, что Наоми убьет Пироса – и знал, что не станет ее останавливать. Рэйстлин знал слишком много для простого человека.

Да... Он еще помнил время, когда был человеком. Остался ли? И можно ли быть человеком в мире, где судьба вычисляется простой математикой?

– Marionетка... – прошептал старик. В который раз, с ненавистью подумалось ему. В который раз... А кукловоды ежедневно изобретают все новые и новые способы веселить публику. Иначе зрителям не понравится спектакль!

Рэйстлин так сжал подлокотники кресла, что на тонких, старческих руках выступили жилы. Я ближе всех к ножницам, подумал ученый. Но если обрезать ниточки – сможет ли кукла зажить собственной жизнью? Или рухнет на землю безвольным куском раскрашенного дерева?

Когда–нибудь он это узнает... Но не сейчас. И не скоро. Время у него есть, время никто не отнимет. Не смогут. Не посмеют! С этими мыслями Рэйстлин откинулся в кресле и приказал телу расслабиться.

Тело, по крайней мере, еще слушалось его приказов...

4

– Неужели наши предки жили ЗДЕСЬ? – удивленно спросила черная драконочка. Экскурсанты стояли на каменистом плато, перед громадным проломом, откуда доносился плеск воды. Вокруг вздымались руины древнейшего храма, некогда великолепного, а сегодня с трудом отличимого от груды камней.

– Нет, – качнула головой Клеана. – В Кзак– Цароте, пока его не затопило, жили агари, прозванные овражными гномами, и рабы– драконицы Владычицы Тьмы.

– А драконы?

– Ну... – Клеана улыбнулась. – Некоторое время здесь провела знаменитая воительница Хисант...

– Моя пра– прабабушка! – с гордостью заявила черная драконочка.

– Действительно? – удивилась Клеана.

– Конечно! Вот, смотрите... – Йана привстала на задние лапки, демонстрируя ожерелье, навитое из сотен маленьких дисков, блестевших небесно– голубым металлом. – Их носила сама Хисант!

Клеана со вздохом покачала головой.

– Едва ли, малышка. Если не ошибаюсь, это диски Мишакаль...

– Настоящие! – драконочка азартно кивнула.

– Когда–то они были смертельны для любого дракона хроматовой расы, –

грустно сказала Клеана.

Йана широко раскрыла глазки.

– Смертельны?! То есть, ядовиты?

– Не совсем... – Клеана оглянулась. Вокруг, предвкушая интересную историю, уже столпились экскурсанты. Беспомощно разведя крыльями, Клеана сдалась:

– Так и быть, расскажу. Ровно две с половиной тысячи лет назад, здесь, где мы сейчас стоим, вздымался храм так называемой богини жизни Мишакаль. В то время на Кринне бушевала очередная война, битвы следовали одна за другой почти без передышки...

Пока Клеана рассказывала, Рама незаметно отделился от группы. Скрывшись за обломком храмовой стены, он быстро сбросил рюкзак. Дальнейшее бронзовый репетировал и оттачивал столько раз, что мог работать с закрытыми глазами.

– ...Хисант совершила фатальную ошибку, положившись на свою силу и забыв о коварстве богов, – рассказывала Клеана. – Она умерла жестокой, мучительной смертью, а вскоре за ней последовали почти все жители Кзак– Царота, когда убийцы Хисант затопили город. Богиня жизни Мишакаль холодно взирала на их муки...

Черная драконочка гневно дернула хвостом:

– Какая же она богиня жизни, если погубила мою прабабушку? – возмущенно спросила Йана.

Клеана вздохнула.

– Она была доброй только к своим рабам, маленькая, и лишь пока те вели себя как покорный скот. Ее "исцеление" принесло бы смерть и тебе, и мне, ведь мы хроматовые драконы. Позже, когда Революция уже завершилась, историки даже придумали особый термин для такой "доброты": избирательное милосердие...

Рама щелкнул замками специального скафандра, представлявшего собой скелетоподобную "сбрую" из квазипластика, с огромным числом кронштейнов, зажимов и держателей для оборудования. Дракону предстояло нести на себе десятки портативных (и не слишком портативных) устройств. Самое большое и тяжелое из них, мезонный реактор, Рама навьючил на спину, две трубы излучателей заняли места под крыльями. Вскоре на земле лежал пустой рюкзак, зато дракон стал похож на

промышленного робота. С таким грузом он пойдет ко дну быстрее любого камня.

– Ну же... – нетерпеливо прошептал бронзовый, выглянув из-за стены. Экскурсанты еще стояли у пролома.

Дракон бросил взгляд на часы. До критической отметки оставалось двенадцать минут; слишком мало! Стиснув зубы, Рама понял, что ждать больше нельзя. Придется рискнуть.

– ...когда Око вместе с двумя несчастными драконами было похоронено под руинами человеческой крепости, великий Скай находился рядом, и всплеск магической энергии прояснил его разум, заглушив ядовитые приказы, вложенные богами в каждого раба... – Клеана запнулась и широко раскрыла глаза, – ...Рама?!

Бронзовый бежал к трещине, громыхая и звеня в своем скафандре, словно воронье пугало. Ошарашенные драконы не сразу опомнились.

– Стойте, здесь нельзя нырять! – Клеана первой угадала намерение Рама. – Это памятник куль...

Бронзовый наконец добежал до пролома и, напрягая все силы, взвился в прыжок. Всплеск! Холод. Торпедой ввинчиваясь в черную воду, Рама спешил достичь безопасной глубины. Крики наверху он уже не слышал.

Когда светящийся дисплей глубиномера подтвердил ощущения дракона, Рама резко ударил крыльями, тормозя погружение. Сорвав с пояса один из приборов, бронзовый раздавил пальцами защитную стеклянную полусферу и, зажмурившись, глубоко вдавил кнопку. Теперь осталось лишь завершить начатое...

Во мраке подводной пещеры, впервые за восемь тысяч лет, прозвучали странные слова:

– Аст реносо их'х фалконис, аст креас'са мер тобрил'л, драэ, драго, дрэа кьенса, дра'акари муно тил'л!

Рама всем телом ощутил резкий скачок давления, словно при подводном землетрясении. Вокруг дракона моментально завертелась воронка, цифры на глубиномере слились в неразборчивое пятно. Низкий, переходящий в инфразвук гул ударил со дна, заставил всю пещеру отозваться рокотом извержения.

Рама еще не успел осознать, что происходит, как рокочущий грохот сложился в голос невообразимой мощи, буквально вскипятивший своей энергией подземное

море:

– Астарх!!! – проревело неведомое чудовище.

Сила землетрясения достигла пика. Свет окончательно померк, водоворот вокруг дракона медленно смыкался в шар. На мгновение, теряющему сознание Рама померещился силуэт маленького крылатого существа, отчаянно боровшегося с воронкой... И, с оглушительным грохотом, мир исчез.

Дракон падал в темноту, крича и судорожно размахивая крыльями в поисках спасения. Шелковые облака хрустальных туманностей глотали его крик, превращая звук в танцующие молнии всех цветов радуги.

Спустя некоторое время темнота сменилась огнем, Рама падал в жерла вулканов, выныривал из озер, сотканных белым туманом. К этому моменту бронзовый сумел преодолеть оцепенение первых мгновений и попытался оценить обстановку. Вода куда-то пропала, Рама парил в пустоте, подозрительно напоминающей космос, однако заполненной воздухом. Непрерывный поток видений мешал сосредоточиться, но крылатый все же сумел вырваться из- под их гипнотического влияния и оглядеться. Его сердце чуть не остановилось, когда рядом, в клокочущей пустоте, он увидел перепуганную маленькую драконочку.

– Йана?!

Девочка судорожно обернулась, увидела Раму и с криком бросилась к нему, подсознательно ища у взрослого защиты. Тот же инстинкт заставил бронзового дракона прижать малышку крылом и заслонить ее собой от рушащегося мира.

– Это невозможно... – прошептал Рама. – Тебя не должно быть здесь, тебя не было!

Малышка не ответила, она плакала, цепляясь за взрослого дрожащими от страха лапками, и это мгновенно вернуло дракону ясность мышления. Теперь от него зависела жизнь ребенка – все остальное неважно.

– Йана, успокойся... – тихо сказал Рама, крепче укутав малышку крыльями. Драконочка только сильнее вцепилась в своего защитника.

– Ничего страшного не происходит, – с нажимом повторил Рама. – Мы перемещаемся во времени. Все будет хорошо. Не бойся, маленькая.

Йана подняла заплаканные глазки на бронзового дракона и внезапно приникла

к нему всем телом. Рама ободряюще улыбнулся.

– Все будет хорошо, – твердо заявил он, стараясь не обращать внимания на сверкающие туманности, сквозь которые они летели. – Поняла? Мы перемещаемся во времени, только и всего. Бояться нечего.

– Время? – Йана дрожала, оглядываясь по сторонам. Они с Рамой мчались над поверхностью скалистой планеты, проносясь над горными пиками и бездонными провалами.

– Конечно! – Рама с тревогой наблюдал за приближением громадного серебряного шестиугольника, однако голос дракона звучал весело и уверенно. – Ты уже большая девочка, Йана, разве можно бояться миражей?

Малышка некоторое время молчала.

– Тут все настоящее... – едва слышно прошептала она.

Серебряный шестиугольник надвигался с огромной скоростью. Вскоре стало видно, что он совершенно плоский, но в центре верхней грани темнела некая точка. Драконы молча следили за ее приближением.

С каждой секундой шестиугольник увеличивался в размерах. Скоро Рама и Йана мчались над идеально плоской серебряной поверхностью, не отражаясь в ней. И постепенно начинали различать, что находится в центре.

Там, посреди сверкающей равнины, стоял высокий черный трон. Роскошный, украшенный золотом и барельефами, Трон имел весьма странную форму – словно тот, кто некогда восседал здесь, был размером с многоэтажный дом и обладал сразу несколькими хвостами.

Верхняя часть спинки пятью языками пламени загибалась вперед, образуя из себя своеобразные каменные короны. Каждый зубец – Рама отлично видел – представлял собой драконий клык.

– Они настоящие, да? – тихо спросила малышка. Бронзовый долго провожал взглядом Трон Владычицы, уносящийся в туман.

– Конечно, нет, – ответил он ласково. – Кто станет делать корону из настоящих драконьих клыков?

– Такхизис... – тихо ответила Йана. И Рама ничего не сказал.

Слегка опомнившись, драконочка завертела головой во все стороны.

– Мы движемся сквозь время? – сомнительно протянула она.

– Конечно.

– А почему вон там появляется пещера?

Рама резко обернулся и, с огромным облегчением, увидел медленно проступающую из-под колдовской завесы каменную стену. Невероятное путешествие заканчивалось.

– Все правильно, кроме девочки... – пробормотал дракон. Осторожно распустив крылья, он перехватил малышку лапами и помог ей взобраться себе на спину. Последние видения гасли одно за другим, из темноты проступали каменные стены пещеры.

– Что происходит? Где мы? Как можно летать сквозь время?! – придя в себя, Йана взорвалась вопросами. Рама сузил зрачки:

– Дай подумать! – рявкнул он чуть громче, чем следовало. Испуганная драконочка притихла.

Бронзовый стиснул зубы: дело плохо. Все шло правильно – тур в Кзак Царот, храм, даже астронавт Дагар'р, о нем упоминалось... Йана, малышка, как же тебя угораздило, теперь различия станут нарастать, будто снежный ком! Миссия началась согласно худшему сценарию из всех, рассматривавшихся при подготовке.

– Йана, как ты здесь оказалась? – хрипло спросил Рама.

Малышка гордо вскинула голову и промолчала. Бронзовый вздохнул.

– Прости, я испуган...

– А нечего на меня рычать! – возмущенно отозвалась драконочка. – Я за тобой нырнула! Под водой только черные и бронзовые дышат, забыл? А потом меня воронка потащила вниз, я чуть не спятила со сражу! Откуда мне было знать, что ты машину времени с собой приволок?! – она встрепенулась. – Ой, Рама, а твоя машина в обе стороны работает?

Дракон скрипнул зубами.

– Она одноразовая.

Йана тихонько пискнула. Бронзовый покачал головой.

– Мне жаль, малышка, – сказал он глухо. – Тебе не следовало нырять.

– Верю, – печально ответила Йана, глядя, как с каждой секундой все

отчетливой проявляются стены. – А я так надеялась выступить на параде...

Рама молча ждал. Вскоре последние видения сгинули, и драконы очутились в древнем, пробитом в скале коридоре. Сильно пахло гнилью, затхлый воздух был совершенно неподвижен. Йана, сидя на спине Рамы, тяжело вздохнула.

– Приехали...

– Главное, ничего не бойся, – бронзовый потрепал малышку крылом. – Ты угодила в большую неприятность, но мы вместе, а остальное неважно. Пока я жив, с тобой ничего не случится.

Драконочка помолчала.

– Мы не сможем вернуться, да? – спросила она тихо.

– Не сможем.

– Совсем– совсем– совсем?

– Прости, – Рама опустил голову. – Мне очень жаль. Но лучше, если ты поймешь сразу. Мы не сможем вернуться. Никогда. Я постараюсь заменить тебе родителей...

– У меня их нет, – прервала Йана. – Я черная, забыл? В нашем племени дети не знают родителей.

Бронзовый с болью зажмурился.

– Я сожалею, малышка.

– А я нет, – хмуро отозвалась Йана. – Зачем помнить о тех, кому на тебя хвостом? Я вылупилась на Кагге, в нашей колонии ты или выживаешь самостоятельно, или... не выживаешь.

– Куда же смотрит СБД?! – не выдержал Рама.

Йана фыркнула.

– Скажи спасибо, что им хоть позволили устроить школу, а то я до сих пор училась бы говорить, подсматривая за людьми, как в древности. Имена своих родителей я только в школе узнала.

– Как же ты выяснила, что Хисант твоя прабабушка? – удивился бронзовый дракон.

Малышка с трудом улыбнулась.

– А это мне уже тут, на Кринне сказали. Когда нас встречали на космодроме,

мне, как последней живущей наследнице Хисант, вручили ее старое ожерелье. Знал бы ты, как я радовалась...

Она передернула крыльями и оглядела мрачный каменный коридор.

– Хотя кому это сейчас интересно... – буркнула драконочка. – Постараюсь привыкнуть. Дагар'ра только жаль, он меня любил.

Рама вздрогнул.

– Прости...

– Ты меня за хвост не тянул, так что не извиняйся, – Йана вздохнула. – Рама... – Она свесила голову вниз и попыталась поймать взгляд бронзового. – А что означало то заклинание? Аст реносо их'х фалк...

Дракон, вздрогнув, поспешно накрыл девочку крылом:

– Тссс! Никогда не повторяй этого вслух!

Удивленная Йана выглянула из– под блестящей бронзовой перепонки:

– Почему?

– Потому что заклинание срботает, глупышка, – устало ответил Рама. – Мы отправились в прошлое на двадцать пять веков. Здесь, сейчас, совсем не тот мир, в котором ты жила, Йана. Тут действует магия, обитают боги и... – он запнулся, но все же закончил: – ...и охотятся на драконов.

Малышка вздрогнула и долго ничего не отвечала. Рама изучал показания одного из своих приборов.

– Ты готовился к этому, правда? – внезапно спросила Йана. – Собрал оборудование, нашел место...

– Я готовился много лет, – глухо ответил бронзовый.

– Кто же ты на самом деле?

– Пожарник.

– А еще?

Рама невесело усмехнулся.

– Я работаю в службе безопасности драконов...

– Не ври, – обиделась Йана. – Агент СБД не спросил бы меня о родителях, наша колония у них как бельмо на глазу. Кто ты, говори!

Бронзовый помолчал.

– Уверена, что хочешь знать?

– Абсолютно.

– Ну, что ж... – Рама опустил взгляд. – Ты, как вижу, девочка смелая и самостоятельная, так что скажу правду. Слыхала такое слово – диверсант?

Йана широко раскрыла глазки.

– Не может быть!

– Почему? – тихо спросил бронзовый. – Я диверсант, Йана. Меня готовили к этой миссии много лет. И если все пройдет, как надо...

– То что?! – с неподдельным страхом спросила драконочка.

Рама оскалил клыки.

– ...то ничего не изменится, – сказал он сухо.

5

Ранним утром бронзовый Крит, нетерпеливо помахивая хвостом, уже стоял у глайдерной площадки, ожидая прекрасную Наоми. Молодой дракон, как и большинство его сородичей, любил телепрограммы алой драконессы не только за их большую познавательность, но и за личность ведущей. Наоми, ставшая знаменитой почти два столетия назад, когда она сняла многосерийный фильм о дикой природе малонаселенных планет, с тех пор год за годом приобретала все большую известность. Ее документальные картины о диких племенах Кагга вошли в школьную программу большинства драконьих колоний, а шокирующая экспедиция в термальной субмарине ко дну лавового моря Истара, до сих пор считалась самой безумной и опасной научной работой в известной истории. После этого о Наоми говорили уже не только на Кринне, но и почти на всех обитаемых планетах.

Крит с нетерпением ждал возможности познакомиться со знаменитой драконессой. Однако, когда глайдер наконец приземлился, и поляризованный колпак с жужанием пошел вверх, молодой дракон не сразу узнал Наоми. Крылатая так изменилась, словно за два пролетевших дня ее вывернули наизнанку и вновь оживили. Осунувшаяся, бросающая по сторонам нервные взгляды, с крепко прижатым гребнем и безвольно волочащимся хвостом – контраст с телевизионной

красавицей был разительным. Крит невольно вздрогнул, догадавшись о причине таких перемен.

– Наоми? – спросил он нерешительно. Драконесса через силу кивнула. В глайдере, кроме нее, никого не было, из багажа имелся только большой рюкзак и несколько сумок, пристегнутых к поясу. Крит протянул лапу, желая помочь гостье выбраться.

– Я сама, – тихо сказала Наоми. – Осторожно... – она аккуратно переступила борт глайдера, застыв на миг, прежде чем опустить лапу на землю. Было хорошо видно, с каким трудом крылатая сохраняет спокойствие.

Бронзовый вздохнул.

– Добро пожаловать, Наоми. Я Крит Хиррам си– Хирсах, ученик Рэйстлина. Я буду сопровождать вас... там.

– Клан Хирсаха? – негромко спросила гостья. – С планеты Зу?

– Нет, я местный, – улыбнулся Крит. – Вылупился и рос в Соламнии. На Кринне тоже есть логова нашего клана.

– Ясно, – Наоми опустила голову.

Бронзовый сделал галантный жест крылом:

– Пройдемте в монастырь, поедим и поговорим. У нас еще несколько часов до старта.

– Монастырь? – удивленная драконесса подняла взгляд. – Я думала, здесь институт реверсивного прогнозирования.

Крит развел крыльями.

– Каждый зовет нашу общину, как ему нравится. Официально, мы, конечно, институт, однако в действительности община более напоминает монастырь. Я старший послушник.

Драконесса моргнула.

– Послушник? Религиозная секта?

– Нет, – терпеливо ответил Крит. Он давно привык к таким вопросам. – Не религиозная, а философская. Мы изучаем неисследованные глубины духа и разума.

Драконесса поникла.

– Прости. Пару дней назад... Со мной случилось ужасное несчастье.

– Я знаю, – тихо ответил Крит. – Мне очень жаль. Но все проходит.

Пасть Наоми приоткрылась в горькой улыбке.

– Не все, юноша. Не все...

– Мы исправим случившееся, – с неожиданной для него самого горячностью заверил дракон. – Ведь для того и летим в прошлое!

Наоми медленно покачала головой.

– Мне уже не стать прежней. Я убила дракона, юноша. Такое не забывается.

Крит окинул гостью внимательным взглядом.

– А забывать не надо, – сказал он тихо.

Наоми вздрогнула.

– Прости?..

– Все, что нас не убивает, делает нас сильнее, – Крит покачал головой. – Наоми, там, куда мы летим, смерть столь же обычна, как у нас дыхание. Мы не просто увидим гибель многих существ; возможно, сражаться придется и нам. Готова ли ты к такому испытанию? Учитель сказал, ты провела много лет на диких планетах...

Алая драконесса нехотя кивнула.

– Да.

– Сумеешь ли ты убить, если того потребует цель?

Наоми прищурила глаза и чуть склонила голову на бок.

– А ты сумеешь?

Крит запнулся. Помолчал.

– Надеюсь, – ответил он наконец.

– Надежда – отрицание реальности, – холодно сказала Наоми. – Я помню слова Рэйстлина. Припомнить их не помешает и тебе, юный герой. Мы летим спасать жизни, а не отнимать их.

Она вскинула голову и жестом крыла прервала ответ дракона:

– Где Рэйстлин? Я хочу его видеть.

– Он готовит машину вероятности к первому запуску, – помолчав, отозвался Крит.

– Машину вероятности? – Наоми криво усмехнулась и подняла левую лапу. С

браслета на запястье свисал маленький брелок: две игральные кости, перевязанные алой ленточкой.

– Как видишь, у меня тоже есть машина вероятности, – мрачно сказала драконесса.

Бронзовый сдержанно улыбнулся.

– Наша надежнее.

– Хотелось бы верить, – Наоми вздохнула. – Ну что ж, мы так и будем стоять на взлетной площадке, или со мной наконец проведут обещанный инструктаж? Можно подумать, мы отправляемся не спасать планету, а на экскурсию в зоопарк. Хотя... – она пожала крыльями. – Одно другому не мешает...

Крит спохватился:

– Прости, я веду себя как глупый птенец. Идем, все давно готовы и ждут!

Коротко кивнув, алая драконесса легким движением закинула на спину свой рюкзак и направилась к башне Рэйстлина следом за молодым драконом. Позади, глайдер бесшумно опустил поляризованный фонарь кабины и взмыл в небо, возвращаясь на стоянку.

Солнце медленно подбиралось к зениту.

– Так, поясните еще раз; некое событие грозит всему миру мгновенной гибелью и, чтобы не допустить этого, мы летим на две с половиной тысячи лет в прошлое, не зная даже, что надо там делать и где искать причину флуктуации? – Наоми даже приспустила крылья от возмущения. – Доктор, я была о вас гораздо лучшего мнения. Вам известно, что простейшая экспедиция в джунгли Кагга, куда сегодня иногда берут даже туристов, готовится не меньше месяца, и в экспедиции всегда участвуют две группы, одна из которых не идет в джунгли, а страхует товарищей?

Драконесса гневно щелкнула хвостом.

– А я–то, как дура, поверила в чудо! Поверила, что вы способны обратить время вспять и спасти Пироса! Вместо этого вы тащите меня в какую–то религиозную секту и заявляете, что я должна без всякой подготовки, без оборудования и глайдера, даже без карты, в компании с едва оперившимся птенцом, лететь на тысячи лет в прошлое и спасти всю планету?!

Бронзовый Крит, дергая хвостом от стыда и смущения, стоял у стены, понурился. Рэйстлин постукивал пальцами по креслу.

– Не совсем верно, Наоми. Оборудования и карт у нас более чем достаточно.

– Я говорю себе, что вы неудачно шутите, – холодно сказала драконесса. – Продолжаю повторять. Однако вы, похоже, не различаете, где кончается шутка и начинается глупость. Доктор, с вашим разумом все в порядке?

Рэйстлин кивнул.

– С моим разумом, увы, все в порядке. А вот у Кринна не все в порядке со временем.

Он коснулся кнопки на подлокотнике и график на экране сменился уже знакомой Криту топографической картой.

– Наоми, – мягко, и в то же время с необыкновенной твердостью сказал старый ученый. – Вы невнимательно слушали. Я посылаю Крита в прошлое, поскольку он лучше, чем кто–либо иной в мире, знает, что надо там делать. Но он действительно, как вы заметили, слишком молод, потому–то вы и летите с ним. Вы опытни, сильны и находчивы; с вашей помощью, у Крита есть шанс добиться успеха.

Наоми прищурила глаза.

– Это я уже слышала, доктор. Теперь мне бы хотелось понять, почему столь дикая экспедиция готовится в столь ненормальной спешке.

– Потому что завтра, с высокой вероятностью, Кринна уже не станет, – мягко ответил Рэйстлин.

Повисла напряженная тишина.

– Повторите, – сказала Наоми после длительной паузы.

– Завтра, в это же время, я почти уверен, наш мир перестанет существовать, – негромко произнес Рэйстлин. – Полностью, Наоми. Погибнут все ваши дети.

Драконесса судорожно вскинулась, на лапах моментально выдвинулись когти.

– Не смей! – прошипела она.

– Им угрожаю не я, – сухо ответил старик. – Погибнут все, Наоми. Если вы не справитесь.

Крылатая судорожно дышала. Крит, застыв у стены, с ужасом переводил взгляд с Наоми на Рэйстлина и обратно.

– Я не верю вам, – выдавила наконец драконесса. – Это чушь. Метафизическая сказочка, такая же, как все ваши вероятностные теории!

– Может быть, – согласился Рэйстлин. – Но ведь я могу быть и прав, Наоми. Понимаете, я ученый. Разум всегда на первом месте, чувства и эмоции вторичны. Сердце есть и у меня, поверьте, и оно стынет от ужаса, стоит лишь вспомнить, сколь чудовищная нам грозит катастрофа. Но знания превыше всего. Я не властен, не имею права закрывать глаза на тот факт, что вычисления могут оказаться точны, и наша вероятностная ветвь близится к гибели.

Рэйстлин развел руками.

– Я, конечно, сгустил краски, заявив что все погибнут. Разумеется, Криинн уцелеет – и здесь по–прежнему будут жить разумные существа, а возможно, и мы, точнее, наши отражения в иной реальности. Однако мы сами, наши жизни безусловно канут в Лету. И много ли радости вам, Наоми, доставит мысль, что после катастрофы на Криинне останется некая драконесса по имени Матафлэр, у которой, возможно, как и у вас, будет много детей? Разве хоть один из этих драконов останется вашим, Наоми?

Крылатая с силой перевела дыхание.

– Доктор, ваши попытки сыграть на моих материнских чувствах плохо пахнут. Да, я люблю детей. И вы прекрасно знаете, что не только своих.

– Да, Наоми, я это знаю, – очень серьезно ответил старик.

– Дураку ясно, что ради защиты потомства мать пойдет на все. Так что не ведите себя, как дурак, – жестко сказала драконесса. – Мне четыреста сорок семь лет, доктор, и вы глубоко заблуждаетесь, если полагаете меня наивной крылатой ящерицей.

– Дорогая Наоми, – Рэйстлин грустно улыбнулся. – Поверьте, если б я полагал

вас наивной ящерицей, я избрал бы другого дракона для этой миссии.

– Никакой миссии не будет, – процедила Наоми сквозь зубы. – Да, я случайно убила Пироса, и мне теперь с этим жить. До смерти. Но я не настолько обезумела, доктор, чтобы принять участие в вашей... вашей... даже не аванюре, у меня просто слов нет!

Возмущенная драконесса гневно изогнула шею.

– Помню, как-то на Берене дети притащили мне странную бумажную книгу, они нашли ее в разбитом звездолете посреди леса. Внутри оказалась сумасшедшая, удивительно дикая сказка о группе людей, искавших какой-то зеленый камень, вросший в грудь другого человека, чтобы с помощью этого камня уничтожить всех драконов своей планеты и навеки изгнать схематично описанную "темную богиню". Так вот, доктор: до сегодняшнего дня, я была уверена, что ни разу в жизни не услышу сказку бредовее той книги, однако вы успешно ее превзошли.

Рэйстлин задумчиво склонил голову.

– Что ж... – он вздохнул. – В таком случае, простите за отнятое время, Наоми. Криту придется лететь одному.

Драконесса отпрянула.

– Куда лететь?!

– В прошлое, – Рэйстлин развел руками. – Наоми, Крит, как и я, твердо знает, что мир погибнет, если мы не вмешаемся...

– С миром ничего не случится! – рявкнула драконесса. – А вот с вами, доктор, случится много нехорошего, если вы попытаетесь отправить этого птенца на верную смерть!

– Наоми, я... – попытался Крит, но крылатая взглянула на него с таким выражением, что юный дракон запнулся и отступил в тень.

– Доктор Маджере, – отчеканила Наоми. – Я верю, что вы искренне полагаете свои теории правильными, и ждете конца света завтра к полудню. Это ваше личное безумие, в конце-концов. Но я не позволю вам рисковать жизнью этого детеныша.

– Вот тут, Наоми, боюсь, решать уже не вам, – вздохнул старик. – Крит давно покинул родительское логово, и сам определяет свою судьбу. Вы, конечно, можете ему помочь... – Рэйстлин развел руками. – С вашим опытом и способностями, у

Крита, пожалуй, и впрямь появится шанс выжить...

– Вы серьезно полагаете, что я поддамся на столь простой трюк? – удивленно спросила Наоми. Рэйстлин улыбнулся.

– Да, пра'ва. Я действительно полагаю, что вы не отпустите Крита одного в дикий и смертельно опасный мир древнего Кринна.

– Верно.

– Но он в любом случае полетит, Наоми. Предотвратить это не в ваших, да и не в моих силах.

Алая драконесса криво усмехнулась.

– Посмотрим.

– Наоми, – Крит робко поднял крыло. – Учитель говорит правду. Я уже проглотил маяк, в полдень машина сработает и отправит меня на две с половиной тысячи лет в прошлое.

Драконесса задохнулась.

– Ч– т– о? – переспросила она недоверчиво.

– Реверсивное прогнозирование точная наука, а не гадание на кофейной гуще, – холодно, совершенно другим тоном произнес Рэйстлин. – Вы что же, и впрямь полагали, что я отдам судьбу Кринна на волю вашего переменчивого настроения? Весь этот разговор был просчитан еще вчера, я знал о каждом слове, которое вы прознесли, и прекрасно знаю, что будет дальше. Запомните, Наоми: я, Рэйстлин Маджере, избрал вас для помощи своему ученику. Это не просьба и не предложение, это ваша судьба, и менять ее уже поздно.

Он улыбнулся, взглянув на лицо драконессы, и одновременно с ней, слово в слово, проговорил:

– Вы ненормальный.

Наоми свирепо потрянула головой и приоткрыла широкие крылья.

– Доктор, кра...

– ...сных драконов злить опасно. – завершил за нее Рэйстлин.

Драконесса отпрянула.

– Вы издеваетесь?!

Старый ученый опустил голову.

– Если бы... – прошептал он с горечью. – О, крылатая, если бы... – Рэйстлин с трудом перевел дыхание и поднял глаза. – Поверьте, я делаю это не своею волей.

Наоми попятилась.

– Вы ненормальный... – прошептала она. – Вы все ненормальные!

Ответил ей Крит:

– Еще какие, – невесело заметил юный дракон. Наоми вздрогнула: бронзовый протягивал ей маленькую прозрачную капсулу со странным миниатюрным устройством внутри. Алый огонек ритмично подмигивал.

Драконесса зажмурилась и яростно помотала головой.

– Ты правда собрался лететь? – спросила она растеряно. Крит молча кивнул. Наоми некоторое время, не шевелясь, смотрела на юного сородича, затем решительно протянула лапу, взяла капсулу и быстрым движением кисти метнула себе в пасть.

– Сколько у нас времени на последние приготовления? – сухо спросила алая драконесса. Крит взглянул на стенные часы:

– Сорок минут.

– Вполне достаточно, – Наоми с силой перевела дыхание. – Мне нужны... – она запнулась, когда Рэйстлин поднял руку.

– Абсолютно все, что вы собирались перечислить, лежит в комнате запуска, – сказал старик. – Быть может, увидев это, вы наконец поверите.

Наоми свирепо оскалила клыки.

– Скорее эльф под горой пукнет, чем я поверю в ваши бредовые теории! – она подняла лапу и грозно указала когтем на Рэйстлина.

– С вами, доктор, я разберусь когда мы вернемся, – процедила драконесса сквозь зубы. – Уверяю, вам потребуется кое- что серьезнее чашечки кофе. А ты! – Наоми сверкнула глазами на юного Крита. – С тобой, птенец, я буду разбираться долго. Ну, где эта комната запуска?!

– Я– я провожу... – растерянный бронзовый дракон несмело протиснулся мимо Наоми к дверям. Драконесса бросила последний яростный взгляд на Рэйстлина и, развернувшись на месте, исчезла в коридоре, свирепо помахивая кончиком хвоста.

6

– Я хочу пить... – Йана тяжело дышала.

Рама закрыл глаза. Боль в правом боку и лапе сводила с ума, пульсировала, хотелось лечь и умереть.

– Потерпи еще немного, маленькая, – бронзовый дракон поднял девочку и усадил себе на спину, – Мы найдем выход и воду...

– Не найдем, – обреченно сказала драконочка. – Я много читала о магических пещерах. Когда умираешь от жажды, тебе кажется, будто каждая чешуйка посыпана песком, оцепенение начинается с крыльев, а потом...

Рама зарычал:

– Прекрати! – резко бросил он. – Мы живы и не собираемся умирать. Ты в любом случае выживешь, Йана. Не теряй надежды!

Сильно припадая на правую лапу, бронзовый вновь зашагал вперед, хрипло дыша от боли. У него кружилась голова.

– Никогда не теряй надежды, маленькая. Борись до конца. И даже после конца помогай товарищам своей смертью. Так должен поступать настоящий дракон.

– Рама? – Йана поникла. – Я... Про это тоже читала... Но я не смогу пить твою кровь! – в ужасе прошептала драконочка. – Не смогу!

– Сможешь, – жестко ответил дракон. – Когда я окончательно потеряю силы, моя кровь даст тебе шанс выжить.

Рама механически хромал по бесконечным коридорам подземного царства. Стены нависали над головой, безнадежность терзала сердце. Широкие проходы ветвились и перекрещивались, им не было конца, дисплей компаса безумно моргал. Дурак, трижды дурак, наивный ящер, с ног до головы обвешанный самым совершенным оружием, и не догадавшийся взять флягу с водой! Все пошло не так, с самого начала! Он подвел... Всех подвел! Даже здесь, в прошлом, по его вине сейчас умирает ребенок!

– Я проклят, я проклят, я проклят... – бормотал дракон, шатаясь от боли и усталости. Они с Йаной уже девятый день искали выход из лабиринта. Тяжелый

скафандр с техникой пожирал все силы бронзового, но бросить оборудование Рама пока не решался. В нем еще теплился слабый огонек надежды.

– Стой! – Йана внезапно распахнула крылья, чиркнув когтями о стены. – Слушай!

Пленники подземелья замерли в напряженных позах. И явственно различили слабое, едва уловимое журчание.

– Вода... – прошептал Рама. – Вода!!!

Он бросился вперед. Коридор, коридор, грот, широкий спуск и опять коридор... Плеск воды! Повороты! Тупик?!

Дракон с разбега ворвался в небольшой зал и бессильно замер, когда холодный ксеноновый свет фонарей вырвал из мрака глухую стену. Оттуда доносился едва уловимый плеск, пахло водой... Рама взревел:

– Врешь!!! – сорвав с бедра электромагнитный ударник, бронзовый в упор выстрелил по скале. Стену разодрала трещина, посыпались осколки. Второй выстрел обрушил целый участок скалы, третий открыл путь в огромную – и светлую! – пещеру. Но надежда быстро угасла: грот искрился синим пламенем, извергавшимся из небольшого круглого озера в центре.

– Вода! – Рама и Йана бросились вперед. Озеро оказалось удивительно глубоким – хотя вода была сказочно прозрачна, сияние не давало возможности видеть дно. Свет истекал непонятно откуда, наполняя озеро сверкающим туманом и почти не теряя яркости на воздухе.

Счастливые драконы плескались в воде, смывая пыль и грязь, наслаждаясь изумительным вкусом прозрачной жидкости. Сразу вернулось хорошее настроение, Йана со смехом ныряла и вертелась, пыталась в шутку утопить Раму. Тот делал вид, словно захлебывается. Рядом, на берегу, в лучах синего света мрачно блестел сброшенный экзоскафандр.

– Какая вкусная вода... – драконочка плавала кругами около своего спутника. – Правда?

– Много не пей! – предупредил Рама. Йана засмеялась и с плеском нырнула в глубину. Пока малышка утоляла жажду, бронзовый тревожно осматривал грот, где они оказались.

Идеально круглая пещера достигала сотни метров в диаметре и вздымала своды более чем на два десятка метров. Драконы проникли в нее сквозь старую, осыпавшуюся трещину в стене. Однако, имелся и вход...

Высокий сводчатый коридор светился мертвенно– белым, серебристым светом, истекавшим прямо из камней. В отшлифованном полу тускло отражались барельефы и фрески, однако на стенах их не было видно – удивительный эффект, о котором рассказывали древние летописцы. Взволнованный Рама приподнял гребень:

– Йана, плыви сюда, – тихо позвал дракон. – Кажется, я знаю, где мы очутились...

Не получив ответа, Рама обернулся, оглядел пустую водную гладь, судорожно дернулся и с яростным воплем бросился в глубину. Впереди слабо мерцала черная точка.

Обезумев от страха, Рама бешено работал крыльями и хвостом. Мгновенно доплыв до дна, он схватил безжизненное тело Йаны и с такой скоростью рванулся на поверхность, что едва не вылетел из воды подобно ракете. Драконочка не дышала.

– Космос, небо, кто–нибудь, не дайте ей умереть, пожалуйста!

Продолжая бешено растирать маленькое тельце, Рама припал ко рту малышки и начал искусственное дыхание.

– Очнись! Не смей умирать!!!

Туман в глазах.

– Йана!!!

Драконочка слабо дернулась и изогнулась дугой, жестоко закашлявшись. Рама подхватил ее на руки, укутал крыльями:

– Глупышка моя... – от радости бронзовый дракон не замечал слез.

Драконочка открыла синие, как небо, глазки и посмотрела на своего защитника.

– Рама, – она всхлипнула. – Я не могла вдохнуть!

– Все, все кончилось, маленькая... – Рама прижал ее к себе и плотнее закутал в крылья, стремясь отогреть. – Не плачь...

– Там, внизу! – Йана пыталась сказать. – В глубине! Это не озеро, это гробница!

– Что? – бронзовый замер.

– Внизу вторая пещера, гораздо больше этой, – тихо сказала дрожащая от страха драконочка. – Там, в самом центре, стоит хрустальный саркофаг. Рама, мне страшно...

Йана внезапно заплакала.

– Я узнала... Я фильм смотрела... – сквозь слезы рассказывала малышка. – Все как в сказках!

– Ну, ну, не плачь, – Рама крепче обнял драконочку. – Подумаешь, саркофаг. Может, в нем и не дракон вовсе.

– Там эльф внутри! – выпалила Йана. – Я успела разглядеть!

Молчание.

– Эльф? – спросил Рама. Глаза дракона сузились.

– Да! – малышка возбужденно кивнула. – Женщина! С серебряными волосами! Я знаю, кто это, про нее целый телесериал есть!

Бронзовый дракон медленно повернул голову к озеру.

– И кто же?

Йана схватила Раму за крыло:

– Это Гвинес! – прошептала девочка. – Серебряная драконесса, умевшая менять облик и полюбившая рыцаря по имени Хума. Героиня самой страшной войны на Кринне! Она победила Такхизис ценой своей жизни, и в ее честь на острове Эргот воздвигли громадный храм в виде Каменного Дракона, а саму Гвинес похоронили в хрустальном саркофаге глубоко под землей, там, где у Каменного Дракона должно быть сердце. Рама, мы попали прямо в сказку!

Бронзовый глубоко вздохнул.

– Йана, подожди здесь минутку... – негромко сказал он.

– Нет! – драконочка вцепилась в Раму. – Не оставляй меня одну!

– Маленькая, я сейчас вернусь, – ласково ответил дракон. – Ты можешь смотреть сквозь воду.

Йана проводила его испуганным взглядом.

Едва доплыв до дна, дракон ощутил сильное течение. Невидимый водоворот вечно вращался вокруг саркофага, а внутри, одетая лишь в туман, лежала прекрасная среброволосая эльфийка.

Высокая, худощавая и бледнокожая, она имела удивительно возвышенное, благородное лицо. В отличие от рисунков, виденных Рамой, волосы героини отливали, скорее, холодной сталью, чем серебром. Глаза были закрыты, на лице застыло выражение легкой печали. Несколько минут крылатый молча рассматривал мертвую красавицу.

Наконец, нужда в воздухе заставила его опомниться. Случай с Йаной напрочь отбил у Рамы охоту дышать водой озера, поэтому бронзовый дракон ухватил саркофаг лапами и напряг все силы, пытаясь сдвинуть его с постамента. Не без труда, но ему это удалось. С шумом вынырнув, Рама ободрительно улыбнулся Йане и взгромоздил хрустальный гроб на берег.

– Зачем ты его вытащил?! – драконочка пришла в ужас.

– Нам необходимо отыскать выход из пещеры, – заметил Рама, вылезая из воды. – Люди часто кладут вместе с мертвыми различные предметы. Здесь может найтись что-нибудь интересное.

Малышка вздохнула.

– Рама... – она подошла ближе и потерлась головой о мощную лапу бронзового. – Я хотела тебе сказать, но не успела, ты нырнул. Гробница Гвинес скрыта от всех, ее так никогда и не нашли. В фильме говорили, что сам Паладайн воздвиг гору на месте погребения, и Каменного Дракона вырезали как раз из этой горы.

Йана подняла глаза.

– Отсюда нет выхода, – шепнула она с горечью. – Мы попали в навечно замурованную гробницу...

– Ну, это еще надо проверить, – с напускным весельем отозвался бронзовый. Потрепав малышку крылом, он приподнял саркофаг и установил на торец. Теперь эльфийка внутри словно стояла на ногах, готовая шагнуть вперед и покинуть

хрустальный плен. Она вовсе не выглядела мертвой.

Драконы довольно долго разглядывали древнюю героиню. Разумеется, они много читали о ней, однако встретиться с легендой вот так, вплотную...

– Что думаешь? – спросила драконочка.

– Полагаю, ломать не будем, – задумчиво протянул Рама.

Йана вздрогнула.

– Она такая... Красивая...

– Словно живая, да? – бронзовый вздохнул.

Девочка тихонько кивнула.

– Словно живая... Ой, – Йана встрепенулась. – А тут что-то написано!

– Верно.

Драконочка подошла к саркофагу и попыталась разобрать едва заметную серебристую надпись.

– Что за буквы? – спросила она удивленно.

– Рунный язык Предтеч, – Рама сузил глаза. – На нем написан Тобрил, книга богов.

Вскрикнув, драконочка отпрыгнула от саркофага и попыталась спрятаться за Рамой.

– Не читай! – Йана дрожала. – Ослепнешь!

Бронзовый удивленно нахмурился:

– Ослепну?

– Да! Одна драконесса нашла Тобрил, стала его читать и сожгла глаза!

Рама сильно вздрогнул.

– Откуда ты знаешь?! – спросил он потрясенно.

Удивленная Йана выглянула из-под блестящего бронзового крыла.

– Как, откуда? – драконочка моргнула. – Я фильм смотрела...

Рама на миг замер, потом облегченно рассмеялся.

– Фильм... Ну конечно, фильм. Прости.

– Ты что-то знаешь про ту драконессу! – обвинительно заявила Йана.

Рама покачал головой.

– Да так, одни легенды.

– Как ее звали?

– Кого?

– Драконессу! Прочитавшую Тобрил!

Рама вздохнул.

– Если не ошибаюсь, ее звали Кристалл.

Йана отпрянула.

– Вот это да... – прошептала она изумленно. Рама прищурил глаза.

– В чем дело?

Драконочка ответила не сразу, сначала отошла в сторону и уселась на хвостик.

– Рама, в том фильме упомянули, что имя таинственной драконессы затерялось в веках, и сегодня никто не знает, как ее звали, – тихо сказала Йана. – Никто, кроме тебя.

Бронзовый запнулся.

– Я... Читал одну книгу...

– По всей Галактике ученые ищут тайну машины времени, а ты носишь ее на поясе, – перебила Йана. – Ты с первого взгляда узнал язык богов, о котором вообще ничего не известно!

Рама молчал. Драконочка, глубоко вздохнув, улеглась на каменный пол в позу сфинкса и выжидательно скрестила за спиной крылья.

– Я хочу правду.

Бронзовый посмотрел на саркофаг.

– Правду? – спросил он тихо.

– Да, правду! Раз уж я никогда не вернусь домой, изволь хотя бы рассказать, где мне предстоит жить и почему я сюда попала! – гневно отозвалась девочка.

Рама опустил на пол и тяжело вздохнул.

– Правда довольно жестокая вещь, Йана, – сказал он негромко. – Я расскажу очень коротко. Много лет назад, когда я был юным птенцом, мои родители и старшая сестра сгорели заживо. Я чудом уцелел, потерял крыло и лапу. В пожаре погибло еще несколько драконов, включая моего лучшего друга, латунного Хризолита. Латунные не подвластны огню, и он пытался меня вытащить, когда рухнул свод.

Дракон с болью поднял правую лапу.

– То, что от него осталось, пересадили мне, спасая от смерти.

Йана широко раскрыла глазки, но перебивать не стала. Бронзовый продолжил:

– Спустя полгода я вышел из больницы с твердым намерением посвятить жизнь борьбе с огнем. Родственников у меня не осталось, однако у входа в больницу стоял старый бронзовый дракон. Он представился дедом сестры моей матери, и сказал, что хочет заботиться обо мне, пока я не стану взрослым. Я согласился, поскольку был совершенно опустошен и не хотел думать о будущем. Я даже не обратил внимания, что правая лапа и крыло старика были странного латунного цвета.

– Как это?! – опешила Йана. – Ему тоже... пересадили?!

Бронзовый вздохнул.

– Нет, малышка. Просто старого дракона тоже звали Рамой. Это был я сам – на две тысячи пятьсот лет старше.

– Как?! – вскрикнула Йана.

– Именно так, – жестко ответил дракон. – Мне предстоит жить здесь, в прошлом, еще двадцать пять веков, прежде чем я отыщу самого себя в больнице и обучу, как летать сквозь время.

Драконочка раскрыла пасть от изумления.

– Но... Но... – она глубоко задумалась. – Но ведь две тысячи лет страшно длинные! А вдруг не получится?

– Уже не получилось, – мрачно сказал Рама.

Йана отпрянула.

– Не понимаю...

– Меня готовили к этому полету много лет, – тихо ответил бронзовый. – Я в точности знал, где, когда и как я полечу в прошлое, что мне предстоит совершить и как я проведу оставшиеся века, прежде чем найду сам себя и поведаю ему все, что помню. Я знал, в какой день Клеана организует свой тур в затопленный город, знал, что на пути туда я встречу астронавта по имени Дагар'р...

Рама подался вперед.

– Только все пошло не так, Йана. Тебя не должно быть здесь. Когда Рама отправился в прошлое – он отправился один.

Потрясенная драконочка долго молчала.

– Начинаю понимать... – сказала она наконец. – Тот, старый Рама, полетел в прошлое, жил здесь тысячи лет, дождался пока ему пришло время вылупляться, а потом нашел самого себя – молодого – и рассказал все, что помнил.

– Точно.

– Но про меня он ничего не рассказывал, – добавила Йана.

– Именно, – бронзовый кивнул. – Тебя не было с ним!

Драконочка ахнула.

– Так значит, я изменила твое прошлое! И рассказ старого Рама теперь неправильный?!

Бронзовый опустил голову.

– Все гораздо хуже, Йана. У меня была четкая цель, миссия, ради которой я летел в прошлое. Я диверсант. Мое задание – уничтожить Тобрил, источник силы богов Кринна. До твоего появления, я твердо знал, как и где это сделать, а еще – я знал, что мне все удалось, поскольку Революция, которая вскоре начнется, победила.

Йана вскрикнула от ужаса.

– Но... Но... Но что же теперь?!

– А теперь мне придется действовать самому, – тяжело сказал Рама. – Я надеялся осуществить задуманное, двигаясь по рельсам судьбы. Я ничем не рисковал, ведь мне известно все будущее этой планеты!

Он стиснул зубы.

– Но любимая поговорка старого Рама была – "Судьбы нет". Сейчас я думаю – он прекрасно сознавал, что меняет будущее, рассказывая мне о задании.

Йана недоверчиво приподняла гребень.

– То есть, он про меня все– таки помнил, но тебе не сказал?

– Наоборот, – грустно улыбнулся Рама. – Полагаю, он поведал мне историю своей жизни именно для того, чтобы вся его жизнь сложилась иначе.

Бронзовый встал на ноги. Сияние озера красило его чешую в черный.

– В некотором смысле, Йана, ты меня освободила, – тихо признался Рама. – Теперь я не обязан строго придерживаться пройденного ранее пути. Отныне я обычный дракон, и о будущем Кринна знаю не больше любого другого.

Малышка сглотнула.

– Рама, но... Ведь Революция победила благодаря тебе! Весь мир, который мы знаем – он просто исчезнет, если ты провалишь задание!

– Значит, его нельзя провалить, верно? – бронзовый вздохнул. – Я постараюсь, Йана. Я постараюсь...

Драконочка вскочила.

– Это я виновата! Рама, оставь меня тут, я сама найду выход, а ты думай, словно меня вовсе нет. Тогда все получится!

Бронзовый усмехнулся.

– Не болтай глупостей, малышка. Слишком поздно что-то менять. Я должен был оказаться в Кзак Цароте незадолго до гибели Хисант, втереться в доверие к ее убийцам, с их помощью проникнуть в Палантас, где верховный библиотекарь, Астинус, который на самом деле – бог Гилеан, хранит Тобрин. Вместо этого мы сейчас на острове Эргот, в верховьях реки Тон–Цалариан, на другом конце материка. И я даже не знаю, в правильном ли мы времени.

Он покачал головой.

– Теперь мы можем надеяться лишь на себя. К счастью, я готовился даже к такому сценарию.

– Как? – спросила удивленная Йана.

Рама подмигнул.

– Я бронзовый дракон, не так ли? Хранителям Тобрин будет непросто заподозрить во мне диверсанта из будущего. Понимаешь... – он вздохнул. – В то время драконов считали боевыми зверьми, вроде крылатых коней. На меня едва ли обратят больше внимания, чем на лошадь.

Йана сморщила носик.

– Фу! И тебе не будет противно?!

– Будет, – мрачно отозвался Рама. – Но куда сильнее меня беспокоит твоя судьба, малышка.

Протянув лапу, бронзовый дотронулся когтем до сверкающего ожерелья на груди драконочки.

– Это диски Мишакаль, – негромко сказал Рама. – Именно они погубили Хисант, поскольку та была черной драконицей, созданием Такхизис.

Удивленная Йана моргнула.

– Но я ведь тоже черная!

– Вот именно, – невесело отозвался Рама. – Дело в том, что мы с тобой свободные драконы. Мы вылупились в мире без богов, в нас нет их ядовитой магии, поэтому для Мишакаль ты невидима, и Диски тебе безопасны.

– Вау... – только и сказала драконочка.

– На этом держится весь мой план, – заметил Рама. – Но для тебя древний Кринн смертельно опасен. Йана, в глазах любого металлического дракона ты – злобная тварь Такхизис, и они убьют тебя, едва заметив! А хроматовый, при встрече, немедленно утащит тебя в Оплот, черный замок Владычицы, где драконят превращают в нерассуждающие машины смерти. Я уж не говорю, что встреча с человеком, эльфом, гномом или другим не– драконом, гарантировано закончится трагедией...

Йана склонила голову набок.

– Тебя послушать, так мне и вовсе нет смысла из пещеры выход искать.

– Отчего же... – Рама вздохнул. – Не забывай, мы сейчас в мире, где существует магия. А мы драконы, мы живем магией! Тебе придется вспомнить одну волшебную способность, которой обладают только черные.

Йана широко раскрыла глаза.

– Какую?!

– Ты можешь превращаться в тень, – спокойно сказал Рама.

Повисла тишина.

– Повтори, я не поняла.

– Все черные драконы с самого вылупления имеют три магических способности, – бронзовый наклонил голову к малышке. – Дышать под водой, видеть в темноте и превращаться в тень. Когда с Кринна ушла магия, вы сохранили только водное дыхание.

Йана отпрянула.

– Что значит "превратиться в тень"?! Я стану плоская и прозрачная?!

Рама улыбнулся.

– Нет. В древности, твои сородичи умели делать так, что ни одно существо,

кроме единорогов, не обращало на них внимания. Вы превращались в тень – что-то смутное на краю зрения, дуновение холодного ветерка, легкие мурашки по коже... Черный дракон мог стоять в центре площади, полной народу, и никто его не замечал.

Восхищенная Йана открыла пасть.

– И я тоже так могу?!

– Можешь, – кивнул Рама. – Это врожденное. Я хочу, чтобы отныне ты каждый миг старалась добиться такого эффекта. Помни, магия у тебя в крови, ее не нужно учить – нужно чувствовать. Это очень важно, Йана, от твоего успеха зависят наши жизни.

Драконочка серьезно кивнула.

– Я постараюсь, Рама.

Бронзовый ласково потрепал ее крылом и обернулся к хрустальному саркофагу.

– Знаешь, что тут написано? – он поднял лапу и указал когтем на серебристые руны. – "Тот, кто хозяина предал, проклят да будет навек, если родился крылатым – станет, как человек. Тот, кто служить отказался, гордость прославив свою – горько о том пожалеет, оставшись несчастным в раю. Вам говорю, драконы, звездного жара сыны: тот, кто сейчас перед вами..." стоп, что-то не так, – Рама недоуменно покачал головой. – Почему перевод рифмуется? Я не пытался его рифмовать.

– Пожалуйста, не читай! – драконочка затрепетала. – Я смотрела фильм, если начнешь читать Тобрил, остановиться уже не сумеешь!

– Да? – Рама задумался. – Йана, но это же сказка.

– А мы с тобой где, не в сказке? – возмутилась малышка.

Бронзовый запнулся.

– Хммм... – протянул он наконец.

– Уйдём, пока не поздно!

Йана подбежала к дракону и принялась тащить Раму к сводчатой арке выхода. Но бронзовый продолжал глядеть на саркофаг.

– Сейчас, сейчас... – дракон наклонил голову. – Странно, этот иероглиф я раньше не видел...

– Рама!!! – завопила Йана, но было поздно. Бронзовый коснулся поверхности

хрустального ложа и произнёс:

– Вам говорю, драконы, звездного жара сыны: тот, кто сейчас перед вами, станет причиной войны.

Последние отзвуки слов растворились в гробовой тишине. Йана замерла, от страха потеряв дар речи, Рама потрясенно пятился назад. Ибо саркофаг таял.

Он не плавился, не раскрывался – именно таял. Начиная с верхнего торца, хрустальная призма бесшумно растворялась в воздухе. Зрелище было до того неестественным, что у обоих драконов гребень шипов встал дыбом.

Йана прижалась к ногам Рама, тот машинально накрыл ее крылом. А саркофаг уже наполовину испарился. Тело среброволосой эльфийки плавно опускалось и, спустя несколько мгновений, когда саркофаг полностью исчез, на каменном полу лежала прекрасная женщина, освобожденная из хрустального плена. Никаких следов саркофага не осталось.

– Вот это да, – тихо сказала Йана. – Такого я в фильмах не видела.

Потрясенный Рама распустил крылья.

– Теперь уж точно придется действовать по обстановке... – пробормотал он негромко.

Йана с опаской подошла к эльфийке и обнюхала ее лицо.

– Ух ты... – малышка оглянулась на Раму. – Она ведь живая, правда? – умоляюще спросила драконочка.

– Не знаю, Йана. Не знаю...

Но на самом деле, зоркие глаза дракона уже заметили едва заметный пульс под белой кожей Гвинес. Крылатые смотрели на возрождение самой древней и самой знаменитой героини своего племени.

Момента включения машины вероятности Наоми ощутить не смогла. Мгновением раньше она стояла посреди целой груды оборудования, в мрачной

подземной комнате, глядя на зловещее электронное табло, где красные цифры отсчитывали последние секунды перед запуском. Мелькнул свет – и на драконов обрушился ураганный ветер, сметая, раздавливая все на пути. Ледяной дождь, будто дробь, рухнул с небес, от неожиданности вскрикнула даже Наоми, а Крит так и вовсе рефлекторно накрылся крыльями.

Стояла ночь. Страшный ветер свистел меж деревьев, ливень стегал драконов тысячами плетей. С трудом переведя дух, Наоми быстро оглядела набор оборудования и ощутила слабое облегчение, убедившись, что все надежно закреплено.

– Крит, очнись, – драконесса гневно ткнула спутника хвостом. – Мы на месте.

Юный дракон смущенно сложил крылья и выпрямился, морща глаза от дождя. Наоми вздохнула.

– Начинаем ориентирование...

Она подошла к самому большому контейнеру, расстегнула застежку и вытащила всепогодный навигационный набор. Крит молча смотрел, как алая драконесса разворачивает треногу ракетной установки, готовясь запустить на орбиту миниатюрный картографический спутник.

– Пригнись, – буркнула Наоми, нажимая кнопку. Слепящая вспышка и грохот сообщили, что мини– ракета стартовала успешно. Шипя и обжигаясь, драконесса сложила раскаленную треногу и швырнула ее в траву под ноги бронзовому дракону.

– Кто–то говорил, что хорошо подготовлен! – гневно заметила Наоми. – Иди сюда и покажи на карте, где можно безопасно разбить лагерь!

Крит подбежал к драконессе. Та уже растянула гибкий дисплей навигатора и смотрела в небо, ожидая первого сигнала со спутника. Тот не заставил себя ждать:

– Есть! – довольная Наоми даже облизнулась от удовольствия, когда дисплей навигатора засветился. Некоторое время они с Критом молча разглядывали картинку со спутника. Потoki дождя струились по экрану, ухудшая и без того отвратительную видимость.

– Слишком сильная облачность... – смущенно сказал наконец дракон.

– Полагаешь, я не вижу? – алая драконесса коснулась сенсора, переведя спутник в режим тензолокации. Цветное изображение облаков сменилось грубой,

схематично— зеленой картиной.

– Так! – Крит оживился. – Вот Палантас, мы находимся примерно...

Примерно...

– В шестнадцати милях от его самой южной точки, – закончила Наоми.

Крит помрачнел.

– Здесь очень опасно для тебя.

– Только для меня? – удивилась драконесса.

– Ты хроматовой расы. Меня аборигены не тронут, а за тобой погонится целая армия, если заметит... – бронзовый стремительно водил когтем по карте. – К востоку от нас лежит Город Потеряных Имен, там дракону делать нечего... Каламан... Даргаард... А это должна быть башня верховного жреца, она еще не разрушена! Мы в правильном времени!

Наоми прищурила глаза.

– А могли оказаться и в неправильном?

Крит смущенно перебрал крыльями.

– Ну... Мало ли, все же первое испытание машины...

– Вы точно ненормальные, – твердо сказала Наоми. – И я тоже. Группа сумасшедших собралась спасти мир.

– А кто, кроме безумцев, за такое возьмется? – невесело спросил бронзовый. Не найдя, что ответить, алая драконесса фыркнула и склонилась над картой.

– Вот здесь крупный остров, это Эргот?

– Северный Эргот, – кивнул дракон.

– В этом мире от так же мало населен, как и в нашем?

– Нет, Наоми, туда нельзя! – запротестовал Крит. – Посмотри, совсем рядом с Эрготом – Санкрис, резиденция соламнийских рыцарей. Знаешь, что они творили с драконами в этом периоде?!

Наоми усмехнулась.

– Если память меня не подводит, они на нас летали.

Бронзовый запнулся.

– Ну да... Но только на драконах Света! Хроматовых они истребляли!

– Лучше покажи, куда мы должны лететь, – оборвала Наоми. – Исходя из этого

и решим, где разбить лагерь.

Крит нервно помахивал хвостом.

– Год. Мне нужно знать год, тогда точно скажу, где безопасно.

Драконесса на миг задумалась.

– Сейчас, – она склонилась над навигатором. Довольно долго вместо карты на дисплее мерцали звезды.

– Ну– с, – Наоми выпрямилась. – Если пульсары в этом мире расположены так же, как в нашем, я могу сказать, мы в триста сорок шестом году эры Катаклизма, конец февраля или самое начало марта. За три года до начала Революции.

– Триста сорок шестой? – потрясенный Крит чуть не упал. – Невозможно! Мы должны были попасть в триста сорок первый!

Наоми вздрогнула.

– Это помешает плану?

Крит бессильно уронил крылья и сел прямо в грязь.

– Плану? – юный дракон сглотнул. – Какому плану?

– У вас был план, верно? – с напряжением спросила драконесса. – Хоть какой–то?

Бронзовый судорожно кивнул.

– Провидица в горах Ледяного Предела. Серебряная драконесса, Кристалл. Она знала, где ошибка. Она бы направила нас...

– Но? – Наоми начинала понимать, и ей это совсем не нравилось.

– В триста сорок третьем году Кристалл должна была погибнуть от рук Паладайна... – прошептал Крит. – Мы собирались ее эвакуировать...

Алая драконесса с рычанием схватила юного сородича за рог и рывком вздернула его на ноги.

– Ты хочешь сказать, единственный ключ к решению был уничтожен три года назад? И больше никто не знает, где искать флуктуацию?! – Наоми вдруг вспомнила, что случилось с Пиросом, когда она в прошлый раз не сдержала силу, и в ужасе, отпустив рог Крита, отпрыгнула назад. Молодой дракон, к счастью, ничуть не пострадал.

Сглотнув, он чудовищным усилием воли взял себя в лапы и глубоко вздохнул.

– Спокойно. Спокойно. Кристалл была ясновидящей, значит, она предвидела наше опоздание и непременно оставила зашифрованный ключ там, где мы его совершенно точно найдем.

– Где? – с трудом спросила Наоми. Ее до сих пор трясло от мысли, что она едва не покалечила спутника.

Крит судорожно огляделся.

– Я бы оставил прямо здесь... – пробормотал он.

– Ага, посреди поляны, в паре часов ходьбы от столицы! – язвительно заметила драконесса.

– Тогда... Тогда...

– Я бы нашла место, достаточно знаменитое, чтобы быть известным даже спустя две тысячи лет, и в то же время не доступное никому кроме драконов, – сказала крылатая. – А еще лучше, вообще никому не доступное в этом времени. Думай, Крит. Думай!

– Я думаю! – огрызнулся бронзовый. – Но все, что приходит в голову, так же легко придет в голову и нашим врагам!

Наоми стиснула зубы. Потоки ливня струились по ее чешуе, ветер дул с такой силой, что могучая драконесса с трудом удерживала равновесие. Авантюра Рэйстлина с каждой секундой казалась все большим безумием.

– Ладно. Придумаем позже, – решила Наоми. – Оборудования слишком много, чтобы таскать все с собой. Большую часть придется зарыть здесь и надеяться, что мальчишки–кладоискатели появятся в более поздние эпохи... – она свернула экран навигатора и сунула прибор за пояс. – Крит, вытащи разрыхлитель и установи на тридцать ярдов, думаю, так глубоко никто в здравом уме не полезет. Я отберу предметы первой необходимости...

– Нет нужды, – внезапно отозвался бронзовый. – Я придумал лучший выход.

Он широко улыбнулся и внезапно расплылся облаком светящегося тумана. Прежде, чем шокированная Наоми успела закричать, облако снова собралось вместе, и на траве вместо дракона оказался обнаженный эльф с длинными, до пояса, золотыми волосами и загорелой бронзовой кожей. Алая драконесса чуть не потеряла сознание.

– Как?! Но... Как?!!

– Я бронзовый дракон, – грустно сказал Крит. – Мой вид владеет врожденным даром смены облика, разве ты не знала? В нашем мире, где магии нет, этот дар бесполезен, зато здесь... – Крит поежился под взглядом шокированной драконессы и, немного подумав, все же прикрыл ладонью промежность. Наоми зажмурилась, открыла глаза, снова зажмурилась и снова открыла. Ничего не изменилось.

– А– а– а... – она потеряла дар речи. – Н– н– но... Но это же... Куда делась разница масс?! Как ты стоишь на ногах, твой вестибулярный аппарат не рассчитан на отсутствие крыльев и хвоста!

Крит пожал плечами.

– Магия законам физики не подвластна. Без магии мы бы даже летать не могли.

Наоми с трудом закрыла пасть и молча уселась в мокрую траву. Количество стрессов за единицу времени грозило превзойти даже ее силы.

– А... – она зажмурилась. – Крит. Хорошо, бронзовые умеют... превращаться... Боги, не верю что я это говорю!!! Но ты–то как научился управлять своими... талантами?! Или ты не впервые здесь?!

– Впервые, – Крит опустил голову. – Я... Не знаю, как объяснить, Наоми. Это все равно что дышать. Я просто вспомнил о своей способности, подумал о ней и сразу ощутил, что надо делать. Да тут и делать–то ничего, ну... Вот как тебе взмахнуть хвостом!

Алая драконесса сглотнула.

– Так. Так. Здесь есть магия и она работает. Спокойно, спокойно... – Наоми нервно рассмеялась. – Так. Все хорошо, все хорошо. Крит, какими талантами обладают красные драконы?

Бронзовый задумался.

– Ну, самые известные, это конечно аура ужаса и огнестойкость...

– Аура ужаса?! – переспросила Наоми. – Это как?!

Крит пожал плечами.

– Если верить легендам, ты способна обратить в паническое бегство любое существо на Кринне, кроме единорога. Впрочем, тот, я думаю, сбежит и без всякой

магии... Вспомнил! – Крит вздрогнул. – Наоми, ты тоже способна менять облик. Когда Пирос служил у Верминаарда, он часто превращался в человека.

– Пирос?.. – растеряно переспросила драконесса. Крит запнулся.

– А... Да, он здесь тоже... Обитает, – упавшим голосом сообщил бронзовый.

– Пирос? МОЙ Пирос? Отец моих детей? – Наоми яростно потрясла головой.

– Ну– у... – эльф почесал в затылке. – Вообще–то, вы пока не знакомы.

Под взглядом алой драконессы он невольно переступил с ноги на ногу.

– Ну не знаю я такие вещи! – взорвался юный дракон.– Меня к другому готовили!

– Что–то я пока не замечаю твоей подготовки, – мрачно сказала Наоми.

Крит с трудом улыбнулся.

– Дай лишь отыскать первую вежу...

– Если ты сейчас схватишь воспаление легких, мы едва ли успеем это проверить, – драконесса смерила дрожащего под дождем эльфа критическим взглядом. – И что это ты так старательно прикрываешь внизу? Можно подумать, раньше ты одежду носил!

– У драконов не заметно... – окончательно смутившись, буркнул Крит. Отвернувшись, он вновь стал облаком золотого пара. Наоми постаралась не вздрогнуть, когда облако собралось в хорошо знакомого ей крылатого.

– Вот, – Крит смущенно переступил с лапы на лапу. – Можно разбить лагерь прямо здесь. Я сменю облик и стану его охранять, пока ты будешь искать вежи. На данной стадии я все равно буду только обузой.

Драконесса тяжело вздохнула.

– Думается мне, ты останешься обузой на любой стадии... – она подошла к другому контейнеру, вынула массивный прибор ночного видения и прицепила к рогам. Тускло горящие зеленым, телескопические объективы беззвучно вращались, пока драконесса оглядывала местность.

– Юго– восток, на два часа, – Наоми указала когтем куда–то во тьму. – Вижу горы, примерно в сорока милях. Что ты о них знаешь?

– Даргаардский хребет, – тут же сообщил Крит.

– А, ну да. Это ж не другая планета... – Наоми гневно тряхнула головой,

сердцась на собственную недогадливость. – Бери второй найтвизор, рацию, бомбовый маяк, и лети к горам, – распорядилась драконесса. – Ищи любое более– менее плоское место, куда совершенно невозможно добраться без крыльев. Найдешь – не приземляйся, просто сбрось маяк и мчись обратно. Временный лагерь разобьем там.

Юный дракон тяжело вздохнул, но догадался не возражать.

К утру ураган стих, от туч не осталось и воспоминаний. Свежий, пахнувший озоном воздух был восхитительно прозрачен и чист, с высоты открывался сказочный вид. Далеко– далеко, на грани видимости, угадывались очертания двух башен – верховного жреца в десятке миль от стен Палантаса, и библиотечной башни, тянувшейся к небу из предместий города.

Выспаться Наоми, разумеется, не удалось, однако, уже под утро, драконесса сумела немного вздремнуть, и сейчас лежала на краю скалистой площадки, которую вчера отыскал Крит. Позади, с трудом втиснувшись между контейнерами, тихо лежал молодой дракон. Его размеренное дыхание клонило в сон.

Наоми размышляла над обстановкой. Вчерашний безумный день остался в прошлом; сейчас драконесса с трудом понимала, чем руководствовался ее разум, когда соглашался на чудовищно нелепую затею Рэйстлина.

Крит? Ну, с птенцом все ясно, без нее он тут не продержится и дня. Здесь как раз все логично, отпускать подобного... студента в прошлое было равнозначно его хладнокровному убийству. Но она–то, она! Вместо того, чтобы расколотить изобретение безумного доктора и вызвать агентов СБД, она ринулась в невозможную миссию, даже не спросив, как будет возвращаться... Ночью, обнаружив среди вещей две надувные анабиозные камеры, Наоми думала, что просто взорвется от ярости. Конечно, следовало сразу понять, что машина вероятности работает лишь в одном направлении.

И Пирос. Пирос! Он жив, пусть не совсем тот, но жив! Наоми твердо сказала себе, что должна отыскать местного Пироса любой ценой и хотя бы взглянуть на него. А вдруг он и здесь ухаживает за... второй Наоми?

Драконесса вздрогнула. Матафлэр, ее копия в этом мире. Наверняка они с Пиросом вместе, как было и дома. Но Рэйстлин отказался о ней говорить – почему? Что знал он об отражении Наоми?

– Крит, – негромко позвала драконесса. – Спишь?

Бронзовый тихо вздохнул.

– Да какой тут сон, рр'ава.

– Не зови меня так. Не люблю.

– Как скажешь...

Наоми обернула голову и смерила мрачного дракончика сомнительным взглядом.

– Депрессия? – спросила она негромко. Крит опустил веки.

– Не знаю, – он сглотнул. – Плохо мне...

– Это реакция на шок. Скоро пройдет.

Бронзовый судорожно вздохнул.

– Что нам теперь делать? Как искать флуктуацию?

– Справимся, не вешай хвост, – Наоми почувствовала стыд за то, что вчера так накинулась на бедного птенца. Он–то виновен в случившемся меньше всех... Алая драконесса привстала на передних лапах и сладко потянулась, напрягая одну мышцу за другой. Когти со скрежетом прошли по камням.

– Крит, садись, слушай, – Наоми вздохнула. – Мы в опасном окружении. Есть несколько правил для таких экспедиций, вот главное: ни взмаха, слышишь – ни взмаха без рации и плана. Нужно в кустики – сначала отметь кустики на карте и запиши для меня сообщение "Время такое–то, иду в кустики, см. отметку такую–то". Ясно? Если не ясно, я тебя прямо сейчас заморожу и буду разбираться в обстановке сама.

Юный дракон сглотнул.

– Ясно, Наоми.

– Правило номер два: мои приказы сначала исполняются, а потом обсуждаются. Если я что–то приказываю, значит, времени на обсуждение уже нет; когда время есть, я не приказываю, а прошу. Ясно?

– Да.

– Теории, мечты и всякие безумные проекты позади, Крит, – предупредила Наоми. – На местности мечтать поздно, надо работать.

– Я понимаю.

– Очень на это надеюсь, малыш. Для твоего же блага надеюсь, – драконесса вздохнула. – Сейчас слушай внимательно. Ночью я долго думала над ситуацией, взвешивала возможности. До Революции еще три года, значит, местная обстановка совершенно такая же, как если б Революции не было вовсе. Историю Кринна я, конечно, помню уже не так ясно, как четыреста лет назад, в школе, однако главные даты узнавать могу до сих пор. Триста сорок шестой год – начало Войны Копья, верно?

– Да, – тихо ответил Крит. – Осенью начнется. Сейчас Такхизис ведет последние приготовления и стягивает силы в район Кзак– Царота, где в небольшой крепости Пакс Таркас засел Повелитель Верминаард.

– Верминаард? – Наоми сузила глаза. – Это имя я хорошо помню.

– Еще бы... – буркнул Крит, но тут же запнулся и бросил на драконессу испуганный взгляд. Наоми насторожилась.

– Что? – спросила она мрачно.

– Ничего, – быстро ответил юный дракон. – В Пакс Таркасе нам делать нечего, там...

– Там Пирос? – оборвала Наоми.

Крит сглотнул.

– Э– э– э... Да, – он понурил голову.

– И с ним местная Матафлэр... – Наоми задумалась. – Странно. Что произойдет, если я ее встречу?

– Ничего хорошего, – отозвался Крит. – Пожалуйста, Наоми, не рискуй так. От нашей миссии зависит слишком многое!

Алая драконесса помолчала. Затем ей пришла в голову новая мысль:

– Стоп, – она вздрогнула. – Я хроматая, так? В армии Такхизис я сойду за свою. Если ты сменишь облик и притворишься моим всадником...

– Я не могу, – сразу ответил Крит. – Бронзовые способны превращаться лишь в... – он запнулся, но все же закончил – ...в добрых существ.

Наоми отпрянула.

– Добрых? – она ахнула. – Вспомнила! Принадлежность! В этом мире ОНА ТОЖЕ работает?!

– Работает, – вздохнул юный Крит.– Хотя наша воля и свободна от этого проклятия, новые магические таланты принадлежат древнему Кринну, а потому подчиняются существующим законам. Я хаотично– добрый бронзовый дракон, я не могу сменить облик на существ противоположного лагеря. Даже цвет чешуи изменить не могу. Сам знаю, глупо, но законы не я придумывал.

Наоми долго молчала.

– Плохо, – сказала она наконец.

– Еще бы...

– А человеком ты стать можешь?

– Человеком могу, но в армии Такхизис очень мало людей– всадников, их все знают по именам... – Крит запнулся. – Постой. Наоми, что ты задумала?

Алая драконесса подняла лапу и указала когтем на спутника.

– У меня есть план. Он состоит из трех этапов. Этап первый: следует признать, что миссия провалена. Мы опоздали на пять лет, утратили след и не можем предотвратить катастрофу. Согласен?

Юный дракон моргнул.

– А..а..а... Наоми?

– Согласен, – драконесса отрывисто кивнула. – Переходим ко второму этапу: в чем заключается проблема? В некой флуктуации, которая так изменила прошлое Кринна, что знакомого нам мира просто не возникло. Мы знаем, где и когда произошла упомянутая флуктуация? Ответь.

– Нет, – тихо сказал дракон.

– В том–то и беда... – Наоми вздохнула. – Не знаем. Поэтому у нас просто нет иного выхода, кроме как перейти к третьему этапу моего плана.

Она умолкла и внимательно посмотрела на юного Крита. Тот нервно оглянулся.

– Третий этап?

– Третий этап.

– И... в чем же он состоит?

Наоми развела крыльями.

– Мы должны убедиться, что Революция и все сопутствующие ей события произойдут вовремя и правильно. Если же где-то возникнет ошибка... – она вздохнула. – ...мы вмешаемся и исправим.

Бронзовый так отпрянул, что просто вжался в холодную скалу.

– Нет! – вырвалось у него. – Нельзя!

– Что нельзя? – драконесса хлестнула себя хвостом. – Нельзя легонько повисить шансы рождения нашего мира? Мы не знаем, где произошла флуктуация, ваша провидица мертва, значит, единственный выход – отследить все ключевые события в истории этого периода и принять меры, чтобы им не мешали. Как легче всего предотвратить Революцию? Ответь!

– Наоми, – взмолился Крит. – Наоми, пожалуйста, не меняй историю! У Ская не было красной драконессы в помощницах, само твое появление уничтожит причинно– следственную цепочку! Неужели ты сможешь молча смотреть, когда Око будет убивать тех драконов?! Ты вмешайся, и Скай не освободится от магического рабства, и Революции не будет! А таких эпизодов здесь больше, чем ты способна вообразить!

Крылатая покачала головой.

– Крит, я...

– Наоми! Идет война! Здесь каждый день гибнут десятки драконов! Ты просто не сможешь, никто не властен это изменить!

– Почему? – гневно спросила Наоми.

– Потому что на крови этого мира рождается наш, – тихо сказал юный дракон.

8

Зал был разрушен столетия назад. Потрескавшиеся стены тускло горели синим, на полу громоздились непонятные обломки и куски скал. Из трех проходов, некогда сверкавших каждый своим цветом, сохранились только два – серебристый,

откуда пришли драконы, и золотой, мрачно светившийся в дальней стене. Третий коридор, чьи стены когда-то излучали ровный салатовый огонь, рухнул.

Рама расстелил по камням левое крыло и бережно опустил на него тело Гвинес. Прошло уже два дня с невероятной встречи у озера, но древняя драконица – или эльфийка? – не приходила в сознание, хотя дышала ровно и глубоко, а сердце билось без перебоев. К несчастью, среди оборудования Рама имелась кибераптечка только для драконов, бесполезная эльфам. Оставалось надеяться, что Гвинес рано или поздно очнется...

Зато Йана была на седьмом небе! Малышка, видимо, не до конца сознавала свое положение, и ее почти не беспокоила опасность. Она наслаждалась каждым мгновением их приключения, бегала по пещере, пела, часами рассказывала бесчувственной Гвинес истории о ней самой и других героях. Йана была уверена, что Гвинес все слышит и понимает.

Бронзового дракона грызли сомнения. Он не мог уразуметь, что вмешалось в отлаженный, сотни раз отрепетированный сценарий. Хорошо, допустим Йана "вмешалась" сама, но каким образом перемещение во времени забросило их на другой конец материка, в подземные лабиринты Каменного Дракона? Больше всего Раму тревожила мысль, что они вполне могли оказаться в неправильном времени – задолго до, или, что хуже, много позднее начала Революции. Одноразовую машину времени Рама выбросил еще в первый день.

Но, хотя тревоги и сомнения грызли дракона изнутри, какая-то часть его души ликовала. Известная во всех подробностях, безрадостная и неизбежная жизнь Рама внезапно вновь стала свободной и непредсказуемой. Его чувства можно было сравнить с ощущениями художника– копировальщика, уволенного с работы и впервые задумавшегося над возможностью создать собственную картину...

– Куда теперь? – звонкий голосок Йаны заставил Раму вздрогнуть и вернуться к реальности. Дракон с шумом перевел дыхание.

– Куда теперь... – повторил он механически.

– В золотой коридор? – предложила Йана. – Выхода там, конечно, не будет, но вдруг найдем другое озеро и еще одного героя спасем?

Рама натянуто улыбнулся:

– С нас пока хватит оживших легенд. Предлагаю пойти вверх.

Удивленная драконочка вскинула голову... И радостный визг разорвал тишину древнего подземелья. В потолке зияла широкая трещина, полная звёзд.

– Ура!!! – Йана рванулась в воздух и попыталась протиснуться наружу. Рама, покачив головой, снял с бедра электромагнитный ударник.

– Посторонись– ка, маленькая...

Камни с грохотом посыпались вниз. Расширить трещину удалось далеко не сразу, однако оружие Рама в конце– концов победило. Первой на волю, разумеется, рванулась Йана, следом выбрался и бронзовый дракон, бережно обернув крылом тело Гвинес.

Стояла ночь. До горизонта простиралась таинственная туманная долина, похожая на озеро, где не отражались звёзды. Трещина, откуда выбрались Рама и Йана, находилась на правом "плече" Каменного Дракона, высоко над землей. Царил полный штиль и только журчание реки, где–то внизу, нарушало безмолвие.

Огромная трещина проходила вдоль крыла Каменного Дракона, который грандиозным монолитом нависал над долиной. Рама и Йана стояли на узком каменном козырьке, частично затронутом трещиной. Как ни странно, рухнувший салатный коридор вел из зала в пустоту – драконы сразу узнали знакомый арочный проход прямо под собой. Обрушенные стены заставляли предположить, что в древности здесь вовсе не была пустота.

– Что ж, мы действительно на острове Эргот... – заметил Рама. – Малышка, будь осторожна и ни в коем случае не летай. Долина под нами заколдована.

Он поднял голову и зорко оглядел небосвод, усыпанный звездами.

– Сейчас я постараюсь определить время, куда мы попали, – Рама снял с пояса навигационный миникомпьютер.

Йана зачарованно оглядывалась по сторонам, глубоко дыша и помахивая хвостом. Синие глазки драконочки пылали словно две молодые звезды.

– Мы попали в сказку, Рама... – задыхаясь от радости, прошептала Йана. – Мы в сказке! Смотри туда!

Бронзовый уже и сам заметил, что края долины загибались подобно подкове, обрисовывая идеальный полукруг, на плоской грани которого возвышался Каменный

Дракон. Мириады огоньков мерцали на склонах гор, это светились знаменитые флуоресцентные цветы эльфов – подумать только, значит было время, когда они росли под открытым небом! Рама вдохнул пропитанный тысячами ароматов воздух.

– Красиво... – прошептал он.

– Слушай, а ведь здесь была башня, – с подозрением заметила Йана. Она прижалась к своему защитнику. – Посмотри, какие ровные края у долины! Здесь стояла чудовищная, могучая башня размером в небольшой город, и туда вел зеленый коридор!

Драконочка ахнула.

– Я знаю, что тут было! – она широко раскрыла глаза. – Потерянная крепость!

– Какая крепость? – не понял Рама.

Йана возмущенно толкнула его крылом.

– Ты не знаешь? Потерянная крепость, башня трех величайших магов, которая исчезла из нашего мира во время Второй войны драконов. Про нее ТАКОЙ фильм сняли, что я его раз десять пересматривала...

Бронзовый встрепенулся.

– О! Когда это случилось? Только точно!

– В две тысячи шестьсот сорок пятом году до Катаклизма, – отрапортовала Йана.

Рама улыбнулся.

– Ну что ж, значит, мы можем быть уверены, что сейчас как минимум две тысячи шестьсот сорок четвертый год.

– Рама, Гвинес погибла... ну, то есть не погибла, но, в общем, тут не сходится, – выпалила Йана. – Потерянная крепость исчезла на две с половиной тысячи лет раньше, чем построили Каменного Дракона. Зеленый коридор не мог вести в башню.

Бронзовый пожал крыльями.

– Значит, тут было что-то иное, вот и все.

– Такое громадное? – с сомнением протянула драконочка.

– Кринн сейчас совсем другой, – тихо ответил Рама. – Ведь мы теперь в сказке, помнишь?

Йана вздохнула.

– Мне страшно, – шепнула она. – Тут все такое... Настоящее... Значит, и враги настоящими будут, и охотиться на нас станут взаправду.

– Малышка, не бойся, – Рама ласково накрыл Йану крылом и притянул ближе.
– Мы прошли подземельями древних богов, спасли самую легендарную драконессу в истории, неужели тебя пугает какая-то рухнувшая башня?

– Пугает, – совсем тихо сказала драконочка. – Я не ожидала, что все такое большое и... реальное. Рама, я... Я только сейчас поверила, что мы не дома.

Бронзовый поднял голову. Свежий воздух наполнял его грудь, боль в раненной лапе совершенно утихла. Внезапно Рама тихо засмеялся и игриво толкнул Йану крылом.

– Ошибаешься, – шепнул он. – Мы вернулись домой...

Как ни странно, драконочка не стала возражать. Мурлыча, словно кошка, она забралась на спину Рама и свернулась там в клубок. Дракон накрыл ее широким крылом.

– Спокойной ночи, маленькая.

– Приятных снов, – улыбнулась Йана, закрывая глаза.

Рама не спалось. Драконочка ровно дышала, пригревшись на спине своего защитника, далеко внизу шелестела река... Тишина давила на разум.

"Как объяснить все чудеса, произошедшие с нами?" – размышлял бронзовый. Осторожно изменив позу, он развернул левое крыло и принялся разглядывать Гвинес. Эльфийка казалась спящей.

– Кто ты, что ты, откуда ты?.. – прошептал Рама. Подняв лапу, он бережно провел когтями по волосам неподвижной героини, и внезапно застыл, ощутив электрическое покалывание. Дракон сильно вздрогнул.

Немного подумав, он снял с пояса навигационный компьютер, перевел его в режим магнитометра и поднес к голове эльфийки. Цифры на дисплее немедленно изменились.

– Вот оно как... – прошептал Рама. Отложив компьютер, дракон подтащил

массивный микроволновый излучатель и развернул параболическую антенну, сфокусировав ее на лице Гвинес. Прежде, чем вводить настройки, Рама еще раз сверился с дисплеем магнитометра.

– Посмотрим, посмотрrrrrим... – бронзовый вытянул из мезонного реактора толстый сверхпроводящий кабель и подключил к излучателю. Дисплей изменил цвет на пурпурный. Глубоко вздохнув, Рама коснулся сенсорной панели и тут же, моментально, вновь выдернул кабель питания. По волосам Гвинес пробежали сотни маленьких молний.

– Та– ак, – дракон усмехнулся. – Все интереснее и интереснее.

Он развинтил рукоять электромагнитного ударника и отсоединил мощный сверхпроводящий конденсатор с мини– дисплеем. Затем тщательно разделил волосы спящей эльфийки на две половины и, бережно, стараясь не применять силу, закрутил их в жгуты.

– Посмотрим, что вы на это скажете, – буркнул Рама.

Он с силой придавил один из жгутов к скале, а второй намотал на минусовой контакт конденсатора. Гвинес не шевелилась. Вздохнув, дракон дотронулся вторым контактом до земли.

Тело эльфийки судорожно выгнулось, руки и ноги затряслись в конвульсиях. Мини– дисплей на конденсаторе показал полный заряд. Поспешно разорвав цепь, Рама нажал кнопку предохранителя. Между контактами проскочила искра.

– Ох и поиздевались над тобой, бедняжка... – вздохнул дракон. Вновь соединив волосы с контактом, он вторично замкнул конденсатор на землю.

На сей раз Гвинес билась гораздо дольше, из носа у нее потекла кровь, пальцы ног были судорожно сжаты. Рама покачал головой.

– Держись, держись...

Прежде, чем эльфийка пришла в себя, потребовалось еще один раз разрядить ее тело. Страшно изогнувшись, она тихонько стонала, скребя камни ногтями. Рама с тревогой следил, опасаясь, как бы конвульсии не привели к смерти.

Однако Гвинес справилась. Спустя несколько минут, она приоткрыла ярко– зеленые глаза и с хрипом скрутилась в клубок, жестоко кашляя. Рама облегченно вздохнул.

– Удалось...

Тело Гвинес сотрясла дрожь. Дракон, спохватившись, накрыл ее теплым крылом и притянул к себе под бок, чтобы не замерзла. Довольно долго затем царила тишина: уставшая Йана так и не проснулась.

Наконец, Рама почувствовал слабое прикосновение к перепонке. Отодвинув крыло, он взглянул на измученную Гвинес, без сил лежавшую на скалах.

– Понимаешь стандартный язык? – тихо спросил дракон.

Эльфийка тяжело дышала.

– Я жива... – прохрипела она, не в силах поверить. – Я жива...

– В некотором смысле, – согласился Рама. – Ты помнишь свое имя?

Гвинес мучительно сглотнула.

– Дракон... – слабо прошептала она. – Ты дракон?

– Конечно, – крылатый улыбнулся.

– Как... это... возможно?

Рама прищурил глаза.

– Я полагал, мы с тобой одной крови.

Гвинес содрогнулась всем телом.

– Но... Драконов истребили... Всех...

Крылатый отпрянул.

– Что– что? – он напрягся. – Когда?

На глазах Гвинес показались слезы.

– Я была последней в роду... – прошептала она с мукой. – Я умерла, там, на горе... Я умерла! Как я могу жить?

– Тебя заколдовали и поместили в саркофаг, – негромко ответил Рама. – Ты спала много столетий. Прошу, назови свое имя, это очень важно.

Эльфийка зажмурилась.

– Имя... Меня звали Среброкрылой Гвинес, я была драконицей, пока не полюбила... – она перекатилась на бок и подтянула колени к груди, скорчившись от горя. – Он мертв... Все мертвы...

Рама ласково погладил Гвинес по спине.

– Драконов не истребили, мы живем и процветаем.

– Ты не знаешь! – простонала эльфийка. – Ты ничего не знаешь!

Она рывком села, ее грудь судорожно вздымалась.

– Я была последней в роду, – прошептала Гвинес. – Тех, других, сотворили, подражая нашему облику, но они всего лишь подделка. У них нет воли, нет мыслей, они просто говорящие звери! Ты не понимаешь!

Рама опустил голову.

– Я понимаю куда лучше, чем ты думаешь, – глухо произнес дракон.

Гвинес подняла взгляд.

– Ты настоящий? – спросила она тихо.

– Надеюсь, – очень серьезно ответил Рама.

Эльфийка медленно протянула руку и дотронулась до бронзовой чешуи.

– Если ты вновь явился терзать меня, молю, прояви хоть каплю милосердия, – взмолилась она. – Я давно осознала свою ошибку, я больше не восстану против тебя!

Рама судорожно стиснул зубы.

– Я не бог! – с такой яростью рывкнул дракон, что Йана в страхе вскочила и тут же спряталась под бронзовым крылом. Гвинес прижалась к скале.

– Кто ты?.. – прошептала она.

– Я не Паладайн, – яростно повторил Рама. – И не один из его слуг. Я свободный дракон. Мое имя Рама, я прилетел в этот мир чтобы покончить с богами и освободить рабов.

Он подался вперед.

– Можешь принять родной облик? У меня есть аптечка... Набор снадобий, но они пригодны лишь для драконов. Тебе сразу станет лучше.

Гвинес зажмурилась.

– Я попробую... – она напряглась. Тело эльфийки замерцало, обратилось в туман, и спустя мгновение на скале лежала грациозная серебряная драконесса. Окончательно ослабев, Гвинес уронила голову на лапы.

– Мне нужна пища... – шепнула она.

Рама улыбнулся.

– Так точно, – он поднял с земли стальную коробочку и вытащил оттуда полупрозрачную зеленоватую таблетку. – Вот, проглоти.

Гвинес с трудом повернула голову.

– Что это?

– Энергетическая капсула. Заменяет две тонны свежего мяса, она будет медленно растворяться, хватит на целый месяц.

Драконесса моргнула.

– Что?..

– Вкусная, – заверил Рама.

Гвинес покорно раскрыла пасть и проглотила таблетку. Бронзовый облегченно вздохнул.

– Дай– ка я введу тебе стимулятор... – он приложил кибераптечку к плечу драконессы и нажал несколько кнопок, – ...вот, так–то лучше. Скоро будешь в полном порядке.

Рама вздохнул.

– Сейчас не пугайся, я должен познакомить тебя с замечательной девочкой, певицей, красавицей и великим знатоком сказок.

Гвинес слабо улыбнулась.

– Я уже заметила...

– Вот как? – удивился Рама. – И... ничего странного не видишь?

Драконесса качнула головой.

– Я не подделка,– шепнула она. – Я мыслю. Она только детеныш.

Йана несмело выглянула из– под бронзового крыла.

– Я– я– я не т– т– такая уж м– м– маленькая...

– Гвинес, – тихо позвал Рама. – Каким образом ты сохранила свободу? Любой серебряный дракон при виде Йаны пришел бы в ярость и попытался бы ее убить.

Драконесса закрыла яркие зеленые глаза.

– Не дракон, – ответила она с горечью. – Не дракон. Те, кого ты зовешь драконами, не имеют прав на это имя.

Рама опустил голову.

– Не суди их строго. Они не виновны.

– Виновны! – с жаром отозвалась Гвинес. – Когда я... еще до... В прошлом, я пыталась поднять народ на бой, открыть им глаза. Меня изгнали. В богов они верили

сильнее, чем в себя!

– Ваши боги вполне реальны, в них трудно не верить, – улыбнулся Рама. – Гораздо труднее понять, что вера и поклонение совершенно не связаны.

Он встал, подошел к груде оборудования и вытащил длинную металлическую спираль.

– Тебе нужно тепло, да и нам с Йаной не мешает... – спираль была включена в мезонный реактор, и моментально раскалилась добела.

– Предлагаю всем погрузиться в целительный сон, а утром решить, как жить дальше, – спокойно сказал Рама.

Йана на его спине несмело кивнула.

– Хорошая мысль...

– Такхизски хорошая мысль! – Рама свернулся в клубок у спирали и с улыбкой взглянул на Гвинес. Та, с трудом переставляя лапы, подошла ближе.

– Драконы... – прошептала она, без сил опускаясь на скалы. – Зачем, ну зачем вы меня воскресили...

Рама ласково ткнулся носом в ее шею.

– Затем, что мы драконы, а не подделки, – очень серьезно ответил он.

Так заканчивается третья ветвь истории Кринна, и начинается...

Книга вторая: Век героев

Эпилог

– Я пришёл к тебе, Владычица! – яростно сказало существо. – Я буду говорить, а ты станешь слушать.

Треугольная площадка из плоских каменных плит тонула в тумане. Три монолита нависали над дерзким, готовые рухнуть и раздавить его в любой миг, но пока выжидавшие – решения здесь принимали не камни.

Существо стояло на коленях. Его голова была обвязана тремя ленточками разных цветов: красная – просьба о крови; белая – знак правдивости мыслей; чёрная – цвет сердца.

В левой руке существо держало череп сородича, подобранный им у входа в долину. В правой – череп человека, добытый по дороге.

– Вот твой народ, Владычица! – существо подняло череп сородича над головой. – Вот твой народ! Я одной крови с ним!

Долина откликнулась мощным гулом, земля затряслась. Существо не обратило на это внимания.

– Да, ты узнала, узна– а– ала... – прошипело оно. – Я, говорю: я не твой. Мой народ тебе не принадлежит! У тебя больше нет народа!

Повисла мертвая тишина. Затем земля затряслась и, из– под раздвинувшихся каменных плит, показались пять громадных плоских голов с глубоко посаженными глазами. Каждая голова сверкала собственным цветом, десять огненных глаз впились в дерзкого. Но существо даже сейчас не вздрогнуло.

– Ты пришёл сюда с чистыми мыслями и чёрным сердцем, просить меня о крови, – спокойно сказала ярко– красная голова чудовища. – Я отказываю тебе.

– О нет, земляной червь, именующий себя богиней, – презрительно ответило существо. – Я пришёл не просить. Я пришёл дать тебе это.

С сухим стуком по камням покачился человеческий череп.

– Вот твой новый народ, Владычица, – яростно сказало существо. – Вот и всё, ради чего я пришёл.

Оно поднялось с колен и направилось обратно в туман. Однако мощный голос чудовища задержал его на месте:

– Стой, смертный, – приказала богиня. – Ответь, в чём причина твоего отречения?

Существо медленно обернулось. В его узких золотистых глазах пылал настолько сокрушительный гнев, что чудовище невольно отпрянуло, заставив землю дрогнуть.

– Ты хочешь знать, почему мой народ тебе более не принадлежит? – негромко спросило существо. – Что ж, я отвечу. Моего народа не существует. Его уничтожили. Его стёрли с лица Кринна, как я стираю тебя из своего сердца.

С этими словами существо сорвало с головы красную ленточку.

– Ты хочешь знать, почему я стираю тебя из своего сердца? – продолжало оно, медленно наступая на громадное чудовище. – Потому что тебя не оказалось рядом, когда не стало моего народа. Ты пряталась здесь, в своей норе, а нас не стало. Сохранилась только чернота в моем сердце – и ты, здесь. Я стираю черноту с сердца.

Чёрная ленточка бессильно упала на каменные плиты.

– Ты хочешь знать, почему я пришёл сюда с чистыми мыслями? – существо замерло в двух шагах от огромной плоской головы. – Потому что я пришёл сказать правду тебе в лицо, а не пресмыкаться у твоего хвоста. И я сделал это, червь.

Белая ленточка присоединилась к чёрной и красной.

– Теперь у тебя есть новый народ, – сказала существо. – Тебе больше не нужны такие, как я. Ползи же к ним, Богиня. Научи их лизать твой хвост, пока о тебе окончательно не забыли, ибо в противном случае ты умрешь, как умерли мы. Вы, боги – вы существуете лишь в памяти смертных, вы живы пока о вас помнят. Я больше не хочу помнить о тебе. Прощай.

Богиня молча следила, как маленькая фигурка уходит в туман.

Конец первого тома